С01.71-2
В26

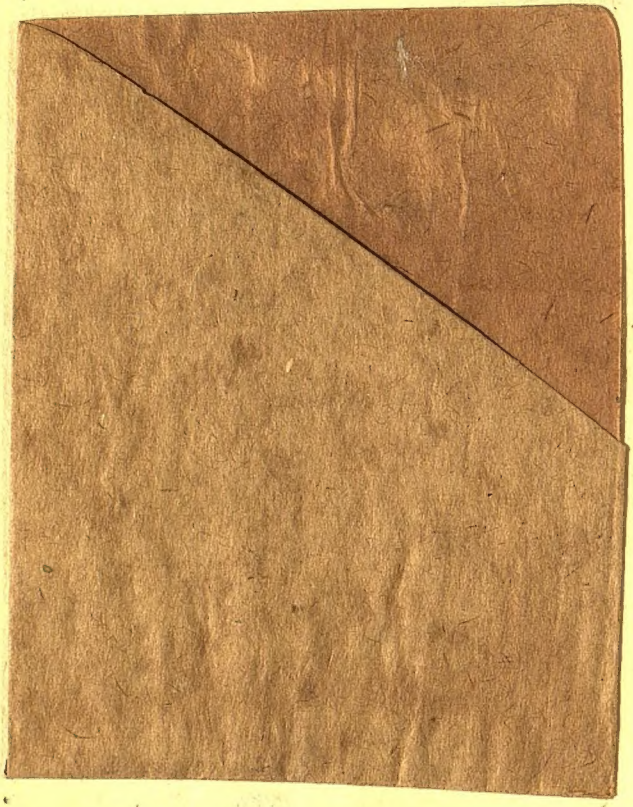
С. ВЕТИК

ЛОМОНОСОВ

ОГИЗ — СЕВКРАЙГИЗ
1 · 9 · 3 · 5

5096к. 96845

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПО
ЗАННОГО



С. ВЕГИН

С О
В 26

ЛОМОНОСОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА

В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ
ВОСЬМИ КАРТИНАХ

5096к 96645.

1966 г.

1948

1955

1940

АРХАНГЕЛЬСК
Краевая библиотека
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ГОСУДАРСТВЕННОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
пользоваться бережно!

СЕВКРАЙГИЗ
АРХАНГЕЛЬСК
1935

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

С 89171-Д

С. Вегин

ЛОМОНОСОВ

Пьеса

Севкрайиз 1935 Архангельск

«Ломоносов» С. Вегина — историческая пьеса о яркой жизни первого русского ученого—выходца из крестьян Северного края — Михаила Васильевича Ломоносова.

Пьеса написана на основании исторических документов и знакомит как с личностью самого Ломоносова, так и с неприглядной действительностью 30—60 гг. XVIII века в России, в которой пробивал себе дорогу в науку талантливый самородок, отец русского литературного языка, первый русский академик.

Книга предназначена прежде всего на чтение, но может быть поставлена на сцене профессионального театра.

Книга рассчитана на среднеподготовленного читателя.

2002
1995

2010

В темный век свой всезрящим умом
Разгадал он средь тайн мирозданья,
Что теперь лишь мы смело зовем
Достояньем наук и познанья.

Я. Полонский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов Василий Дорофеевич — крепкий бородатый помор с добродушными глазами и бугроватым носом, 49 лет.

Ирина Семеновна — его третья жена, 45 лет, высокая женщина, очень подвижная. В лице сквозят упорство воли и злобность.

Михайло — его сын от первой жены, 19 лет. Высокий парень с румяным лицом и пухлыми губами.

Иван Шубный — сосед Ломоносовых, 25 лет.

Петруха Дудин — мальчик лет 15.

Павлин — раскольник из беспоповцев, человек лет 60.

Лука Ломоносов — старик лет за 70, дальний родственник Василия Дорофеевича.

Никита — его внук, лет 30.

Семен Никитич Сабельников — дьячок приходской церкви, старик лет 60.

Действие происходит 10 декабря 1730 года в деревне Денисовке, расположенной на Куростров, одном из островов Северной Двины, вблизи Холмогор. Большая комната в доме зажиточного рыбака Василия Дорофеевича Ломоносова. Направо — дверь, ведущая в сени. В углублении — русская печь. Над дверью, доходя почти до печи, полати. Слева — стол. Около стола табуретки. Вдоль стен — скамейки. В углублении — кровать под пологом. Кое-где по стенам развешены рыболовные сети. В углу, около стола, перед иконами теплится лампада. Комната слабо освещена сальными свечами. В окна проглядывает голубоватый свет северного сияния.

Ирина Семеновна собирается уходить.

Ирина Семеновна (*надевая полушубок*). Ирод, право ирод!.. Запряг меня в работу, и горя ему мало... Весной, летом и осенью рыбачит с Мишкой, уезжает в море-окиан, а зимой по торговым делам разъезжает, а то бражничает... А ты сиди день-денской дома одна и хорони добро, как пес, на чепь привязанный... Оно, конешно, дом у нас полная чаша, всякой живности и припасов вволю, да толку что из того?.. Кому все достанется?.. Лодырю Мишке... Умри отец, он меня тут же из дому

вышвырнет... Хоть бы какого-нибудь заморыша родить да вырастить!.. (*Слышен шум в сенях*). Кто там?

Михайло (*кричит из сеней*). Это я с Ванюхой.

Ирина Семеновна. Где пропадал, леший? (*Выходит в сени, откуда долетает ее ругань*). Я тебе, дармоед, полодырничаю. Пошто воды не принес, паршивый щенок?.. Вот как поленом огрею, в другой раз не запамятуешь...

В избу входят Михайло, Иван Шубный и Петруха.

Михайло. Красота-то какая диковинная, я такое сияние в Денисовке впервой вижу!.. И свет совсем особый, как у молоньи... Голубоватый... А небо точно дышит... Откуда свет этот берется?

Иван Шубный. Вестимо — от бога. Допытываться в таких делах грешно.

Михайло. Кто поумнее да покнижнее нас, те до всего допытываются.

Петруха. А в книжках, которые ты после смерти дедушки Христофора у наших выклянчил, тоже о сиянии ничего не прописано?

Михайло. Выклянчил!.. Я чай, твоему отцу за них отработал... Теперь, почитай, наизусть их знаю, а только насчет сияния на небе в нощи ничего в них не писано. (*Достает с полатей две книги*). Вот это — грамматика Мелетия Смотрицкого. Это — арифметика Магницкого (*вынимая из-за пазухи книгу*), а вот эту — псалтирь, Симеоном Полоцким в стихах изложенную, я в Холмогорах раздобыл. Никогда я с этими книгами не расстанусь!..

Петруха. Пойдем, Мишка, на посиделки к Белобородовым. Там все девки в сборе. И Настюха там, и Марфушка... С которой тебя отец-то окрутит?.. Обем охота за тебя замуж пойти. Хозяйство у вас вон какое, а ты один...

Михайло. Мотри, что ни с которой не окрутит... Иди один, а мне с Ванюхой поговорить надоть. (*Петруха уходит*). Слышал?.. А ты спрашиваешь: пошто я в Москву уйти надумал?

Иван Шубный. Коли отец благословит, езжай в Москву учиться, а не похощет — женись, да займись хозяйством. У отца чего только нет. И земля, и покосы, и промыслы, и торговля... Вон и галиот „Чайку“ построил, и пруд для разводки разной рыбы возле дома вырыл... Вы с отцом на всю округу в славе.

Михайло. Два года насчет Москвы думку в голове держу. Теперь решился... Ходил сегодня прощаться с могилкой матери... Ведь азам-то она сама меня выучила и тебя рубашками да лепешками награждала, чтобы ты меня письму научил. А потом, тишком от отца, к дьячку Семену Никитычу учиться свела...

Иван Шубный. Ну, и будет с тебя. Чай не весь век учиться. Ведь тебе уж двадцатый год с Михайлова дня пошел.

Ты и так первый грамотей у нас в Денисовке, церковную службу лучше всякого дьячка справишь. Недаром наши раскольники перетянули было тебя к себе. Такой человек им нужен. Напрасно ты от них отвернулся. У них вера и впрямь тверже, чем у нас, никониан...

Михайло. Самосжигаются они — это верно. Да что толку в этом? Вот мне жизнь дома с мачехой тоже опостылела. Поэтому, я должен себя сжечь, что ли?

Иван Шубный. Не гневи бога; такого отца, как твой, кажинный пожелает.

Михайло. Напраслину говорить не стану. Отец у меня простосовестен, к сиротам податливый, труженик, и всегда ему в промысле счастье; да ведь темн й он совсем, неграмотный, чему он научить меня может??. А мачеха?.. Скупущая, завистливая, на язык предерзостная Забрала отца в свои руки и измывается надо мной изо дня в день. Не по душе, вишь, ей, что я книжки читаю... Намедни чуть не сожгла их. Разве это — дело??. Теперь я книжки тишмя читаю, — то на погосте, то в поле, али в лесу... Нет, Ваня, это не жизнь, а каторга!..

Иван Шубный. Перемелется — мука будет. А ты смирись перед отцом, дело и наладится.

Михайло. Если смирюсь, так темным дураком и умру. Женят и скажут: живи с женой любче; паши, где лучше; коси, где гуще; лесуй, где пушно... Так, что ли?.. Нет, Ваня, мне из нашей темноты выбиться хочется... Вон после покойного холмогорского архиепископа Афанасия, говорят, книг осталось видимо-невидимо. И трубы зрительные у него были, и компас для моря, и всякие иностранные диковины... Царь Петр за науку любил его и жаловал. А кем был-то?.. Мужик, раскольник из Сибири... А?..

Иван Шубный. Утеснитель он был... На всех лапу хотел свою наложить. Раскольники волком от него выли, да и православным от него житья не было Нашел, кого хвалить!..

Михайло. Пока мужики, как кроты, в темноте ползать будут, утеснители всегда найдутся. Учиться нам нужно, вот что!.. Нет, нет, уйду в Москву... У меня и пашпорт готов *(вынимает паспорт и читает)*: „1730 года, декабря 7 дня, отпущен Михайло Васильев сын Ломоносов к Москве и к морю до сентября 1731 года".

Иван Шубный. Пашпорт-то как получил?

Михайло. Сам начальник земскими делами Иван Васильевич Милюков выдал.

Иван Шубный. Отец знает?

Михайло. С его согласья выдали... „Вот как поженю тебя, езжай — говорит — с богом в Москву, рыбу туда свези да возвращайся домой к жене".

Иван Шубный. Ну?

Михайло. Жениться не буду, а в Москву уйду.

Иван Шубный. Тайком уйдешь?

Михайло. Хоша и так.

Иван Шубный. Не противься, Михайло, отцовской воле.

Михайло Если бы я не противился, он меня тринадцати лет женил бы на взрослой девке из Колы. Спасибо, что я тогда смекнул, что ему после смерти второй жены работница в доме была нужна, и притворил себе болезнь. Пришлось тогда отцу самому на третьей жениться...

Иван Шубный. Ты лучше с отцом добром поговори. Может, и согласится со свадьбой обождать.

Михайло. Не надеюсь на это. Мачеха больно наседает на него. Говорит, что по хозяйству ей одной не управиться... Думал было я в холмогорскую архиерейскую школу поступить, да там мне сказали, что людей „подлого звания" в нее не пущают.

Иван Шубный. И в Москве тоже скажут. Закон-то везде один.

Михайло. Я в Москве скажу, что мать моя была дочь дьякона, что я — сирота, а про отца умолчу.

Иван Шубный. Пропадешь ты в Москве, Михайло.

Михайло. Не пропаду... Вон Никон, хоша морд ин был, тоже от злой мачехи из дому сбежал... Одначе, не пропал и патриархом сделался...

Иван Шубный. Эвона, куда хватил, с кем задумал тягаться!.. Ты лучше отца добром умоли, а то что ты в Москве без денег будешь делать? Это тебе не Денисовка.

Михайло. Попытаюсь еще сегодня поговорить с ним да знаю: толку из этого не выйдет.

Иван Шубный. А ты заранее не загадывай... Смотри же, непутевый, потолкуй с отцом. (*Уходит*).

Михайло (*один*). У меня все готово. Фома Шубный дал мне взаймы три рубля и полукафтан. Обоз с рыбой сегодня в Москву вышел. Приказчик сказывал мне, что обоз в Сийском монастыре дня два задержится, и обещал прихватить меня с собой до Москвы, если я за лошадьми в дороге присматривать буду. До Сийского монастыря верст сто с хвостиком будет... По морозцу легко отмахаю... Если сегодня не сломлю батькину упрямку, прощай Денисовка навеки!

Слышны стук в дверь и голос: «Во имя отца и сына и святого духа».

Михайло. Аминь!

Входит раскольник Павлин.

Павлин (*крестится двумя перстами*). Добрый вечер, Михайло!

Михайло. Вечер добрый, дядя Павлин! Садись, будь гостем.

Павлин. Отец-то, кажись, бражничает у Дудиных... В рождественский-то пост... Э-эх, никониане!.. Зашел я окалякать с тобой, Михайло. Слух прошел, что отец женить тебя хочет.

Михайло. Должно, что так. Арине подмога по хозяйству требуется. Как ему Арину свою не пожалеть? Ну, да этому не бывать!

Павлин. Не женись на никонианке, коли погибели своей не хочешь. Бог вразумил тебя книжной премудростью, сведущ ты в наших церковных книгах, не липни, ради Христа, к никонианам. Помни, что правая вера все покрывает, а общение с еретиками в погибель вечную ведет. Весь здешний народ по духу с нами, только из-за барышей и страха иудейска ради, за никониан цепляется. Обмирщились все, опоганились! И того же ты хочешь? Вернись к нам...

Михайло. Нет, дядя Павлин, не вернусь к вам, беспоповцам. Два года был с вами и окромя пустословия ничего не слышал.

Павлин. У никониан правду обрел, что ли? Не они ли древнюю веру сломали? А ею земля жила! Новой веры нет! Что протопоп Аввакум писал? „А ты ли, никонианин, покушаешься часть христову соблазнить и в жертву с собой отцу своему, дьяволу, привести. Кто ты, никонианин? Кал еси, вонь еси, пес еси смрадный".

Михайло. Никониане вас хулят, вы — никониан. А народу от вашей склоки одно ущемление... Ну вас!..

Павлин. Никонианские попы в рясах ходят, от сытости у них щеки лопаются... О-ох, бедной, ослепил тебя дьявол!..

Михайло. Ваши начетчики всю веру в двух перстах понимают.

Павлин. А никонианские попы зелье пьют. Штоф-то у них с орлом двоеглавым. А того не знают, что у едина дьявола две головы.

Михайло. И слова-то у вас, раскольников, какие дурацкие.

Павлин. Пустых речей не умножай, грех!

Михайло. Вон вы царя Петра за антихриста считаете.

Павлин. Бог наш на небе, а на земле бога не стало, на земле стал антихрист. Петр и потомство его, митрополиты, дворяне и все никониане — слуги антихриста.

Михайло. Петр людей к ученью направил. А вы чему народ учите?

Павлин. Мы посланы учить вас истинной вере, чтобы вы крестились двумя перстами, а не тремя. В трех-то перстах сидит Кика-бес, сие есть кукиш, в нем вся преисподняя. Кукишем, Михайло, креститесь!

Михайло. Так, так. В этом все ваше ученье. Да еще: с бритоусым, табачником и всяким скобленым рылом не молись, не роднись, не водись. Так, что ли?..

Павлин. Скоро ты вырос, как гриб-поганка, чуть от земли поднялся, а уж смердишь... Почто же ты к нам отходил? Силой тебя, что ли, кто тянул? Стало-быть, божье вразумление тебе было.

Михайло. Пошто переходил?.. Изъездил я с отцом почти все Поморье. До самой Выговской пустыни доезжали. Видел ваших старцев, беседы их слушал. Крепко жалел их и думал, что они за правду страдают. Рассказывали они, как при государе Алексее Михайловиче семь лет от царского воиска в Соловках отбивались. Жалостливыми словами ваши беспоповцы меня изловили. Да и к дому отцовскому остуда была у меня, когда отец в третий раз женился, и мачеха сулила меня совсем извести. Вот я и пошел к вам правду искать, чуть в скит ваш совсем не ушел. А что нашел я?!. Старцы ваши жестокосерды, алчны и льстецы. Только о себе, да о своей смерти думают. Цепляются за старое, а от всего нового отворачиваются.

Павлин. Которая вера гонима, та и права! Почто же ушел от нас, спрашиваю?

Михайло. А по-твоему мне так бы и умереть в вашем болоте? Ничему путному вы научить меня не могли... Потому и ушел... А вот из ученых книжек я не мало для себя пользы отыскал.

Павлин. Не зрел виноград — не вкусен, млад человек — не искусен!.. Все новые книжки противны древлеотеческим преданиям. Забудь их! Сладко поют еретики, улавливая души на погубление. Жалеючи пришел навестить тебя, чтобы не кипеть тебе в геене огненной. Вернись к нам!

Михайло. Эх, дядя Павлин, чай мне уж двадцатый год, кое-что понимаю. Идучи сюда, не о геене огненной ты думал, а о том, что грамотного человека вам из своих рук выпущать никак не хочется. Да и сын он у отца единственный. Значит, и казной с вами поделится... Вы не так за веру стоите, как за барыши свои. Только сказать это, у вас смелости нет.

Павлин (*вставая с раздражением*). Тьфу! Будь ты проклят, никонианин! Исполнится сосуд господней ярости! Истинно гореть вам всем в геене огненной... (*Уходит*).

Михайло (*один*). Ишь, расшумелся, как воробей к дождю. Видать, в самое больное место угодил...

Входит Ирина Семеновна.

Ирина Семеновна (*накрывая стол скатертью*). Рыбки, говорит, нам приспособь, да грибочков, да бруснички... Пива нам нацеди, да зеленого не пожалей... О делах, вишь, потолковать им надо... Угробить меня хочет окаянный! (*Михайле*). Ну, а ты чего лодырничаешь?

Михайло. Будет тебе лаяться. И как не устанешь?

Ирина Семеновна. Вырасти — вырос, а ума не вынес? Поди, нацеди пива.

Михайло берет кувшин и уходит.

И все попрекает, старый чорт! Первая, говорит, не тебе чета была — поповской крови, а вторая — молодуха, а ты-ста —

старуха... А зачем на старой женился? Батрачкой захотел обзавестись, троеженец!

Входит Михайло и ставит кувшин на стол.

Михайло. Пиво-то кислит.

Ирина Семеновна. А ты уж в кувшин рыло успел сунуть, дылда вологодская!

Михайло. Экая ты ехидна, право!

Ирина Семеновна. Не вороги тебя бездельником сделали, а родной батюшка с матушкой.

За дверью слышна песня: «Чарочки по столику похаживают».
Входит подвыпивший дьячок Сабельников.

Сабельников. Мир дому сему на многая лета!

Ирина Семеновна. Тебя бы на чепь посадить, упьянчивый дьячок, а не в гости зазывать.

Сабельников. В доме сем преобильно, а у меня, сироты, от хлебной скудости отощение всей видимости, ибо яко наг, яко благ, яко нет ничего.

Михайло. Ты от Дудиных, Семен Никитыч? Батя скоро придет?

Сабельников. Шли вместе, да разошлись. Дорофеич на два слова к Шубным завернул... А я туда не хожу, ибо извещен, что они тайком к расколу тянут и украдкой двумя перстами обмахиваются... При покойном преосвященнейшем владыке Афанасии давно бы им в подвале сидеть...

Михайло. Говорят, что Афанасий дюже был злой.

Сабельников. Силу большую имел при царе Петре Алексеевиче. Житья никому от него не было. Кто из священства вдовцом останется, силком в монахи посвящал... А у другого попа, али дьякона, ребят человек десять... Ничего в резон не брал... Перед царем вьюном извивался... Мудрый был и науки всякие превзошел... Латынь знал... Шутка ли?

Михайло. А без латыни, полагаешь, нельзя науки осилить?

Сабельников. Никак нельзя. В латыни вся премудрость скрыта Без латыни в архиереи и не лезь.

Михайло. Многим я тебе, Семен Никитыч, обязан. И грамоте обучил, и церковной службе... А вот латыни не у кого мне было здесь научиться.

Ирина Семеновна. На нашу голову, дьячок, ты его грамоте выучил. Какой из него теперь хозяин выйдет? Одна срамота!..

Сабельников. А ты его угощай послаще, он сам от грамоты отвернется. Разве, скажем, штоф хорошей водки хуже ученой книжки?..

Входят Василий Дорофеевич, Лука Ломоносов и его внук Никита.

Василий Дорофеевич. Принимай гостей, старуха! Садитесь к столу, гости любезные...

Ирина Семеновна. И как вы от винища не лопнете?

Василий Дорофеевич. Не вино вини, вини пьянство, а мы полегоньку... Да и как не выпить? Помянуть зимнего Николу и постом разрешается.

Гости садятся за стол.

Лука Ломоносов. Святой Микола — хранитель наш на море, а море — наше поле: даст бог рыбу, даст он и хлеб. От того и стоят у нас от Холмогор до Колы тридцать три Миколы.

Сабельников. Красна микольщина пивом да пирогами!

Василий Дорофеевич. У нас ведь здесь не то, что в Коле, где с одной стороны море, с другой — горы, с третьей — мох, а с четвертой — ох!.. Слава богу, не в оскудении живем. Жаловаться не можем.

Сабельников. Меня, вашего молельщика, приголубьте.

Василий Дорофеевич. Тебе, спасенная душа, какой? Вот зверобойная, а вот полынная... А може сорокатравчатой, что от сорока недугов лечит?..

Сабельников. Аз ото всех в смирении приемлю.

Василий Дорофеевич. Винца-то, винца, гости дорогие. Хвалиться не стану. Добро не свое, покупное, каково — не знаю, а люди пили, так хвалили.

Сабельников. Главное, чтобы было во благовремении.

Ирина Семеновна. О душе подумать надо, а не бражничать!

Лука Ломоносов. Хозяйка-то у тебя, должно, скупущая?

Василий Дорофеевич. Есть тот грех...

Никита наливает стакан, подходит к Михайле, который сидит в стороне, предлагает ему выпить.

Михайло. Не привычен я к вину, Никита.

Василий Дорофеевич (*не глядя на сына*). Выпей, коли потчуют.

Михайло. Будьте здоровы! (*Пьет*).

Ирина Семеновна. Ты своего лодыря не вином, а плеткой лучше побалуй. От дел отлынивает, все азы свои читает...

Никита (*садясь рядом с Михайлой*). Напрасно, Ирина Семенова, на книжки обижаешься. Вот про себя скажу. Не выучись я грамоте, не служить бы мне в архангельской портовой таможне, и Санкт-Петербург, „парадиз Петра", не повидал бы.

Василий Дорофеевич. Грамота для нашего брата тоже нужна. Без цыфири в торговом деле трудно. Выучился читать и писать, и благодари господа бога за это. А чтобы дальше учиться, это нам, мужикам, неподстать. Это — дело дворянское.

Михайло (*Никите*). Разве мужику на то даны разум и язык, чтобы он, как самоед, к одним зверям привык?

Василий Дорофеевич. Молод ты еще, зелен... Ты уж лучше отцовским умом живи и приучайся копейку беречь. Хозяином заправским будь! Ну, ин бог с тобой, не хочу ругаться сегодня...

Ирина Семеновна. Милостивец какой!

Василий Дорофеевич. А ты, старуха, молчи. У вас, баб, завсегда грех со спасеньем по-соседству живут... Я свое дело крепко знаю. У меня мышь не пробегет без моей воли.

Ирина Семеновна. Того и жди, что твой умоленный сынок будет отцовскую волю творить... Он тебя упокоит!..

Василий Дорофеевич. Нет, Мишка, не для того я тебя ростил, чтобы ты весь свой век книжки читал, а для того, чтобы в старости моей ты мне утехой был. Мне без грамоты зело трудно было торговлишкой заниматься, а все же бог мне в счастьи не отказывал... В нашей Денисовке, пожалуй, я теперь одним из первых считаюсь. Не так ли, дедушка Лука?

Лука Ломоносов. Что правда, то правда.

Василий Дорофеевич. А сколько мы с Мишкой местов объездили, не приведи бог!.. И на Мурмане, и в Соловках, и в Коле, и в Пустозерске побывали... В море-окиане до самого Грумант-острова пробирались... Ко всему его приучил: и к охоте, и к рыболовству, и к лесной рубке, и к торговле. К ремеслу тоже в вавчужской верфи попривык, и с соляным делом знаком...

Никита. Да, он у тебя уже восьми лет „зуйком" был: воду таскал, рыбу чистил, сети сушил...

Василий Дорофеевич. Что и говорить, парень он у меня смекалистый, да только больно норовистый, с упрямкой большой... Пристрастился к книгам, никак его не оттащишь от них... А из книг хорошего хозяина не скроишь...

Михайло. Я, батя, часто о наших плаваниях думаю. Сколько мы народу с тобой повидали...

Василий Дорофеевич. А по осени, как Маргаритская ярмарка пойдет, я с Мишкой и его покойной матерью, царство ей небесное, всегда в Архангельск ездил. Чего-чего только не накупим там бывало!.. Чай, помнишь, сынок?

Михайло. Помню, батя, помню.

Лука Ломоносов. Вот ты, Дорофеич, насчет ярмарки сказал. Какая ноне ярмарка!.. Раньше-то, до Петра, что было?.. В те поры наш Архангельск одним портом на всю Россию был... Бывало, к ярмарке сгрудится на Двине до сотни голландских, английских, шведских и немецких кораблей. И, боже ты мой, чего-чего не навезут!.. Шелка, сукна, полотна, золотые и серебряные изделия, вина... Иностранные купцы наедут в Архангельск из Москвы, Ярославля, Вологды и прочих городов и разъедутся только по зимнему пути... Царь-то Петр, можно сказать,

с морем у нас спознался и здесь с голландцами снюхался... Не будь этого, и Санкт-Петербурга, пожалуй, не построил бы.

Василий Дорофеевич. И вся торговля при нас осталась бы.

Никита. Да, в старые годы торговля в Архангельске была не то, что теперь. Еще при Алексее Михайловиче в Архангельске были построены склады для русских и заграничных товаров. Таможенные постройки более версты в окружности были...

Лука Ломоносов. И поди ты, николи мы за иностранцами угнаться не могли. Полагаю потому, что у них таких тягот от оброков, как у нас, нет. Ноне посадские от тягла в дикую степь бегут. А иностранцы у себя товар покупают за рубель, а у нас продают за три... Наши купчишки только сопли вытирают...

Никита. Трудно стало жить, скуднее... Что ни приказ — гони деньгу в прорву. Да и торговать-то нечем, на все иноземцы лапу наложили, все увозят в свои земли. Последние портки сними, да отдай им...

Сабельников. Лаптей — и тех скоро не будет!

Лука Ломоносов. Кумачев ездил на Поморье за ворванью. А как приехал, с тем и уехал, с пустым возом... Иноземцы у поморов на десять лет вперед все ворванье откупили, и все поморцы у них ноне кругом в долгах. Поморцы, сказывают, вконец обнищали и в море уж не ходят бить зверя, и разбрелись врозь.

Сабельников. По писанию так должно быть: с сильным не связывайся, слабого бей.

Никита. А ты, дьячок, выпей еще стаканчик да помолчи. Ты в этих делах ни хрена не смыслишь!.. Вот, скажем, в нашей стране дегтя столько, как нигде, первостатейный мачтовый лес, а конопля только у нас и родится. А как взять их? Все равно, что с луны. Дорог никаких нет.

Михайло. Говорят, что во всех странах торговля жиреет, народ богатеет, все ищут выгоды своей, а мы дремлем непробудно. Скоро пустыней назовут нашу землю... А все потому, что мы от ученья отворачиваемся.

Василий Дорофеевич. Сумнительно мне это, а, впрочем, может и от того.

Ирина Семеновна. Поддакивай сыночку, поддакивай, он тебе так поддакнет когда-нибудь.

Михайло (*Никите*). Без ученья, ведь, ничего из человека не выйдет.

Василий Дорофеевич. А почему из меня вышло?

Михайло. А что ты знаешь? Хозяйство, торговлю, да на храмы жертвовать... А вот скажи, почему дождичек идет? Откуда вода на небе или снег? Отчего молонья на небе бывает?

Сабельников. По божьему велению.

Михайло. По божьему велению тебе бы жить птицей не сеять, не жать... А ты вот и сеешь, и собираешь в житницы.

Лука Ломоносов. Смекалистый, вижу, ты парень, Михайло! Только на себя не больно рассчитывай, как бы в дураках не остаться...

Михайло (*перебивая*). Я, дедушка Лука, все хотел спросить тебя: ты царя Петра самолично видел?

Лука Ломоносов. Привел бог повидать. В первый раз приехал он в Холмогоры в конце июля 1693 года на семи стругах. В собор в карете ехал, потом с архиереем Афанасием по городу гулял и ветряную мельницу с ним осматривал. Около нашей Денисовки, в Вавчуге, посетил лесопильный завод и корабельную верфь братьев Баженовых, на которой для голландцев и англичан купеческие корабли строились. Из Холмогор в Архангельск приехал, а оттуда на своем струге вместе с иноземными кораблями в море ходил.

Михайло. Море приезжал смотреть?

Лука Ломоносов. И море смотреть, и торговлю проверить... В Архангельске своими руками заложил корабль на острове Соломбале... Во второй раз приехал государь в мае 1694 года и с архиереем Афанасием в Соловки ездил. Около Унской губы в такую бурю попали, не приведи бог! Царь исповедался и причастился...

Василий Дорофеевич (*перебивая*). Со второго этого приезда и пошли поборы на корабли. „Кумпанства" разные появились...

Сабельников.... А как война со шведами в семисотом году зачалась, колокола с церквей поснимали на пушки, и Ново-Двинскую крепость заложили.

Лука Ломоносов. Во-во!... А в третий раз царь Петр приехал с царевичем Алексеем в мае 1702 года, когда прослышал, что шведы опять на Архангельск собираются идти. Два с половиной месяца прожил он в Архангельске и свои именины на Петров день здесь справлял...

Сабельников. Пили мы тогда три дня и три ночи без перерыва. Для народа выкатили сороковые бочки и ушаты с водкой, церковным вином и пивом... Да и сам государь не дурак был выпить!..

Лука Ломоносов. А в августе Петр отправился на тринадцати кораблях в Соловки, да так и не вернулся в Архангельск...

Михайло. В окиан вышел?

Лука Ломоносов. Холмогорский архиерей Афанасий ему новый путь к шведам указал. Он корабли в Архангельск вернул, а сам с четырьмя тысячами солдат через леса и болота вышел на Повенецкий погост к Онежскому озеру. Две яхты протащил с собой по бревнам. Не приведи господи, сколько

народу живота лишилось... Все же тогда, в Ладожское озеро вышел, а вскорости взял и Нотебург, сиречь Шлюссельбург...

Михайло. Почему, дедушка Лука, раскольники Петра за антихриста считают?

Лука Ломоносов. Потому что дураки!.. Петр хозяин крепкий был, и с народом обходительный... Ну, а коли кто не по его сделал, с теми, как зверь лютый, расправлялся.

Никита. Да, царь Петр самодурством своим не мало людей покалечил. Можно сказать, все соки из народа выжал.

Лука Ломоносов. Когда было нужно, Петр и раскольникам потрафлял. На переправе через речку Выг ему донесли, что вверху по реке верст за сорок живут староверы. Он только махнул рукой и сказал: „Пущай живут!" Потом приказал снять с них двойной подушный оклад, который полагался тогда с тех, кто не хотел „молиться за царя".

Василий Дорофеевич. А ведь, поди, не даром, а с какой-нибудь хитростью, царь сделал так?

Лука Ломоносов. У Петра своя смекалка была. Раз война со шведами, у себя дома спокойно должно быть. А второе, что самым гнездилищем раскола была Выговская пустынь, а заправилами там считались Семен да Андрей Денисовы. Умники, богачи и торговое дело знали, как нельзя быть лучше. А таких Петр ценил и жаловал. Понял? (*Вставая*). Ну Микита, нам пора домой... Спасибо, хозяин, за угощенье, к нам милости просим!

Василий Дорофеевич. Спасибо, гости дорогие, за посещение. Нас не забывайте, чай, сродственники.

Лука Ломоносов. Хозяюшке наше почтение. (*Уходит с Никитой*).

Василий Дорофеевич (*Сабельникову*). Захаживай, спасенная душа, не гордись.

Сабельников. Сатана на небесах сидел, а загордился, куда свалился?.. До свиданьица, хозяева! (*Уходит*).

Ирина Семеновна прибирает со стола.

Василий Дорофеевич. Ну, вот гостей и проводили с честью... Правильно Лука говорит, что теперь на свете трудно жить... Шатание великое в народе.

Ирина Семеновна. Дети от рук отбиваются, прежнего благочестия нет. Скоро все пропадем!

Михайло. До нас люди жили не ангелы и после нас не черти будут. Тебе, батя, жалобиться не след. Всего у тебя вдоволь.

Василий Дорофеевич. От хлопот-то и забот веселым не будешь. Смолоду здоровьем богат был я, да ведь потужка, как ржа, ест человека до смерти. Трудами молодость моя меркла. Не море топит человека, а лужа! Думал, что ты мне помощником будешь, а какой ты помощник, коли не в дом, а из дома смотришь!

Ирина Семеновна. А ты ему потрафляй больше.

Михайло (*мачехе*). Без подковырки тебе никак не обойтись?

Ирина Семеновна. Плохо тебя отец учит, паршивец!

Василий Дорофеевич. Не сомневайся, я свое дело знаю... Вот что, сынок, я тебе скажу: пожил ты вволю, покатался со мной по морям-окианам всласть, грамоте научился — нельзя лучше, ну, а теперь пора за дело взяться.... Женить надо тебя, вот что!.. После праздников сватов зашлю. Настюха Лукьянова чем не невеста? Кровь с молоком! Али у Шубных Марфу посватаем... И на лицо краля и с приданым... Любую выбирай...

Михайло. Ведь, ты, батя, согласился отпустить меня в Москву. Я и пашпорт уже выправил.

Василий Дорофеевич. Сперва женись, а потом езжай в Москву с рыбой. Может, вместе туда побываем. Отчего не посмотреть на большой город?

Михайло. Дай мне сперва на людей посмотреть, а потом жени. Как обещал, так и сделай.

Василий Дорофеевич. Так, так... истинно, что обещал. Да только после свадьбы, и не для ученья, а для торгового дела.. Ведь добра тебе хочу, один ты у меня, всю надежду возлагаю я на тебя... В толк не возьму, чего ты хочешь?..

Михайло. Знать все хочу!.. Отчего ветер гудит по лесу, и откуда силы набирает? Откуда солнце восходит утром на небе, и куда уходит вечером? Отчего небо зимой загорается, и откуда выплывает месяц? Сидючи дома, не разгадаю я загадки эти дивные...

Василий Дорофеевич. Вон оно что!... Большой, вижу, из тебя краснобай вышел.

Михайло (*падая перед отцом на колени*). Пусти, меня, отец, в Москву учиться!

Ирина Семеновна. Там тебя еще не видали!

Василий Дорофеевич. Не верещи зря, баба! Не твоего ума дело... В Москву учиться задумал ехать. Отца одного оставить... А для кого я радел, для кого ночи не досыпал и днем покоя не знал?.. Об этом подумал?.. Нечего сказать, хорош умоленный сынок!.. От кого у тебя в голове эта блажь засела?

Михайло (*вставая с колен*). Пятухины, Белобородовы, Рычковы, кои в Москве бывали, сказывали мне, что там хорошо в школах учат.

Василий Дорофеевич. Да тебя, дурака, в московскую школу никто не пустит. Для „подлого звания“ людей школ еще не выстроили, а только для дворян и духовных.

Михайло. У меня мать из духовных.

Василий Дорофеевич. По матери только ругаются, а по отцу в люди выходят... Непутевое ты задумал, Михайло.

54996

Кабинет Севера
Обл библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Вот тебе мой последний сказ: первым делом женю тебя, а потом поедешь в Москву.

Михайло. Женишь?.. Против воли?..

Василий Дорофеевич. Али думаешь, что буду по твоей указке жить? Я, сынок, не из таковских отцов! (*Вставая*). Ну, старуха, гаси огонь. Утро вечера мудренее. Завтра еще покалякаем. (*Разувается, ложится на постель и спускает полог*).

Ирина Семеновна гасит свечи и, охая, укладывается спать. В окно проникает мягкий свет северного сияния, освещая Михайлу, сидящего в глубокой задумчивости. Из-за занавески раздается храп уснувших.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов — 24 лет.
Иван Шубный — 30 лет.
Дмитрий Виноградов, Шишкарев — товарищи Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии.
Кузьмич — шут в доме боярина Нарышкина. Человек лет 50, с огромными ушами и умным лицом.
Старик из посадских.
Архимандрит Стефан — ректор Академии.
Пьяный подъячий.
Горожане, торговцы, студенты и пр.

Действие происходит в Москве. Август 1735 года. Красная площадь. Виден ров, окружающий кремлевскую стену. Через ров переброшен Спасский мост с книжными ларями. Перед мостом и на мосту толпится народ. Много разносчиков, нищих и юродивых. Прогуливаются пьяные монахи, «безместные» попы; некоторые из них, получая подачки, перетягивают друг друга за волосы под хохот зрителей, кричащих: «Поддавайся по рукам, легче будет волосам!» Ломоносов, Виноградов и Шишкарев, в драных кафтанишках, прохаживаются около ларей с книгами.

Слышны выкрики разносчиков.

Первый разносчик.

Девкам утехи —
Рожки, орехи!

Второй разносчик.

Тетушки, сестры,
Платки пестры.
Духи, помада,
Все, что надо!

Ломоносов (*Виноградову*). С утра сегодня не ел!

Виноградов. Покуда в люди выберемся, пропадем мы вконец. Как жить?

Ломоносов. Хоша бы челобитную кому написать!.. Примощусь вот здесь...

Виноградов. Дело не наживочное... Я намедни одному купцу челобитную справил, а он мне, вместо денег, косушку зеленого поднес... Пойду, порыскаю по базару. (*Уходит*).

Шишкарев. А я добегу до вдовы Постниковой, займусь с ее парнишкой малость арифметикой и нажрусь у ней пирогов доотвалу.

Ломоносов. Смотри, не заночуй у ней.

Шишкарев. На ночь к ней монах Онуфрий ходит, а я у ней дневным подмастерьем числюсь. Ну, и баба!.. (*Уходит*).

Ломоносов подсаживается около кучки людей разного звания, вынимает из кармана гусиное перо, пузырек с чернилами и лист бумаги. Баба перебегает дорогу пьяному монаху.

Монах. Эх, ты, стерва!.. Кто вас, дур, на свет-то родит?.. Разве баба могет дорогу мне переходить, коли я по делу иду?

Первый горожанин (*монаху*). Мотри, в кабак прешь?

Монах. Вина не потребляю.

Второй горожанин. Не пьешь до поднесеньева дня.

Монах. Не верещи зря, сучий сын! (*Уходит*).

Третий горожанин. Не приведи бог, что в стране деется! Крестьяне бегут, куда попало, а коли мужик от пашни отвыкнет, его уж потом пахарем не сделаешь.

Первый горожанин. Голод по всей стране катится. От скудости бродяг развелось великое множество. Повсюду от разбойников разоренье и смертные ужасти!..

Второй горожанин. Чего и толковать, ежели в самой Москве от грабежей житья нет.

Крестьянин. Неужли в Москве спокоя нет?

Второй горожанин. Откуда ты? Мотри дальний, коли здешних делов не знаешь.

Крестьянин. Мы из тамбовских будем. От поборов и рекрутчины свои избенки побросали, пришли в Москву работенку промышлять.

Второй горожанин. Оно и видно!.. Работы для вашего брата здесь не мало. Намедни девять мужиков днем ворвались в келью игумена Сретенского монастыря, ножами кололи его, и побрали все деньги и вещи.

Третий горожанин. А пожары-то какие повсеместно! На одном Арбате боле восьмисот дворов сгорело враз.

Крестьянин. Ну?!

Второй горожанин. Вам, бродягам, кормиться нечем, ну, и палите города, чтобы пограбить. Знаем вас!

Крестьянин. Мы — народ темный!.. Где нам до этого додуматься. Милостыней, кормилец, ноне живем.

Раскольник. Леса горят кругом!.. Тут уж не бродяг дело, а наказующий перст божий. За беззаконие никониан терпим!..

Первый горожанин. Ладно! За что терпим, то богу ведомо, а не тебе.

Раскольник. Телу — голодно, душе — страшно. Был светел день, нашла туча, все житие наше смрадом покрыла. Антихрист уже здесь. Кто от попа таинство примет — нет спасения: просфоры их клейменые и священство их мнимое...

Второй горожанин. Не про попов бреши, а про картофь скажи. Будь она проклята, эта картофь! Это зелье из-за моря привезли. Картофь — похоть антихристова! Тьфу!..

Раскольник. И никто не спасется, только малое число! (*Уходит*).

Ломоносов (*крестьянину*). Говорят, по деревням народ мрет от повальных болезней.

Крестьянин. Крестьяне, как мухи, мрут, а помоги ниоткуда нет.

Второй горожанин. До лекарей ли тут! Бают, что в ваших тамбовских местах объявились самозванцы. Один, Тимофей Труженик, назвался царевичем Алексеем Петровичем, а другой, Старозубцев,— царевичем Петром Петровичем. Изловили, что ли, их?

Крестьянин. Люди сказывали в Тамбове, что самозванцев схватили, пытали и предали жестокой казни.

Первый горожанин. Построили везде винокуренных заводов, такое пьянство развели, что народ скоро последний умишко пропьет.

Второй горожанин. Думают теперь побольше суконных фабрик понастроить. Гонят рекрутов на войну с турками и поляками, а одеть солдат не во что.

Третий горожанин. А вон Бирон, который допрежь в Курляндии конюхом при дворе был, а ныне под одним одеялом с царицей спит, приказал всюду конные заводы строить и лучших коней ему представлять.

Первый горожанин. Вконец это Бирон народ разорит!.. Что ни год, то хуже... Какое ныне житье за бабой!..

Ломоносов. А ты язык-то не больно распускай. Ноне доносчиков в Москве, что опенок после дождя.

Первый горожанин (*подозрительно оглянув Ломоносова и подмигнув остальным*). Пойдем, ребята, в кабак. Выпьем за здоровье нашей матушки царицы Анны Иоанновны!

Все поднимаются и уходят. Появляется шут Кузьмич вместе со стариком из посадских. Прохожие обращают внимание на огромные уши Кузьмича.

Первый прохожий. Нарышкинский шут Кузьмич!

Второй прохожий. Ушами себе дорогу пробил!

Третий прохожий. А може чем другим?

Первый прохожий. Люди бают, что Кузьмич зело дошлый.

Нищий (*подходит к Кузьмичу, подпрыгивая на одной ноге*). Подай бедному без роду, без племени.

Кузьмич (*подавая нищему*). Даром, что на одной ноге, а поди уж весь Кремль опрыгал.

Нищий. Стоючи на одном месте, не прокормишься.

Старик из посадских (*указывая на нищего*). Вчера не хромал, слепым притворялся. Этот из ничего подкову себе скует.

Кузьмич. Кто из ничего не умеет ничего сделать, тот сам ничего не стоит. (*Увидев Ломоносова, подходит к нему*). Что пригорюнился, Михайло?.. Сколь много ни жуй латынь, а без щей, видно, не проживешь!

Ломоносов. Дюже голодно, Кузьмич! Второй день без приработка.

Кузьмич. Что к земляку Пятухину не заходишь? Его девки по тебе соскучились.

Ломоносов. До девок ли тут! Бьюсь, как рыба об лед. Как жить?..

Кузьмич. Этому дурака не научишь, а умный проживет.. Вот посадскому человеку челобитную написать надо. У него вишь, градоправитель не токмо все оттягал, но и дочкой его не побрезговал. Старик тебе все толком расскажет, а ты умненько челобитную справь. Вот тебе и приработок.

Ломоносов. Что же — можно.

Кузьмич (*старику*). Подсаживайся к Михайле и покалякай с ним. Он парень зело грамотный и так наборзился челобитные писать, что у Спасских ворот давно на примете у всех. Ну, а ты расплатись с ним по совести. Не сквалыжничай. Челобитную-то вечером ко мне занеси, а я уже представлю ее, куда следует.

Старик. Будь покоен, Кузьмич! Не обижу...

Кузьмич (*Ломоносову*). Когда попом сделаешься, молебны буду тебе заказывать.

Ломоносов. Неохота мне в попы идти. Они, как попугаи, всю свою жизнь одни и те же молитвы твердят. И как не надоест!

Кузьмич. Не так бог молитвы любит, как попы деньги, что за молитвы сбирают. А деньги надоесть никак не могут. (*Уходит*).

Ломоносов (*старику*). Рассказывай, дед, о чем в челобитной писать.

Старик садится около Ломоносова и шепчет ему что-то на ухо. Ломоносов пишет.

Виноградов (*подходя к Ломоносову*). Сторговался с ним?.. Не обманет?..

Ломоносов. Не мешай!..

Старик. Не обижу, мил человек...

Виноградов. В таком разе напиши ему, Мишка, посладней, да позаковыристей. А я покуда в книжных ларях пошарю.

Ломоносов. Коли книжку хорошую приметишь, прицепись беспременно.

Виноградов. Ладно!

Виноградов отходит в сторону. Пьяный подъячий пристает к нему.

Подъячий. Скажи мне, семинарист: подъячие на страшном суде на которой стороне стоять будут?

Виноградов. На что тебе знать?

Подъячий. О душе своей помышляю.

Виноградов. То-то у тебя пальцы ходуном так и ходят.

Подъячий. Это оттого, что душа, значит, моя робеет. А того не понимает, что я пью ей на утешение.

Виноградов. Ты и мою душу утешил бы.

Подъячий. Идем, идем, добрый человек, утешу твою...

Оба уходят.

Ломоносов (*старику*). На, тащи челобитную Кузьмичу.

Ломоносов прячет в карман деньги и собирается уходить. Навстречу ему идет Иван Шубный.

Иван Шубный. Насилу нашел тебя, Михайло! Здорово, дружок! Сколько годов с тобой не видались!

Ломоносов (*обнимая Ивана*). Своим глазам не верю, Ванюха! Вот не думал, не гадал увидеть тебя в Москве. Когда приехал?

Иван Шубный. Два дня тому назад.

Ломоносов. У кого остановился?

Иван Шубный. У Пятухиных. Дядя Степан сказал: „Ищи Михайлу на Никольской в школе, а то у Спасских ворот".

Ломоносов. Эх, и рад же я тебя видеть, Ваня!.. Ну, как отец живет?

Иван Шубный. Живет, слава богу, хорошо, в достатке. Велел сказать тебе, что подать за тебя акуратно платит. Да еще, чтобы ты вертался скорей в Денисовку. „А то,— говорит,— если я умру, то все, мною трудом нажитое, чужие расхитят".

Ломоносов. Сколько я ни писал отцу, сколько ни просил у него подмоги, хоть бы что!.. Ин, бог с ним!.. Один с нуждой справлюсь и пробью себе дорогу.

Иван Шубный. Ну, как ты-то, Михайло, живешь?

Ломоносов. Видишь, не пропал, хоша тяжких, скудных дней немало выпало на мою долю за эти годы.

Иван Шубный. В школу-то как попал? Ведь людей „подлого званья" к ученью не допускают.

Ломоносов. Я, брат, объявил себя дворянским сыном. Вначале устроился было в школе при Сухаревой башне. Да

скоро сбежал оттуда, ибо учат там малому. Один монах помог мне попасть в Славяно-греко-латинскую академию, сиречь Заиконоспасскую школу, что на Никольской за иконным рядом помещается.

Иван Шубный. Нужды, говоришь, много натерпелся?

Ломоносов. Не приведи бог! Особливо вначале. Помещенье в каменном доме — сырое, со сводчатыми потолками, темное, печи плохие... Жалованье нам положено один алтын в день. Купишь на денежку хлеба и на денежку квасу, а прочее на бумагу, на обувь и на другие нужды.

Иван Шубный. Как только жив остался!

Ломоносов. Сдохнул бы с голоду, если бы приработка не было. Я и келейником у монахов служил, и челобитные у Спасских ворот пишу, и по всяким другим поручениям по Москве бегаю.

Иван Шубный. И как тебе не надоест такая жизнь!

Ломоносов. Что и говорить, при отце в Денисовке слаще жилось бы. Женили бы меня на краснощекой девке... Ешь пшеничные пироги да спи с женой на полатях!.. А тут, в школе-то, мальчишки и те глумились надо мною: „Смотри-де, какой болван пришел латыни учиться!..“

Подходит Виноградов и садится рядом с Ломоносовым.

Виноградов. Наш „reverendissimus“ ректор Стефан рыскает по площади и всех наших дубинкой гонит в Академию. А это кто?

Ломоносов. Земляк мой Иван Шубный. Он меня грамоте учил.

Виноградов (*Шубному*). По каким делам в Москву приехал?

Иван Шубный. Жалобиться на наших правителей приехал. Скажи, совсем замучили всякими налогами и экзекуциями. Просто житья не стало!

Виноградов. Трудно в Москве правды добиться.

Иван Шубный. Нашинский Степан Пятухин у боярина Нарышкина приказчиком служит. Обещал через боярского шута Кузьмича наше дело наладить.

Виноградов. Слышно, что этот ушастый чорт многих выручает.

Иван Шубный. Каким премудростям вас в Академии учат?

Виноградов. Всякой всячине. Где ангелы сотворены? Сколько каждому ангелу на небесах места отведено? Росла ли в раю роза без шипов?

Иван Шубный. И латыни в Академии учат?

Ломоносов. В младших классах — славянскому, греческому и латинскому языкам, в средних — пиитике и риторике, а в старших — богословию и философии.

Иван Шубный. На сколько же годов ученье рассчитано?

Ломоносов. Полагается в восемь лет ученье одолеть, а иные по двенадцать-четырнадцать лет без толку учатся. Я втечение одного года прошел три класса. Особенно на латынь налегал. Теперь могу на латинском языке стихи писать.

Иван Шубный. Ишь ты, какой прыткий!

Ломоносов. У нас в Академии все учителя из Киевской академии вышли. Я было думал, что там науки лучше изучают, и отпросился у нашего ректора в Киев. Почти целый год там проучился. Не Академия, а стоячее болото! Больше упражнялся в Киеве в чтении древних летописцев, творений святых отцов, а хороших книг по физике и математике и там не нашел.

Иван Шубный. Ты лучше бы в Денисовку к отцу съездил.

Виноградов что-то шепчет на ухо Ломоносову, берет у него денег и убегает.

Ломоносов. Что мне в Денисовке делать? Отца утешать? На то у него жена есть.

Иван Шубный. Отца повидать, чай, не лишнее.

Ломоносов. Вот окончу ученье, навещу его... Сам бы мог по зиме в Москву приехать.

Иван Шубный. Дорофеич не раз собирался в Москву побывать да боится хозяйство на одну жену оставить.

Виноградов подходит с бутылкой водки, стаканом и огурцами в руках.

Виноградов. Раздавим по стаканчику.

Все наспех пьют.

Иван Шубный. Частенько этим делом занимаетесь?

Ломоносов. Случается. Все больше с попами и монахами якшаемся, а эти черти страсть охочие до винища.

Виноградов. Как нам не пить!.. Я вон два дня голыми коленками на горохе стоял и был жестоко бит ректором линейкой по пальцам.

Иван Шубный. За какую провинность?

Виноградов. За то, что нашему префекту Софронию зажигательным стеклом спьяну всю рясу продырявил. Он ее на солнце выветрить повесил.

Иван Шубный. С поличным поймали?

Виноградов. Если бы с поличным поймали, засекли бы батогами. Били лишь по подозрению, но (*глядя на Ломоносова*) соучастников я не выдал.

Ломоносов. Нашел, чем бахвалиться!

Один из студентов (*пробегая мимо*). Михайло, Дмитрий, улепетывайте отселева! Ректор Стефан с дубинкой идет.

Ректор Стефан (*заметив Ломоносова и Виноградова, которые пытаются спрятаться за спиной Ивана Шубного*).

Опять здесь, стервецы! Убирайтесь немедля в Академию!

Внезапно слышится набат в Кремле. Ректор испуганно крестится и прислушивается к крикам бегущей толпы.

Голоса из толпы. На Неглинной бани горят! Врешь, повыше будет! На Никольской лавки горят!

Ректор Стефан (*убегает, подбирая подол рясы*). Господи Иисусе! Спаси и сохрани!.. На Никольской!.. Так всего добра своего лишиться можно!

Виноградов. Бежим на пожар! Кажись, и впрямь на Никольской. Вот бы нашу Академию огнем спалило! (*Убегает*).

Иван Шубный. Поджигают, что ли?

Ломоносов. Не без того. Скажи, кажинный день Москва горит.

Набат усиливается.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов — 25 лет.

Боярин Нарышкин — лет 35, придурковатый на вид человек.

Кузьмич — шут в доме Нарышкина.

Пятухин Степан Петрович. Ведает закупками припасов в доме Нарышкина, лет под 40.

Марфа, Маша } дочери Пятухина, одногодки 17 лет.

Павлин — раскольник.

Белобородов Лука — старик, житель села Матигор, вблизи Холмогор.

Действие происходит в Москве в 1736 году. Комната в одном из домиков усадьбы Нарышкина, занимаемая Пятухиным с семьей. Зимний день. Солнце румянит окна. Около входной двери, с левой стороны, на скамейке сидят Павлин и Белобородов, одетые в полушубки. Около них стоит большой короб с привезенной им рыбой. Пятухин сидит около стола. Справа — дверь в кухню.

Пятухин. Вечор, земляки, я говорил о вас с Кузьмичом и просил его порадеть о ваших нуждах.

Белобородов. Спаси тебя бог, Петрович!

Павлин. Обещал, что ли?

Пятухин. Похлопочу, говорит, за твоих трескоедов, коли у них рубли в кармане есть.

Белобородов. Значит, одной рыбой дело не обойдется?

Павлин. А у нас в Холмогорах обходится?.. Нашим властям не только брюхо, но и карман набить надоть.

Белобородов. Мы, Петрович, все полностью в казну уплатили, а лихоимцы и притеснители хотят с нас вторую кожу содрать. Помоги нам, ради Христа! Ты, ведь, ноне в силе...

Пятухин. Какая у меня сила!.. Что рыбный и иной товар для боярского обихода закупаю — честь не велика, окромя того разве, что дело не без прибыли. Вся сила в Кузьмиче. Он вертит боярином, как ему надо. Но к нему с пустыми руками не лезь.

Павлин. Разве мы с пустыми руками приехали? Сколько возов одной рыбы приволокли. Гостинцами уважим...

Пятухин. Кузьмич обещал боярина сюда привести. Потолкуете с ним.

Белобородов. Нешто боярин пойдет к тебе в избу?

Пятухин. Наш боярин досмерти соловьев любит. Кузьмич на соловья куда хошь его приманит...

Белобородов. Разве соловьи зимой поют?

Пятухин. Кузьмич по-соловьиному лучше соловья щелкает... Пойду, схожу за ним, пусть сам покалякает с вами... Вы рыбу-то на стол выложьте... Котора покрупнее да пожирнее — пойдет боярину, котора помельче — Кузьмичу, а уж мне, что останется... Мои девки вам помогут разобраться с рыбой. (*Кричит*) Марфушка, Машка!..

Входят Марфа и Маша.

Дочек-то моих еще не видели?

Павлин. По обличью они у тебя больно сходственны.

Пятухин. Двойняшки они у меня, сиротки, еще слётышки... Мать-то в прошлом году схоронил, царство ей небесное!.. Помогите, девки, старикам с рыбой разобраться. (*Уходит*).

Лука и Павлин развязывают короб. Девушки с интересом наблюдают за ними.

Марфа. Семга-то какая большущая!

Белобородов. Эта — боярину. И вот эти три — ему же.

Маша. А нам котора?

Павлин. Погоди, до вас черед еще не дошел... Вот эту — Кузьмичу.

Маша. А эту нам, дедушка.

Павлин. Нет, и эту Кузьмичу... И белорыбицу ему же... В нем, девоньки, вся сила!

Маша. Обожрется, ушастый чорт!.. Где ему съесть все?

Марфа. А сколько народу к нему ходит... Чай, всех угостить надо.

Павлин. Вижу, ты девка со смекалкой. В отца пошла.

Белобородов. А вот это, девоньки, что в коробе осталось, забирайте себе и лакомьтесь во здравье.

Девушки, смеясь, с трудом тащат короб. Входят Пятухин и Кузьмич с клеткой в руках.

Кузьмич (*вешая клетку на стену*). Ах вы, красавицы мои, умаялись от рыбки, не хлебавши ухи! А вы не торопитесь, дайте ушастому чорту на вас посмотреть... Всеми статьями, Петрович, они у тебя вышли, только не разобрать, котора Марфуша, котора Маша. Их в монастырь надо постричь...

Пятухин. Пошто?

Кузьмич. Ежели, скажем, выдать замуж, пожалуй, мужья их перепутают. Это супротив божьего закона будет, и попадут они в ад.

Марфа. Сам раньше нас туда угодишь.

Марфа и Маша смеются.

Пятухин. Идите, девки, в кухню, будет вам гоготать.

Кузьмич. Да принарядитесь хорошенько. Сегодня сам боярин к вам в гости пожалует.

Девушки уходят.

Белобородов. Обещал боярин придти?

Кузьмич (*указывая Пятухину на клетку*). Придет твоего соловья слушать. Ты его, кажись, летом в Сокольниках поймал?.. (*Павлину и Белобородову*). Боярин как узнал, что вы из Холмогор приехали, где его покойный дед Кондратий Фомич Нарышкин при царевне Софье Алексеевне воеводой был, зело обрадовался, потому что по семге давно скучает.

Павлин. Нешто этого добра в Москве мало?

Кузьмич. Покупное сладости той не имеет, как дареное. (*Смотря на разложенную на столе рыбу*). Эти боярину, что ли?

Белобородов. Вот эти четыре семужки — боярину, а вот эти три рыбицы — твоей милости.

Кузьмич (*беря четыре семги и кладя их на пол около себя*). Боярину по его богатству трех хватит, а мне при моей скудости и четырех мало... Поди, Степан Петрович, распорядись, чтобы боярину твои девки на подносе чарку романеи преподнесли. Охоч он до этого... А я со стариками малость покалякаю. Поди, романеи-то у тебя нету?

Кузьмич вынимает из кармана бутылку с вином и передает Пятухину, который уходит.

Белобородов. Ты, милостивец, уж заступись за нас.

Кузьмич. Про ваши кручины мне ведомо. Охота мне вам помочь.

Павлин. Не дай сгинуть от утеснителей и христопродавцев. Век помнить тебя будем, а уже рыбкой-то ублаготворим.

Кузьмич. Одной рыбкой, старик, человек жив не бывает.

Павлин. Перечить тому не стану.

Кузьмич. Правильно!.. Вон у Бирона, бают, в курляндском дворце пол в одной горнице весь из рубликов серебряных, на ребро поставленных, сложен. Рублики-то эти откуда? Не иначе, как из мужицкого кармана. А Бирон ноне после царицы наипервейшая сила. От него умным людям и пример надо брать. Поняли?

Белобородов. Не диво понять, только бы карман осилил. Мы народ бедный.

Кузьмич. Трескоеды-то? Другим рассказывай, а не мне. Сам родом с Двины. Тоже рыбачил допреж, да от экзекуций сбежал и оказался в нетях... Одначе, вынырнул из омута... Видно, кому суждено повешену быть, тот не утонет!.. (*Подумав*). Жаль мне вас, старики, а все же грамотки для вас даром выхлопатывать не буду. По пяти рублев раскошеливайтесь. Согласны, что ли?

Белобородов. Понатужимся, уплатим.

Павлин. За деньгами не постоим.

Кузьмич. Так-так... Вижу, что вы люди с разумом, вглубь смотрите.

Входит Пятухин.

И впрямь надо порадеть за твоих земляков, а то кто им в Москве поможет?

Пятухин. Вся у них надежа на тебя.

Кузьмич. Приведу сейчас боярина. Большая охота ему твоего соловья послушать, а он только (*подмигивает*) в привычном месте зимой петь может... (*Забирает рыбу и уходит*).

Пятухин. Сколько заломил?

Белобородов. По пяти рублев с рыла.

Пятухин. Сходственно... Раз Кузьмич взялся за дело, он от него не отступится.

Белобородов. Ну, и уши у Кузьмича!

Пятухин. Таких ушей ни у одного шута в Москве не сыщешь. А в прибаутках Кузьмич самому Балакиреву не уступит.

Входит Ломоносов.

Ломоносов. Здравствуй, дядя Степан. Прослышал, что землячки приехали к тебе, повидать их пришел... С приездом, дядя Лука, добрый день, дядя Павлин!

Пятухин. Что давно не жаловал к нам, Михайло? Мои девки по тебе соскучились.

Ломоносов. Разные делишки подвертывались. Без приработка давно бы с голоду околел.

Белобородов. Радость привез тебе от отца, Михайло. Народилась у тебя в этом году сестрица, нареченная Марией.

Ломоносов. Неужто?

Белобородов. Дорофеич сильно эти годы скучал по тебе, ноне маленько справился. Ребенок скулит, а ему радостно, что в доме потомство завелось.

Ломоносов. Отец-то, мотри, все серчает на меня?

Павлин. Блудный сын — отцу мало радости! Немало годов в своевольной отлучке находишься.

Ломоносов. Не без пользы, дядя Павлин. Президент Санкт-Петербургской академии барон Корф, с разрешения Сената, запросил, чтобы из московских школ набрали двадцать человек, в науках достойных, и отправили их в Санкт-Петербург для прохождения при Академии высших наук. Из нашего училища двенадцать человек, остроумия не последнего, набрали и вскорости отправят в Санкт-Петербург. Среди этих двенадцати и я значусь.

Пятухин (*Белобородову*). Вот порадуй отца! Скажи, на какую дорогу сын выбирается без его помощи. Неладно отец делал, что в подмогу не шел Михайле. Не мало нужды претерпел он за эти годы. От горя и к винищу приобык.

Ломоносов. Не от горя, а с примера. Куда ни зайди, везде пьянство. Чуть не силой в рот водку льют. Как тут не привыкнуть?

Павлин. От пьяниц и табачников рыло отворачивай, а не якшайся с ними.

Пятухин. Закалякались мы тут... Боярин, того и гляди, нагрянет. (*Кричит*). Марфушка, Машутка! Принарядились, что ли?

Входят Марфа и Маша.

Марфа (*Ломоносову*). Отколе бог принес? Совсем забыл нас.

Пятухин. Слышь, Михайлу-то в Санкт-Петербург угоняют. А?.. А я тебе, Марфа, его в женихи метил...

Марфа. Ты его, тятя, не пущай из Москвы.

Пятухин. Чарку с романеей приготовили, дочки?

Маша. Все по твоему приказу сделали.

Пятухин. То-то же!.. Ну, девки, не ударьте в грязь лицом перед боярином.

Ломоносов. Ты их не этому, дядя Степан, учи, а грамоте.

Пятухин. Грамота девкам не к лицу. Пусть к хозяйству да к рукоделию старание прикладают. Хорошие женихи не грамоту, а добрую хозяйку ищут.

Марфа. Мы, Михайло, по твоему букварю в азах ноне разбираемся.

Ломоносов. Ну? Держитесь крепче за букварь, не промахнетесь.

Маша. Стишкам обещал научить нас, а до сих пор отлынываешь. Ведь обещал?

Ломоносов. Про глупых-то?.. В Академии меня за них хвалили. Ну, слушайте да запоминайте.

Услыхали мухи
Медвяные духи;
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Егда стали ясти,
Попали в напасти;
Увязли бо ноги.
«Ах,— плачут убоги,—
Меду полизали,
А сами пропали».

Марфа. Складно придумал!.. Хорошо, Михайло, грамотным быть. А мы только песни свои деревенские знаем.

За дверями слышится шум.

Пятухин (*прислушиваясь*). Боярин жалует... (*Всполошился*). Идите, девки, на кухню и ждите мой приказ. Дядя Павлин, Лука, становитесь с рыбой вот здесь у двери. А ты, Михайло, в разговор с Кузьмичом не суйся. При боярине это не приличествует.

Ломоносов. С такими умными, как твой боярин, мне и помолчать в охотку!.. (*Отходит в угол*).

Входит Нарышкин.

Нарышкин (*в дверях*). Зимой поет... Ха-ха-ха!.. Веди, веди, показывай..

Кузьмич (*забегая вперед Нарышкина*). Пожалуйте, государь-боярин!.. Вот в этой горнице проживает ваш верный слуга Степка Пятухин.

Нарышкин (*Пятухину*). Ты — Пятухин? Отколе соловку выудил?

Пятухин (*целуя руку Нарышкина*). В Сокольниках, светлейший боярин, прошлым летом изловил.

Нарышкин. А у тебя жарко... Возьми-ка шубу, а я малость посижу... (*Садится на диван*).

Кузьмич. Боярские косточки не то, что наши, нагреваются скоро, а жар хранят без вина недолго. Потому-то на вино в Москве большой спрос.

Нарышкин. Я приучен пить только заморские. Зело теплят... Ха-ха-ха!..

Кузьмич (*указывая на Луку и Павлина*). Вот людишки со студеного Белого моря приехали бить челом тебе, свет-боярин, семужкой да белорыбицей.

Нарышкин. Пусть подойдут поближе.

Кузьмич (*подталкивая крестьян*). Лука и с ним иже, подходите к боярину ближе.

Нарышкин. Ха-ха-ха!.. Иже-ближе... ближе-иже...

Белобородов стоит с Павлином перед Нарышкиным с подносом, на котором лежат рыбы, и беспрерывно кланяется.

Белобородов. Не побрезгуй, государь-боярин, нашим гостинцем. Деду твоему боярину Кондратию Фомичу верой-правдой служили. Ежечасно памятуем об его милостях к нам. Просим и тебя, боярин приветливый, нас миловать...

Нарышкин. Дед-то, говорят, вас в Холмогорах больше батогами миловал. Страсть крутой был!

Кузьмич. Не кротостью, боярин, а крутостью всегда порядок на Руси держался.

Нарышкин. Ха-ха-ха!.. Всегда у тебя, Кузьмич, слово ко времени найдется.

Кузьмич. На безлюдьи, боярин, и Кузьмич — человек.

Нарышкин. Не пора ли, Кузьмич, соловушку послушать?

Кузьмич (*снимая со стены клетку и подавая ее Нарышкину*). Птичка-невеличка, а страсть голосистая...

Нарышкин. Все десять колен делает, не мешает колена?

Кузьмич. Окромя двух, все остальные так преподнесет, что любо-дорого.

Нарышкин. И „почин" у него хорош? (*Насвистывает*). Тии-вить... тук-тук... Тии-вить... тук-тук...

Кузьмич. Нельзя быть лучше!

Нарышкин (*гладя рукой по клетке*). Спой, соловушка, спой, светик!..

Кузьмич. На людях-то не охотник петь. Вот я его в кухню на стену повешу, сам схоронюсь и как начну ножичком о ножик скрести, он и запоет. Издали еще лучше выходит.

Кузьмич берет клетку и уходит в кухню, оставляя дверь открытой.

Нарышкин. А ты уж порадей, Кузьмич, хорошенько, чтобы соловушка беспременно запел.

Слышен звук от трения двух ножей, а затем соловьиные трели.

Нарышкин (*прослушав, с восхищением*). Вот это соловей! Как заливается!.. Такому и цены нет... Ну-ка, еще подсоби ему ножичками...

Кузьмич (*из кухни*). Попытаюсь, свет-боярин.

Слышны трение ножей и соловьиные трели.

Нарышкин. Ах, какой певун!.. И „пленкание" делает... (*Насвистывает*). Плень-плень... Этот, Кузьмич, лучше вечорошнего.

Кузьмич (*выходя из кухни*). Куда вечорошнему!.. Этот звенит, как стеклышки, инда душу всю поворачивает... Ну, Степан, хочешь — не хочешь, а таким соловьем бей челом боярину. (*Передает клетку Степану*).

Пятухин (*низко кланяясь*). Прими, боярин, в дар соловушку, сделай милость.

Нарышкин (*беря клетку*). Не жалко?

Пятухин. Весной нового певуна изловлю.

Нарышкин (*передавая клетку Кузьмичу*). Знаю наперед, что он не будет в моих хоромах петь. Сколько их у меня, и ни один не поет!

Кузьмич. К весне и в хоромах все запоют.

Нарышкин. Давай бог, давай бог!.. (*Степану*). Очень ты мне соловушкой удружил.

Кузьмич (*показывая на поднос с рыбой*). Двинская-то семга — всем рыбам рыба!.. Сами, что ли, ловили?

Белобородов. Вестимо, сами.

Нарышкин (*Белобородову*). Ты, значит, из Холмогор?

Белобородов. Села Матигор, Холмогорского уезда, вольный крестьянин Лука Белобородов.

Нарышкин (*Павлину*). А ты?

Павлин. Не приемлющий священства, житель Холмогор Павлин Иванов сын Смуров.

Нарышкин. Значит, Никон не люб тебе?

Кузьмич. Чай, Никон не червонец, чтобы его все любили.

Нарышкин. Чем отдарить мне их, Кузьмич, за гостинец?..

Кузьмич. Делишки, вишь, у них есть самые плевые: одним в лесу не дают спокойно жить, а у других волки вторую кожу содрать сбираются. Делишки, как видишь, боярин, пустяковые. Дозволь мне с ними от твоего боярского имени сходить к твоим сродственникам в приказы и облегчить их кручины.

Нарышкин. Отчего не помочь, от этого нас не убудет... Я тебе дам грамотку, сходи с ними в приказы... (*Указывая на Ломоносова*). А этот чей?

Пятухин. Земляк мой Михайло Ломоносов, ученик Заиконоспасской школы.

Нарышкин (*Ломоносову*). По-латыни говоришь?

Ломоносов. Обучался, боярин.

Нарышкин. А я не осилил.

Кузьмич. Боярам по-собачьи лаять не пристало.

Нарышкин. Ха-ха-ха!.. По-собачьи лаять!.. Ну-ка, полай на него, Кузьмич, по-русски...

Кузьмич лает в сторону Ломоносова, удачно подражая собаке.

Ломоносов (*смеется от души*). Как настоящий пес!

Нарышкин. Ха-ха-ха!.. Ну, удружил... Еще полай, Кузьмич, еще, ха-ха-ха!..

Кузьмич. Всех, боярин, не облаешь, а другого и не за что... Вон, Павлин, поди, меня за настоящего пса считает.

Павлин (*отвернувшись в сторону*). Никониане, слуги антихристовы!

Кузьмич. Не прикажешь ли, боярин, чарку романеи?

Нарышкин. Я другого вина не пью.

Пятухин кланяется и уходит. Кузьмич что-то шепчет на ухо Нарышкину.

Нарышкин. Обе на одно лицо... Ха-ха-ха!..

Входит Пятухин, за ним Марфа и Маша с подносом в руках, на котором стоят бутылка и чарка. Девушки подходят к Нарышкину и низко кланяются. Марфа наполняет чарку и подносит Нарышкину.

Пятухин. Отведай, государь-боярин, винца.

Кузьмич. С песней, с песней!

Кузьмич становится с девушками рядом и поет с ними вместе.

Чарочка моя,
Серебряная,
На золотом блюде
Поставленная.
Кому чару пить,
Тому здраву быть.
Чарку пить, здраву быть
Нашему свет-боярину.

Нарышкин, привстав, залпом выпивает чарку, вынимает из кармана золотую монету и кладет на поднос.

Нарышкин. И впрямь на одно лицо!.. Которая старшая-то?

Пятухин. Они у меня одногодки.

Нарышкин. Красавицы!.. Венеры!.. Я их за дворян просватаю.

Пятухин. Не по ноздрям дух, боярин.

Нарышкин. Я было и забыл, что ты из подлых.

Ломоносов. Подлых, боярин, ноне в Москве не перечесть, здесь им почет особливый оказывают.

Нарышкин. И не говори! Все бегут в Москву, а здесь поджоги учиняют... Смерть боюсь за свою усадьбу... Прохладно что-то!.. (*Пятухину*). Давай шубу (*накидывает на себя шубу*). Идем, Кузьмич... Соловушку-то захвати...

Кузьмич (*тихо Луке*). Тащи поднос с рыбой прямо на боярскую кухню. (*Отворяя дверь*). Пожалуйте, боярин.

Все уходят, кроме Марфы, Маши и Ломоносова.

Ломоносов. Налей-ка, Марфуша, и мне стаканчик. Что-то на душе смрадно после виденного и слышанного!

Марфа (*подавая чарку*). Пей на здоровье, Михайло! Что редко к нам заходишь?

Ломоносов. День-денской занят: и учись, и хлеб себе зарабатывай.

Маша. Ты бы в приказчики нанялся.

Ломоносов. Мое дело в книгах, а не в лавке.

Входят Пятухин и Кузьмич. Марфа и Маша уходят.

Кузьмич. Дивлюсь я тебе, Михайло. Учился ты много, а толку в тебе мало.

Ломоносов. Пошто?

Кузьмич. Кафтанишка на тебе рваный, сапоги в заплатах... Оттого себя на ноги поставить не можешь, что к людям не умеешь подойти. Язык у тебя предерзостный. Какую штуку отпалил сегодня боярину!.. Хорошо, что он, по глупости своей, не догадался.

Ломоносов. Шутовством заниматься — соловьем петь, псом лаять, как ты, для боярской потехи не умею.

Кузьмич. В шуты ноне и дворяне стали записываться: князь Волконский, князь Голицын, Апраксин, Балакирев... А не сделайся я шутом, ходить бы мне по белому свету без ноздрей. Умишка да уши помогли мне из тюрьмы выкарабкаться.

Ломоносов. Взаправду?

Кузьмич. А то нет!.. Как-то в харчевне выругал бранным словом немцев. Кто-то и гаркни: „Слово и дело“. Меня забрали в каземат и приговорили к вырыванию ноздрей. Увидел один боярин мои уши и говорит: „Этого ушастого чорта помилуем, таких ушей и во дворце не найдется“... Вот откуда пошла моя фортуна — от ушей!..

Ломоносов. Уродство, значит, помогло.

Кузьмич. А родись другой таким голиафом, как ты, не мало настрадался бы.

Ломоносов. Почему это?

Кузьмич. Вот Фридриху Прусскому в солдаты великаны нужны. Ну, как нашей царице своих великанов на попугаев не променять? Впишут в полковые списки: „взять в великаны“ и отправят наших голубчиков в неметчину как убойное мясо. Царь Петр тоже посылал своих великанов немецкому королю, но взамен не попугаев и собачонок получал, а мастеров искусных: их в Санкт-Петербург в кандалах приводили... Смотри, как бы и тебя, верзилу этакую, к немцам не отправили.

Ломоносов. Если отправят, то учиться, а не в солдатчину.

Кузьмич. Всякое случается. Ведь у глупых на поводу живем. Ноне их, дураков, время, а не умных. Король Фридрих так говорит: „Мы делать может все, что угодно, ибо мы — король!“ Чаю, что русские доживут до того дня, когда наши мужики скажут: „Мы можем сделать все, ибо мы — народ!“ А пока что полаем... (*Лает и, смеясь, уходит*).

Ломоносов. Что он за человек, дядя Степан?

Пятухин. Поди, пойми его!.. Страсть умный и на добро податливый! Если сдерет с кого, то этими деньгами с бедными поделится.

Ломоносов. Слышал это, но веры тому не давал.

Пятухин. По себе знаю. Кто меня к Нарышкину пристроил и кусок хлеба дал? Кузьмич. Боярин наш — пьяница, женолюб, умом скудный, не мало мог бы зла учинить своим холопам, а Кузьмич, тишком да смешком, отводит его от зла... Да не об этом разговор. Растолкуй лучше мне, Михайло, зачем тебя с товарищами в Санкт-Петербург посылают?

Ломоносов. Учиться высшим наукам.

Пятухин. А в Москве разве нельзя?

Ломоносов. Царь Петр основал Академию для того, чтобы из нее свои русские ученые выходили. Из-за моря профессоров набрали, деньги на них тратят, а студентов нет, и учить им некого. Ноне ученые люди для горного дела требуются. Заграничные к нам не едут, опасаются среди нашей дикости жить. Как тут быть? Вот Академия и набирает студентов для учебы. Слышно, что некоторых в Германию пошлют изучать горное дело.

Пятухин. Поехал бы?

Ломоносов (*горячо*). Пешком ушел бы, только бы свой ум обогатить знаниями! Я и немецкий букварь раздобыл, вскорости немецкому языку выучусь.

Пятухин. Ну, их к лешему, этих немцев!.. От них нам лишь беды да кручины.

Ломоносов. Только потому, что у них науки процветают, а у нас науки в загоне. А ученый человек неученого всегда, как вошь ногтем, придавить может. У немцев и фабрики, и заводы, и разные мастерства. А у нас что? Кнут, водка да голые степи. Потому немцы и другие иноземцы берут над нами верх, что мы пребываем в темноте и непробудной лени.

Пятухин. Помогай тебе бог! Только больно не зашибай. Намеднись, ваш префект отец Софроний жаловался на тебя, что ты, как напьешься, сейчас буйствовать начинаешь.

Ломоносов. С досады мое буйство. Всякому хочется „подлого“ человека унизить, посмеяться над его бедностью и скудостью. Легко ли претерпеть это?

Пятухин. А ты претерпи. В писании сказано...

Вбегают Марфа и Маша.

Марфа (*отцу*). Тебя народ там спрашивает.

Пятухин. Рыбу, что ли, привезли?

Маша. С возом приехали.

Пятухин поспешно уходит.

Ломоносов. Ну, девушки, тащите букварь. Поди, нахвалились, что азы осилили.

Маша. Проверь, проверь... Я сейчас букварь принесу. (*Уходит*).

Марфа (*подходит к Михайле*). Не езжай Михайло, в Петербург. Слышал, что отец сказал?

Ломоносов. Это про жениховство-то? Степан Петрович пошутил, а ты и за правду приняла. Какой я жених? Отец вам московских женихов подманит.

Марфа. Ну, их!.. Мы к тебе привыкли, без тебя нам тоскливо будет.

Ломоносов. Все больше дома сидите?

Марфа (*вздыхает*). Окромя базара да церкви нигде не бываем. А дома одних стариков видим... Редко редко когда Кузьмич зайдет побалагурить... (*Оживляясь*). Как он сегодня соловьем щелкал!.. Инда красный весь сделался от натуги. Мы с Машуткой, глядючи на него в кухне, чуть со смеху не померли. Сам свистит, а нам грозит пальцем, чтобы громко не рассмеялись... Забавник, право, забавник!..

Входит Маша с букварем.

Ломоносов (*встряхивает головой. Поспешно*). Ну-ка, Машутка, присаживайся, присаживайся, проверим...

Маша садится рядом с Ломоносовым, Марфа стоит около сестры и восторженно смотрит на него.

Ломоносов. Отселе читай.

Маша. Слово... он... Со. Буки, аз... Ба... Како, аз... Ка...

Ломоносов. Что вышло?

Маша. Со... ба... ка... Собака.

Ломоносов. Дальше читай.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов — 28 лет.

Дмитрий Виноградов — товарищ Ломоносова по Заиконоспасской школе, 22 лет.

Густав Рейзер — русский студент, товарищ Ломоносова, 23 л.

Адольф фон-Штаден — товарищ Ломоносова по Марбургскому университету.

Фрау Цильх — вдова, 52 лет.

Елизавета Цильх — ее дочь, 18 лет.

Иоганн Цильх — ее сын, 20 лет.

Дуйзинг — профессор химии.

Вольф — профессор математики, физики, логики и философии.

Толпа немецких студентов.

Небольшой сад. Слева видна часть дома, крыльцо которого выходит в сад. На заднем плане — невысокая изгородь с калиткой, выходящей на улицу. Вдали обрисовывается панорама Марбурга в Гессен-Кассельском ландграфстве: на холме, доминирующем над городом, средневековый замок в строго готическом стиле и церковь св. Елизаветы, покровительницы города, построенная рыцарским орденом еще в XIII веке.

1739 год. Летний вечер. У стола под каштанами играют в шахматы Ломоносов и Фон-Штаден. Они одеты в темно-зеленые камзолы, обшитые золотым галуном, с шелковыми, выпущенными на грудь бантами, в белых чулках и башмаках на красных каблуках. Оба курят большие трубки. На столе разбросаны книги и тетради.

Ломоносов. Твой ход, Адольф...

Фон-Штаден. Не торопи, дай подумать... У вас в России в шахматы тоже играют?

Ломоносов. Мало... Хожу королевой...

Фон-Штаден. Это хуже!.. Попробую так...

Ломоносов. Опоздал, друг. (*Делает ход*). Что теперь скажешь?

Фон-Штаден (*с досадой смахивая фигуры с доски*). Третью партию проиграл!.. За мной шесть кружек пива. Идем в кнейпу.

Ломоносов. Завтра... Сегодня надо мне кончить отчет о своих занятиях по физике.

Фон-Штаден. Отчет?.. Ничего не понимаю. Профессора требуют от нас знания, а не отчетов.

Ломоносов. То профессора, а то Шумахер.

Фон-Штаден. Шумахер?

Ломоносов. Ну, да... Советник канцелярии русской Академии. По инструкции мы по прошествии полугода обязаны посылать ему сведения о наших научных занятиях.

Фон-Штаден. Ба-ба-ба!.. Да ведь ваш Шумахер мне родственник по матери.

Ломоносов. Это, наверно, другой.

Фон-Штаден. Его как зовут?

Ломоносов. Иоганн.

Фон-Штаден. Он самый.

Ломоносов. Разве он из Марбурга?

Фон-Штаден. Нет, он родом из Эльзаса, а учился в Страсбургском университете, который ему пришлось покинуть из-за какой-то скандальной истории.

Ломоносов. Значит, сбежал в Россию?

Фон-Штаден. Да, и устроился там заведующим библиотекой, собранной царем Петром, и хранителем кабинета редкостей...

Ломоносов. Это только в России возможно!

Фон-Штаден. ... Когда же царь организовал Академию и назначил президентом ее Блюментроста, последний ввел в Академию своего старого приятеля Шумахера. Ему поручили вести переписку о вызове профессоров из-за границы. Это все, что мы знаем с матерью о своем родственнике. Последние годы он нам ничего не пишет о себе...

Ломоносов. До писем ли ему!.. Теперь Шумахер вертит всеми делами Академии, и вся академическая казна находится в его руках. Кайзерлинг, сменивший Блюментроста, и теперешний президент барон Корф без его указки никогда не обходятся.

Фон-Штаден. Как к нему в Академии относятся?

Ломоносов. Ругают. Он задумал было всех академиков подчинить себе, теснил их с выдачей жалованья, интриговал и ссорил между собой. Те взяли и разъехались по домам.

Фон-Штаден. Обиделись?

Ломоносов. Конечно, им было обидно быть в подчинении у Шумахера, который добился влияния в Академии не научными трудами, а хитростью, лестью и приватными услугами знатным при дворе персонам.

Фон-Штаден. И ваша Академия осталась без академиков?

Ломоносов. Выписал помоложе, послушных себе: Эйлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта, Миллера и других. Теперь все они пляшут под его дудку.

Фон-Штаден. Неужели ни одного русского академика в русской академии нет?

Ломоносов. Пока нет.

Фон-Штаден. И адъюнктов из русских нет?

Ломоносов. Только один Ададуров по кафедре физики, ну да переводчики: Тредьяковский, Волчков... Вот и все.

Входят Виноградов и Рейзер.

Виноградов (*Ломоносову*). А мы за тобой, пора в кнейпу собираться; если опоздаем, опять депозитор оштрафует нас.

Ломоносов. Я не пойду. Надоели мне эти каждодневные пирушки.

Фон-Штаден. Неужели за три года ты не привык к нашим студенческим традициям?

Ломоносов. Мы не для этого сюда приехали.

Рейзер (*Виноградову*). Сыграем, Дмитрий, в шахматы.

Виноградов. На три кружки пива.

Рейзер. Идет. (*Расставляет фигуры*). Я сегодня от отца письмо получил. Пишет, что профессор Вольф сообщил Академии, что мы не показываем пристойных нравов и наделали много долгов.

Виноградов (*делая ход*). Разве много?

Рейзер. По моему подсчету, около двух тысяч рейхсталеров.

Виноградов. Академия заплатит.

Ломоносов. Держи карман шире!.. Намедни профессор Вольф сказал мне: „Кто науки преодолеть хочет, тот должен пользоваться удовольствиями в меру". А мы с тобой, Дмитрий, нескладно скроены: как закрутим, так угомону не знаем. Пора нам остепениться и покрепче за науку приняться. Сколь многого мы еще не знаем! Я теперь Картезиуса изучаю.

Фон-Штаден. Была охота!

Ломоносов. Картезиус ученых людей ободрил против Аристотеля и открыл дорогу к вольному философствованию.

Виноградов (*делая ход*). А я открыл дорогу коню... (*Ломоносову*). Из нас троих ты в Марбурге лучше всех устроился. Комната хорошая, хозяйка не больно сварливая.

Ломоносов. Это профессор Дуйзинг помог мне у фрау Цильх снять комнату. Никак не хотели студенту сдавать.

Рейзер (*делая ход*). И дочка у хозяйки прехорошенькая.

Ломоносов (*Рейзеру*). Бабник в тебе с пеленок сидит! Ты лучше бы подумал о том, чем долги будем платить.

Рейзер. Думай — не думай, а платить нам нечем. На триста рублей, которые казна выдает каждому из нас в год на все издержки, трудно прожить в чужом городе. Академия должна взять это в резон...

Ломоносов. Вот и написал бы своему отцу, чтобы он разъяснил это Шумахеру. Твой отец — горный советник, птица не маленькая. Шумахер ему поверит.

Рейзер. Я ему не раз писал об этом.

Виноградов (*делая ход*). А он?

Рейзер. Пишет, что когда инструкцию полностью выполним, тогда поговорит с Шумахером.

Ломоносов. Твоему отцу, чиновной крысе, твои успехи в науках не так нужны, как исполнение тобой приказов начальства. Знает, что если его сынок все приказы Академии выполнит, хотя знаний и не приобретет, он все равно протащит его за уши на тепленькое местечко. Ну, а Дмитрию, суздальскому поповичу, али мне, холмогорскому мужику, за отцовский хвост ухватиться не придется.

Фон-Штаден. Сколько лет по инструкции должны вы в Марбурге науками заниматься?

Ломоносов (*вынимает из кармана бумагу*). О том в инструкции не указано; предписано лишь (*читает*) „ничего не оставлять, что до химической науки и горных дел касается, а также учиться естественной истории, физике, геометрии, механике, гидротехнике".

Фон-Штаден. А практические работы?

Ломоносов (*читает*). „Положивши основание в теории, должны ознакомиться с рудокопными местами, рудами и машинами, а при плавлении и отделении руд в лабораториях самим трудиться и в практике ничем не пренебрегать. А также стараться о получении такой способности в немецком, латинском и французском языках, чтобы могли свободно говорить и писать на них". (*Прячет бумагу в карман*).

Рейзер (*делая ход*). Мат королю... А Рейзеру три кружки пива...

Виноградов. Сыграем еще одну партию.

Рейзер. Не буду. С меня и этого пива хватит.

Ломоносов (*Виноградову*). Шумахер-то наш — родственник Адольфу.

Виноградов. Ну?.. Не люблю я твоего родственника, Адольф.

Фон-Штаден. Разве и тебе досадил чем?

Виноградов. Ты сам посуди. Когда нас прапорщик Попов в генваре тридцать шестого года привез из Москвы в Петербург, Шумахер нас принял хуже собак. Два месяца, можно сказать, о нас и не думали, и только на третий — солдат принес приказ: ходить ученикам на лекции в гимназию при Академии. А в чем ходить?.. Кафтанишки поистрепались, сапог нет... Целыми днями, не евши, сидели в холодном помещении. Как нам было бранными словами не ругать Шумахера? А он в отместку за это стал порки над учениками чинить, больше всего Прошке Шишкареву доставалось.

Рейзер. Была охота старое вспоминать!

Ломоносов (*Рейзеру*). Тебе-то вспоминать нечего. Жил, припеваючи, на харчах отца, а нам с Дмитрием не мало претерпеть пришлось... Эх, и обрадовался я, когда нас в сентябре того же года в Кронштадте на корабль погрузили, чтобы в Марбург везти... Уж больно мне житье скудное при Академии опостылело!

В калитку сада входит профессор химии Дуйзинг.

Дуйзинг. Добрый вечер, господа студенты! Фрау Цильх дома?

Ломоносов. Дома, господин профессор... Фрау Цильх мне сказала, что вы ругали меня.

Дуйзинг (*хлопая по плечу Ломоносова и садясь около него*). Есть за что, есть за что!.. Нельзя так много пить, как вы трое пьете. Нельзя пьяным возвращаться в дом почтенной фрау Цильх и устраивать скандалы; согласитесь, что я имел основание ругать вас.

Ломоносов. Да, господин профессор.

Дуйзинг. Но тем не менее я писал Шумахеру, что вы любитель философии и посещаете лекции по химии с неутомимым прилежанием и большим успехом. Вот про господ Рейзера и Виноградова написать этого, к сожалению, не мог.

Виноградов. Мы тоже постараемся заслужить вашу похвалу, господин профессор.

Дуйзинг. Отменно рад слышать это.

Ломоносов. Я решил остепениться.

Дуйзинг. Слышал... слышал... Фрау Цильх говорила, что за последнее время вы ведете себя много тише, а фрейлейн Элизабет вас очень хвалила за доброе сердце. Покойный ее отец Генрих Цильх был большой мой приятель. По профессии пивовар, он был у нас членом городской думы и церковным старостой. Почтенный был человек... Лизхен осталась после него совсем маленькой, а теперь ей уж восемнадцать лет. Как быстро время идет!

Ломоносов. Мне очень хорошо живется в доме фрау Цильх.

Дуйзинг. Ну, и слава богу!.. Вероятно и за дочкой ухаживаете? Любят студенты за барышнями поволочиться.

Рейзер. На то и молодость, господин профессор.

Дуйзинг. Верно, верно... Но и молодость должна во всем знать меру. Отчего не поухаживать за барышнями и не выпить стакан вина? Но напиваться допьяна, делать долги, безобразничать — не подобает хорошим студентам.

Ломоносов. Если мы лишнее пили, у нас на то оправдание есть.

Дуйзинг. Интересно знать, какое?

Ломоносов. Когда мы приехали в Марбург, говорить по-немецки не умели. С профессорами говорили по-латыни, а с горожанами пальцами объяснялись. Бюргеры от нас отворачивались, а студенты зубоскалили над нашим выговором. Чтобы поскорее научиться немецкому языку, стали мы шляться по кнейпам и толкаться среди простого народа. Это не осталось для нас без пользы, но приучило к вину.

Дуйзинг. Наверное вы и в России пили?

Ломоносов. Мы с Виноградовым в Москве больше среди попов и монахов вертелись, а попы у нас сильно к водке охочие и пьяницам потакают. У нас монахи по кабакам бога ищут, а у вас студенты кнейпы университету предпочитают.

Дуйзинг. Для того человеку и дана сила воли, чтобы он худые примеры от себя отстранял и избегал дурных обычаев... Ну, я пойду навестить фрау Цильх... (*Уходит*).

Ломоносов. Дуйзинг хороший человек, но, как профессору, ему далеко до Вольфа.

Виноградов. Одного сапога пара!

Ломоносов. Не бреши зря! Вольф первый провозгласил главенство свободной мысли и сказал, что нет следствий без достаточной причины. Разве не он доказал, что математический метод должен быть соблюден во всех науках, ибо только оный вносит ясность во все исследования?.. А сколько Вольф за науку претерпел? Сам Лейбниц помог ему получить кафедру в Галле.

Фон-Штаден. Вольф — еретик! Не даром его Фридрих из Галле выгнал.

Ломоносов. Фридрих — невежа! Когда-нибудь он пожалеет, что изгнал такого великого ученого из своей страны. Фридриху не науки нужны, а солдаты-великаны, прихлебатели и шуты!

Фон-Штаден. О, нет!.. Не согласен с тобой, Фридрих — великий король.

Ломоносов. Дурень, зверь, самодур! Он сам себя величает „доктором табачной науки“ и прокоптил свой ум в табак-коллегиуме.

Рейзер (*беря фон-Штадена под руку*). Мы, Ломоносов, не согласны с тобой. Пойдем, Адольф, выпьем по кружке пива за здоровье славного короля Фридриха!.. (*Виноградову*). Помни, что за тобой три кружки. (*Уходят*).

Виноградов. Проваливай подобру-поздорову! (*Ломоносову*). Ну, идем, Михайло, в кнейпу... Велено всем к девяти часам собраться.

Ломоносов. Иди один, коли охота.

В калитку вбегает Иоганн Цильх.

Иоганн Цильх (*испуганно Ломоносову*). Спрячьтесь скорей в дом! Опять пьяные студенты безобразничают и силой заставляют студентов идти в кнейпу. (*Убегает в дом*).

Слышится пение «Gaudeamus igitur», толпа пьяных студентов, со шпагами в руках, останавливается перед калиткой. Елизавета и Иоганн пугливо выглядывают из окна.

Первый студент (*вбегая в сад*). Эй, вы, русские медведи! Чего расселись под каштанами! Марш в кнейпу! Эйн, цвей, дрей!..

Второй студент (*вбегая в сад*). Поворачивайтесь живей, дьяволы!

Виноградов (*прячась за спину Ломоносова*). Говорил тебе: скандал будет.

Ломоносов. Экий ты трус, попович!.. (*Студентам*). Убирайтесь к чорту, колбасники!

Третий студент (*вбегая в сад*). Что с ними разговаривать!.. Тащи их силой!.. (*Толпе*). Двигайтесь, товарищи, дальше!.. Забирайте всех ослушников, а с этими мы сами справимся.

Толпа с пением и криками удаляется.

Елизавета Цильх (*выбегает из дома*). Уходите из нашего сада! Кто вам позволил сюда прийти?

Первый студент (*подбегая к Елизавете и пытаясь ее обнять*). Душечка, не волнуйтесь, пойдемте с нами пиво пить...

Ломоносов (*бросается на студента, выхватывает из его рук шпагу*). Прочь отсюда, свиньи!.. Оставьте в покое фрейлейн.

Второй студент. Фрейлейн?.. Она на прачку похожа, а не на фрейлейн... Пойдем, красотка, проведем ночку вместе.

Елизавета в страхе убегает.

Ломоносов. Ах, ты, мерзавец!

Ломоносов бросается на студента, вышибает из его рук шпагу. То же делает с третьим студентом, который кидается на помощь товарищу. Виноградов подбирает две шпаги и бросает их через забор. Ломоносов шпагой колотит студентов.

Первый студент (*уклоняясь от ударов Ломоносова*). Как ты смеешь драться, дьявол!

Второй студент. Разве можно нападать на безоружных? Верни наши шпаги!

Ломоносов (*бросая шпагу через забор*). Пойди, ищи свою шпагу!

Студент убегает.

Первый студент Мы требуем сатисфакции!

Третий студент. Где моя шпага?

Ломоносов. Ах, черти, вам все мало! (*Хватает студентов за шиворот и выталкивает их за калитку*). Если попытаетесь вернуться, я вам все ребра переломаю...

Первый студент (*подбирая шпагу за забором*). Приди-ка в кнейпу, мы выдрессируем тебя там, русский медведь. Идем, товарищи!

Второй студент. Надо сообщить депозитору о гнусном поведении этого зверя...

Студенты уходят.

Ломоносов (*запирая калитку*). Сообщайте хоть чорту!

Из дома выходят испуганные фрау Цильх, Елизавета, Иоганн и Дуйзинг.

Фрау Цильх. С этими студентами сладу нет!.. До того напиваются, что даже девушек оскорбляют.

Ломоносов. Ваши марбургские рыцари получили по заслугам.

Елизавета. Неужели вы один с тремя справились?

Виноградов. Я тоже помогал.

Иоганн Цильх (*смеясь*)... подбирать шпаги.

Фрау Цильх. Я надеюсь, что они больше сюда не придут.

Ломоносов. Ручаюсь, что сегодня не появятся.

Дуйзинг. Вы — настоящий богатырь, господин Ломоносов!.. Если король Фридрих вас увидит, быть вам среди его солдат-великанов... Однако, все хорошо, что хорошо кончается. Прощайте, фрау Цильх, прощайте молодые люди. (*Уходит*).

Елизавета (*пожимая руку Ломоносову*). Вы — благородный и добрый человек, господин Ломоносов!

Фрау Цильх (*укоризненно*). Ты, Лизхен, еще слишком молода, чтобы делать оценку людям и высказывать свои мысли вслух. Пойдемте, дети, петь псалмы и возблагодарим бога за благополучно проведенный день. (*Уходит с дочерью и сыном в дом*).

Виноградов. Ну, и силища у тебя, Михайло!

Ломоносов. Пожаловаться не могу. Работа с детства на воздухе в Поморье сделала мои руки железными, а ноги — стальными.

Виноградов. А мне жалко, что ты их поколотил.

Ломоносов. Если бы не я, они меня поколотили бы, да и тебя заодно. Тогда бы ты не от жалости, а от обиды скулил!.. Сколь надоели мне здешние студенческие повадки, сказать не могу! Разве не гнусно собираться каждый день в кнейпу пиво пить и не сметь говорить там о науках!.. Подражая средневековым рыцарям, здешние студенты ввели обязательные поединки, а сами до сих пор не научились относиться к женщинам с уважением. Да они всерьез в колдовство и в заклинания еще верят!..

Виноградов (*облокотившись на стол, начинает неудержимо хохотать*). Ха-ха-ха... Ха-ха-ха!..

Ломоносов. Ты что ржешь?

Виноградов Ха-ха-ха!.. Вспомнил, как нас, когда мы приехали, в корпорацию зачисляли и сделали „пенналами"...

Ломоносов. Это когда нас зверями нарядили, и депозитор наши рожи красками размалевывал?

Виноградов. Ха-ха-ха!.. Сперва, как нам стригли головы, посыпали песком, щипали и ругались, ты все молчал... А как стали бить колбасой, набитой песком, ты рассвирепел, вырвал колбасу и давай ею колошматить всех, что есть мочи... Ха-ха-ха!..

Ломоносов. Я, брат, когда из себя выйду, мне под руку не подвертывайся.

Виноградов. Тебя-то за твою силищу в Марбурге все боятся и не трогают, а меня из-за тебя сколько раз в кнейпе били. Хоть не ходи один туда!.. Пойду уж лучше домой спать... (*Уходит*).

Ломоносов (*один*). Когда приехал в Марбург, жил я, как в тумане, между разгульной улицей и ученьем... Низы здесь мало чем от наших московских низов отличаются. Было бы вино да гулящие девки. И того и другого в кнейпах вдоволь... Дворяне и студенты в разврате и пьянстве низам не уступят... Бюргеры замкнулись в своих домишках, смотрят на дворян и студентов как на заразу и свои семейные обычаи перемешали с пошлостью низменною, ханжеством и пьянством. Они все мечтают о загробной жизни, а в здешней без плутовства не обходятся...

Из двери выходят фрау Цильх, Елизавета и Иоганн.

Фрау Цильх. Я на минутку сбегаю к дяде, Иоганн проводит меня, а ты, Лизхен, иди в свою комнату, запри все двери и поджидай меня. Мы скоро вернемся. (*Уходит с Иоганном*).

Елизавета. С вами можно посидеть, господин Ломоносов?

Ломоносов. А не боитесь матери?

Елизавета. Когда она дома—боюсь...

Ломоносов. Живу я у вас, Лизхен, два года и знаю, что вы хорошо ко мне относитесь, а вот фрау Цильх терпеть меня не может.

Елизавета. Знаете, почему?

Ломоносов. Догадываюсь.

Елизавета. Потому, что вы деньги за комнату акуратно не платите, и еще потому... что я вас всегда хвалю.

Ломоносов. Боится, что как бы не влюбились в русского медведя?

Елизавета. И, правда, это страшно.

Ломоносов. Почему?

Елизавета. У нас с вами вера разная...

Ломоносов. А бог один.

Елизавета. Вы—не немец. Вы—бедный, у вас много долгов, а когда вы пьете—буяните. Мама хочет, чтобы я влюбилась в одного богатого вдовца.

Ломоносов. А вы?

Елизавета. А я не могу в него влюбиться. Сегодня опять молилась, чтоб он мне понравился.

Ломоносов. Помогает?

Елизавета. Я верю в чудеса, а вот в это чудо не верю!.. Не надо, не надо этого чуда!.. Расскажите мне лучше про Россию, про Белое море, про океан, или стихи нашего поэта Гюнтера прочтите... Ах, как я люблю его стихи!..

Ломоносов. А вот профессор Вольф говорит, что поэзия не что иное, как жалкая служанка в королевских дворцах и у знати, воспевающая дикие подвиги и оправдывающая всякие насилия; и поэтому за оды и хвалебные речи в стихах при дворе установили таксу в двенадцать талеров. Но он ошибается!.. Настоящая поэзия родится в душе, как зарницы в небе, и не расценивается на талеры.

Елизавета. Стихи Гюнтера вам тоже нравятся?

Ломоносов. Я его стихи все наизусть выучил.

Елизавета. А у вас в России есть поэты?

Ломоносов. Есть... Тредьяковский, князь Антиох Кантемир... Только им, конечно, далеко до Гюнтера... У нас поэзия только нарождается...

Елизавета. Вы тоже пишете стихи?

Ломоносов. Большую склонность чувствую к поэзии и стараюсь подражать Гюнтеру.

Елизавета. Я давно подметила, что вы любите немцев.

Ломоносов. Да, я люблю немцев за то, что они к наукам и поэзии склонны.

Елизавета. А ко мне вы хорошо относитесь, господин Ломоносов?

Ломоносов. Вы — моя добрая фея в Марбурге! Ваше ласковое слово заставляет меня забывать тоску по родине, ваши глаза напоминают мне синеву северного неба, а ваш смех многозвучен, как веселые игры волн под утесами.

Елизавета. О, как я люблю говорить с вами! Мне так нравятся ваши рассказы про далекую Россию... Расскажите мне сказку про Снегурочку... Нет, лучше про людей вашего севера... Как там живут, любят, женятся...

Ломоносов. Живут там люди среди чудесных лесов и беспредельных далей. Наша страна не то, что ваша. По ней едешь, и нет ей конца-краю... Природа наделила нас всем в изобилии, но мы еще не умеем пользоваться нашими природными богатствами. Я верю, что и в России появятся люди науки, которые помогут народу пробиться к свету.

Елизавета. Вы будете одним из них!..

Ломоносов. Хотел бы быть таким... Послали меня в Марбург изучать горное дело и химию, но этого мне мало. Хочу все знать, хочу все хорошее перенять от вас и применить с пользою на родине.

Иоганн (*поспешно входя в калитку*). Иди домой, Лизхен, мама идет за мной с профессором Вольфом.

Елизавета (*с досадой*). Как скоро вы вернулись! *(Уходит).*

Ломоносов. С Вольфом?

Иоганн. Да, он тоже заходил к дяде. Хвалил ваши успехи в науках. Он какие науки преподает вам?

Ломоносов. Математику, философию, логику и географию.

Иоганн. Но мама пожаловалась ему, что вы деньги за комнату платите неаккуратно, и он напугал ее...

В калитку входят фрау Цильх и профессор Вольф.

Фрау Цильх. Спасибо, профессор, что проводили меня.

Вольф. Сердечно был рад поговорить с вами, фрау Цильх... (*Заметив Ломоносова*). Ба!.. Кого вижу! Как это вы не в кнейпе за кружкой пива?

Ломоносов. Надоело, господин профессор.

Фрау Цильх. Внушите, пожалуйста, молодому человеку, чтоб он поскорей заплатил мне деньги. Я вдова и нуждаюсь в каждом крейцере.

Вольф. Идите почивать, фрау Цильх, а я поговорю с господином Ломоносовым. Мне нужно сообщить ему кое-что важное.

Фрау Цильх прощается с Вольфом и уходит вместе с Иоганном в дом.

Вольф (*присаживаясь около стола*). Мне надо поговорить с вами серьезно.

Ломоносов. К вашим услугам, господин профессор.

Вольф. Жаль мне с вами расставаться, а приходится.

Ломоносов. Расставаться? Почему?

Вольф. Видите ли, о ваших кутежах и долгах я, конечно, не мог скрыть от Академии...

Ломоносов. Мне стыдно смотреть вам в глаза, профессор.

Вольф. ... Я писал в Академию, что вы и ваши товарищи еще не знакомы, как нужно обращаться с деньгами, не умеете жить бережливо и не думаете о том, чем может кончиться дело, когда вас отправят отсюда.

Ломоносов. Мне тяжело думать о том, что пренебрегал вашими советами.

Вольф. Когда человек сознает свои ошибки, это уже говорит в его пользу.

Ломоносов. Я даю вам слово исправиться.

Вольф. Верю, мой друг, потому что считаю вас талантливым и честным человеком. Я вас аттестовал Академии как способного и прилежного студента и сообщил, что вы сделали большие успехи по математике, физике и философии, и что деньги на вас троих не расходуются напрасно.

Ломоносов. Вы слишком снисходительны к нам, господин профессор!

Вольф. Думаю, что в вашей Академии полагают, что мое влияние на вас очень небольшое, и что я не умею сдерживать порывы вашей молодости...

Ломоносов. Как там ошибаются!

Вольф. ... Поэтому, Академия решила отправить вас и ваших товарищей во Фрейберг к профессору Генкелю для изучения металлургии. Мне было написано, чтоб я собрал точные сведения о ваших долгах и немедленно отправил вас во Фрейберг. По справкам, наведенным мною, вы задолжали 1936 рейхсталеров. Верно ли?

Ломоносов. Во всяком случае не меньше.

Вольф. Господин Шумахер приказал в будущем выдавать вам стипендию не триста рублей в год, а в половинном размере, и чтобы все расходы делались не вами, а непосредственно профессором Генкелем. А на ваши карманные расходы каждому из вас будет выдаваться по одному талеру в месяц.

Ломоносов. Это очень жестоко со стороны Академии!

Вольф. Может быть это наказанье послужит вам на пользу. Это единственное утешение, которое останется у меня при расставании с вами.

Ломоносов. Когда же предполагается наш отъезд во Фрейберг?

Вольф. Двадцатого июля утром. Лошади для вас уже наняты мною и все нужные распоряжения сделаны. Сообщите это вашим товарищам и подготовьтесь к отъезду. Деньги на дорогу, согласно распоряжению Академии, я вручу вам лично, когда вы сядете в карету.

Ломоносов. Расстаться с Марбургом, с вами, вот с этим гостеприимным домом, для меня будет очень тяжко!

Вольф. Не скрою от вас, что и мне будет грустно лишиться такого любознательного и способного студента, как вы. Но ничего не поделаешь, надо примириться с обстоятельствами. Ну, покойной ночи, господин Ломоносов!

Ломоносов. Доброй ночи, господин профессор.

Вольф (*уходя*). Не забудьте передать мои слова вашим товарищам и зайдите завтра все трое ко мне в университет.

Ломоносов (*один, сидя у стола*). А я так мечтал продлить свои занятия у профессора Вольфа!.. Отъезд во Фрейберг нарушит все мои научные планы. Сколько донесений на немецком языке послал я в Академию о прослушанных здесь лекциях, а на латинском языке отправил в Петербург „Рассуждение о физике“... Неужели все это не принято во внимание?.. И все из-за проклятых денег!.. Прощай, Марбург, прощай Лизхен!.. (*Подумав*). А может быть все выйдет к лучшему?.. Слишком мы разные люди с Лизхен. У нее — душа малиновки, а мою душу воспитал в беломорских зыбях студеный, надполярный окиан. Оттого-то ветер морской ходит по ней и бушует по-

часту... Не будь во мне прирожденной поморской смекалки, унаследованной от новгородских ушкуйников, не миновать бы давно мне гибели... (*Опускает голову на руки*).

Слышно, как открылось окно в доме. Ломоносов поднимает голову и замечает у открытого окна Елизавету, залитую мягким светом луны. Она делает знак рукой, приглашая Ломоносова подойти ближе к окну.

Елизавета. О чем вы так задумались?

Ломоносов (*стоя под окном*). Грустные новости принес мне профессор Вольф.

Елизавета (*с тревогой*). Что такое?

Ломоносов. Нас троих отправляют во Фрейберг.

Елизавета. Не может быть!... Значит, вы нас покинете?.. Ох, как грустно мне это слышать! Я так к вам привыкла. Во Фрейберге вы забудете обо мне.

Ломоносов. Было бы умнее забыть вас, но знаю, что не смогу. Я буду писать вам, милая Лизхен, из Фрейберга часто-часто, и при первой возможности приеду в Марбург.

Елизавета. Верно, милый? (*Прислушивается*). Мама проснулась... (*Поспешно закрывает окно*).

Ломоносов (*задумчиво*). А если на меня это так, сдуру, к ночи накатило?.. Расхлебывать эту любовную горячку трудно будет потом. Помор и немка, что дуб и березка... (*Поднимаясь на крыльцо дома*). Поразмыслить надо.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов — 30 лет.
Елизавета — его жена.
Иоганн Цильх — брат жены.
Дуйзинг — профессор.
Фрау Дуйзинг, его жена.
Вольф — профессор.

Марбург. Апрель 1741 года. Скромно обставленная комната. У обеденного стола сидит Елизавета за пяльцами. Иоганн Цильх что-то рисует. В открытое окно доносится студенческая песня.

Иоганн. Рассказывай другим, а не мне! Я твоего мужа не первый день знаю.

Елизавета. Я отвечаю только на твой вопрос, что русскому не так-то легко устроиться на службу в Германии.

Иоганн. Да он этого и не хочет.

Елизавета. Ты несправедлив к Михелю.

Иоганн. Брось чепуху молоть!.. Когда вы с ним в июне обвенчались, он недели не просидел с тобой. Уехал во Франкфурт, а оттуда махнул в Голландию. Шутка сказать—пять месяцев пропадал и вернулся домой без копейки.

Елизавета. Не посчастливилось ему, вот и все. Во Франкфурте, куда он ездил с рекомендацией профессора Вольфа, дело не сладилось, а в Голландии русский посланник отказал ему в выдаче денег.

Иоганн. На что же он жил?

Елизавета. Занял у архангельских купцов, которых случайно встретил в Амстердаме.

Иоганн. Верь ему больше. Я знаю одно: его товарищи Рейзер и Виноградов продолжают спокойно жить и учиться во Фрейберге, а твой муженек чуть не избил профессора Генкеля и сбежал украдкой в Марбург.

Елизавета. К своей невесте!...

Иоганн. Невеста?! В городе все говорят, что он женился на тебе только из-за нужды. В Марбурге ему не на что было даже нанять комнату.

Елизавета. Как тебе не стыдно повторять чужие глупости! Ведь я же читала тебе письма Михеля ко мне в Марбург? Они полны любви и нежности.

Иоганн. Бумага все терпит!.. Если бы послушалась совета покойной мамы и вышла бы замуж за вдовца Готлиба фон-Клауза, жили бы мы теперь припеваючи... На свете самое приятное — свои деньги считать.

Елизавета. Любовь — не пожар. Загорится, не потушишь...

Иоганн. Твой Михель перед свадьбой все хвастался: „Поеду, раздобуду денег и заживем по-хорошему“... Зажили... Сосисок не на что купить!.. О нарядах и подарках позабудь и думать...

Елизавета. В этом ты прав. Михель совсем не понимает меня. Если он углубится в свои книги, то забудет и про жену, и про обед, и про нашу нужду. Эти русские из какого-то другого теста сделаны. Скажешь ему: „Денег нет на обед“. „Ничего,— отвечает,— завтра пообедаем“... И на все-то у него один ответ: „ничего“ или „ладно“!..

Иоганн. Из этого русского „ничего“ супа не сваришь... Говорят, что с Михелем вышла какая-то крупная неприятность по дороге в Дюссельдорф.

Елизавета. Кто тебе сказал?

Иоганн. Студент фон-Штаден. Он ему сам рассказывал.

Входит Ломоносов и с сердцем бросает на диван свою шляпу.

Ломоносов. Проклятая жизнь!

Елизавета. Только потому, что ты не можешь устроиться на службу?

Ломоносов. Известно: осенью и у воробьев пиво... А вы с Иоганном все о сосисках горюете?..

Иоганн. По-нашему, без них плохо, а по вашему?..

Ломоносов. По нашему — сытое брюхо к ученью глухо... А правда, есть хочется. Целую треску съел бы сейчас!

Елизавета. Хочешь, сделаю яичницу с ветчиной?

Ломоносов. Ладно, давай яичницу и кружку пива.

Елизавета уходит.

Иоганн. Лизхен твои образчики руд снесла в кухню. Говорит, что от них пыли много. Пойду, соберу их в ящик и поставлю в чулан. (*Уходит*).

Ломоносов. Чорт побрал бы эту немецкую акуратность! Накорми немку сдобными булками и пообещай ей царство небесное, она и думать перестанет... Поскорей бы в Россию вырваться и там за дела приняться. С выварной соли я отменно в Саксонии познакомился. Наши соляные варницы в Белом море новых приемов требуют. (*Подходит к окну, откуда доносится пьяная студенческая песня*). Измытарили мне всю душу эти студенческие пирушки! Изо дня в день одно и то же... Кнейпы, поединки, разбитые рыла... (*Отходит от окна*). Кажется, Шумахеру я обстоятельно все отписал, а ответа нет...

Елизавета (*входя с подносом*). Закусим, Михель. Где Иоганн? (*Кричит*). Иоганн! Иди яичницу есть... Правда, маловато на троих...

Ломоносов. Ничего, хватит.

Елизавета. Опять это „ничего"! Лучше подумал бы о том, на что нам завтра провизии купить.

Входит Иоганн.

Ломоносов. Ладно, подумаю.

Все садятся за стол и едят.

Елизавета. Фон-Штаден рассказывал Иоганну, что с тобой случилась по дороге в Дюссельдорф, какая-то крупная неприятность. Зачем ты скрыл от меня это?

Ломоносов (*смеясь*). А тебе все надо знать?

Елизавета. На то я и жена твоя. Расскажи, Михель.

Ломоносов. Причиной всему был мой большой рост да глупые затеи лукавого Фридриха.

Иоганн. Мы, марбургцы, не любим Фридриха.

Ломоносов. Любить этого сумасброда не за что.

Елизавета. Разве про королей так говорят? Им власть вручена от бога.

Ломоносов. Ослам тоже глупость от бога дана... (*Выпив кружку пива*). Дело было так. Брел я в Дюссельдорф пешком по большой дороге. В двух днях пути от Марбурга остановился в одном местечке и зашел в гостиницу, чтобы переночевать. Пристал ко мне королевско-прусский офицер, кутивший со своими подчиненными. Выпей да выпей... А я два дня почти ничего не ел...

Елизавета. Господи Иисусе! Так с голоду помереть можно.

Ломоносов. Мне неделями голодать приходилось, однако не умер.

Иоганн. Здорово выпили?

Ломоносов. Выпили на совесть... Офицер все уговаривал меня вступить в королевский полк солдат-великанов. Чего только не сулил он мне!... Я спьяна возьми да согласись.

Елизавета. И про меня забыл?

Ломоносов. Где уж тут о тебе было помнить, когда в меня влили чуть ли не целый боченок вина...

Иоганн. Ой-ой!

Ломоносов. Не помню, как свалился и заснул... Наутро просыпаюсь... что за притча?... На шее — красный галстук, в кармане — прусские монеты... Пруссаки меня окружили, хлопают по плечу и величают товарищем. „Какой,— говорю,— я вам товарищ?.. Я русский студент". „А это, — спрашивают,— чья подпись? Разве не твоя? Или забыл, что вчера принял королевскую прусскую службу, взял задаток и пил за здоровье нашего и твоего полка?"

Иоганн. Этим способом Фридрих не мало набрал великанов в свой полк.

Ломоносов. Как я ни отбояривался, не тут-то было... И просил и грозил — ничто не помогает... Связали мне руки и с другими рекрутами погнали прямо в крепость Везель.

Елизавета. Пешком?

Ломоносов. Да... Идем, а пруссаки все уговаривают меня: „Не тужи,— говорят,— тебе у нас понравится. Ты — парень видный и верхом будешь очень хорош на параде". „Нет,— думаю про себя,— рейтером прусским не буду, сбегу, как-никак". Караульные приметили, что я сбежать собираюсь. Когда пришли в Везель, всех рекрутов в городе по квартирам разместили, а меня прямо в крепость, в караульню, где приказали спать на скамейке.

Елизавета. Ах, бедный Михель.

Ломоносов. Окно караульни выходило прямо на крепостной вал. Понял, что если я из окна незаметно выпрыгну, удрать можно, так как до вестфальской границы и одной мили не будет... Вот я, бывало, и залягу спать спозаранку на свою скамейку. Высплюсь, а караульные только засыпать начинают.

Как-то приметив, что все крепко заснули, я выпрыгнул в окно и на четвереньках дополз до вала, спустился в ров, переплыл через него, взобрался на контрэскарп, перелез через частокол, выбрался в открытое поле и бежать... Вдруг как грянет пушка...

Елизавета. Ай, боже мой, могли убить тебя!..

Ломоносов. Ну, думаю, сигнал о побеге. Слышу, скачет за мной погоня. Собрал я все силы, и давай бог ноги... Ну, и бежал... Быстрее лошади. Как через границу проскочил, забился, как зверюга какой, в кустарник, дождался солнца, обсушился и прямехонько в Марбург.

Иоганн. И охота тебе по чужим городам таскаться.

Ломоносов. Утешаю себя тем, что побывал в знаменитых городах, поговорил с некоторыми искусными химиками, осмотрел их лаборатории и взглянул на рудники в Гессене и Зигене.

Елизавета. И вернулся без денег в Марбург. Разве это спокойная жизнь!

Ломоносов. Я покоя не ищу. Покой для меня хуже смерти. Это только ваши бюргеры покоя у печки да возле жены ищут. Я привык к бурям, а за ними придут и ясные дни.

В комнату входит профессор Дуйзинг под руку со своей женой, которая держит в руках большой кофейник из красной меди. Елизавета, Ломоносов и Иоганн встают и встречают гостей.

Дуйзинг. Во-первых, очень рад видеть господина Ломоносова счастливо возвратившимся из поездки; во-вторых, я и фрау Дуйзинг (*фрау Дуйзинг церемонно приседает*) выражаем удивленье, что дети наших покойных друзей совсем забыли о нашем существовании, и, в-третьих, ставим вас в известность, что все тайное делается явным.

Фрау Дуйзинг *(приседая)*. А потому...

Дуйзинг. Придержи твой язычок, женушка.

Фрау Дуйзинг. О, это не так легко в данном случае!

Дуйзинг (*вынимая из кармана записную книжку*). Можете ли подтвердить сведение, которое я выписал из церковной книги (*читает*): „16 июня 1740 года обвенчаны Михаил Ломоносов, сын архангельского торговца Василия Ломоносова, и Елизавета Христина Цильх, дочь умершего члена городской думы и церковного старосты Генриха Цильха“?

Ломоносов. Подтверждаем, господин профессор.

Фрау Дуйзинг. А потому...

Дуйзинг. Не торопись, женушка, не торопись.

Фрау Дуйзинг. О, как трудно молчать, когда так хочется говорить!

Дуйзинг (*беря из рук жены кофейник*). Примите же наши горячие поздравления.

Дуйзинг целует Елизавету в лоб, жмет руку Ломоносову. Фрау Дуйзинг душит в своих объятиях Елизавету.

Пусть этот кофейник, эмблема семейного счастья, всегда напоминает вам о друзьях ваших покойных родителей...

Фрау Дуйзинг. И будет утехой вам и вашим детям!.. Он на двенадцать персон.

Елизавета. Ах, какая прелесть!.. Я сейчас приготовлю в нем кофе.

Дуйзинг. Я и фрау Дуйзинг (*которая приседает*) не откажемся от кофе. Не так ли, фрау Дуйзинг?

Фрау Дуйзинг. О, я обожаю кофе!.. Не забудь, Лизхен, прибавить в кофе ложечку цикория.

Дуйзинг. А теперь позвольте полюбопытствовать, почему вы не нашли нужным своевременно поставить нас в известность о вашем законном браке?

Елизавета (*указывая на Ломоносова*). Это все его упрямство.

Фрау Дуйзинг. О, эти русские!..

Ломоносов. Господин профессор и фрау Дуйзинг извинят нас, если примут во внимание обстоятельства, понудившие нас не разглашать о браке.

Дуйзинг. Мы вас слушаем.

Фрау Дуйзинг. Я уже извинила. (*Приседает*).

Ломоносов. Если бы Академия узнала, что я женился без разрешения да еще в реформатской церкви, это грозило бы всякими неприятностями и лишением стипендии. Поэтому я убедительно прошу вас о нашем браке ничего не говорить профессору Вольфу, который, находясь в переписке с советником Академии Шумахером, может поделиться с ним этой новостью, и тем погубить все мои надежды на занятие науками в Санкт-Петербурге.

Дуйзинг. Причина весьма основательная для нашего молчания; помни это, женушка, и не давай волю своему языку.

Фрау Дуйзинг (*приседая*). О, мой язык никогда не причинит вреда любящим сердцам.

Фрау Дуйзинг целует Елизавету и делает церемонный реверанс Ломоносову.

Елизавета. Извините меня, фрау Дуйзинг, я на минутку вас покину, чтоб приготовить кофе. (*Уходит*).

Фрау Дуйзинг. Сядьте около меня, милый Иоганн, и дайте полюбоваться на ваши чудные голубые глаза. Как вы напоминаете мне вашего отца, который так любил мне говорить комплименты.

Иоганн садится около фрау Дуйзинг; Ломоносов и Дуйзинг, сидя в стороне, ведут оживленный разговор.

Ломоносов. Профессора Генкеля могут почитать идолом только те, которые его хорошо не знают.

Дуйзинг. Вы неправы, мой молодой друг. Очевидно, вам неизвестна та рекомендация, которая была ему дана Академией о вас и о ваших товарищах.

Ломоносов. Профессор Генкель нам об этом не говорил.

Дуйзинг. Я знаю из письма Генкеля, что президент вашей Академии барон Корф писал ему, что вы „трое в успехах своих не равны между собою, в мотовстве же как-будто превосходите друг друга"... Ему было поручено Академией вести самому все расходы, а каждому из вас выдавать на руки только по одному талеру в месяц. Профессор Генкель, как человек акуратный и исполнительный, конечно, не считал себя в праве действовать вопреки данным ему инструкциям.

Ломоносов. Однако, вначале он находил возможным выдавать нам небольшие суммы.

Дуйзинг (*вынимая из кармана письмо и просматривая его*). Генкель пишет, что когда во Фрейберг прибыл для изучения соляного дела член вашей Академии господин Юнкер, которому именно вы делали переводы и который был вами весьма доволен, то он совместно с господином Юнкером просил Академию прибавить вам по пятьдесят рублей. Очевидно, он надеялся, что его ходатайство будет уважено, и выдавал вам деньги авансом в счет будущей получки.

Ломоносов. Разрешите, профессор, прочесть это письмо.

Дуйзинг. Пожалуйста, прочтите, в нем секретов нет.

Дуйзинг передает письмо Ломоносову, который внимательно читает его.

Фрау Дуйзинг. ... И при первой возможности собирается увезти Лизхен и вас в варварскую Россию. Какое безумие!.. Впрочем, на дорогу нужны деньги, а у господина Ломоносова их нет. А в долг ему, конечно, никто не даст здесь денег.

Иоганн. Ломоносов уверяет, что было бы желание, а деньги всегда найдутся.

Фрау Дуйзинг. Какой он наивный!

Иоганн. Он говорит: „мал муравей, а горы роет".

Ломоносов (*возвращая письмо Дуйзингу*). Тут много неточного. Правда, вначале Генкель относился к нам хорошо, а потом начал чинить нам всякие обиды. С немцев он брал по сто рейхсталеров, а с нас по триста тридцать три. Это он оправдывал тем, что наша царица богата и может за нас платить подороже. Генкель на наши деньги барышничал и покупал паи в рудниках. И в науках он поступал недобросовестно. Сперва занятия по металлургии шли успешно, а потом больше читал о пустяках. Что же касается до курса химии, то он в первые четыре месяца едва учение о солях пройти мог, на что одного месяца довольно было.

Дуйзинг. Это меня крайне удивляет, ибо Генкель считается у нас одним из лучших профессоров.

Ломоносов. Он не любит своими знаниями со студентами делиться. Самые обыкновенные процессы, о которых почти во всех химических книгах говорится, он держит в секрете и сообщает их неохотно. Я и в Академию писал, что естественную историю нельзя выучить в кабинете профессора Генкеля из его шкапов и ящиков, а лучше самому в разных рудниках побывать.

Дуйзинг. Поэтому вы и скрылись тайком из Фрейберга?

Ломоносов. Не поэтому. Просто не хотел учиться у такого злого и алчного человека, который, видя нашу нужду, набивал свой карман за наш счет. Я с ним сильно поругался; во время спора все его ящики с рудами перебросал и уехал из Фрейберга, не сказавши — куда. А он отписал в Академию, что я „человек недоброго нрава и предан пьянству".

Входит Елизавета с кофейным прибором, наливает чашки и разносит всем.

Дуйзинг. Ну, не будем вспоминать прошлое... (*Елизавете*). Как вы любезны, фрау Элизабет. Из вас выйдет прекрасная хозяйка.

Фрау Дуйзинг. Это главное достоинство женщины. Помни, Лизхен, что профессорам, кроме книг, нужны вкусные котлеты и сладкие пирожки.

Дуйзинг. Грешен, люблю вкусные котлеты и сладкие пирожки.

Иоганн. Лизхен не умеет их делать.

Елизавета. Не беспокойся, выучусь.

Ломоносов. Выучись щи хорошие и квас варить.

Фрау Дуйзинг. Щи и квас... Это что такое?

Ломоносов. У нас в России это то же, что у вас колбаса и пиво.

Фрау Дуйзинг. Значит — что-то очень вкусное.

Дуйзинг. Ну, а как, господин Ломоносов, ваши успехи в стихах?

Ломоносов. Во Фрейберге написал оду „На взятие Хотина" и составил письмо „О правилах русского стихотворства". Все это я отправил в Академию.

Дуйзинг. Не знаю, как в России, а у нас при дворе в большом почете оды. Короли щедро платят за них поэтам.

Ломоносов. Это зло и мы от вас переняли. Академики Юнкер и Штелинг то-и-дело преподносят оды, которые Тредьяковский переводит на русский язык стихами.

Дуйзинг. Высокопоставленные лица с особым удовольствием слушают похвалу поэтов, боясь, что народ не хвалит их за дела.

Ломоносов. Видно, без лести обойтись трудно в наше время.

Дуйзинг. Чем вы теперь занимаетесь?

Ломоносов. Упражняюсь алгеброй, намереваясь оную к теоретической химии и физике применить.

Дуйзинг. Интересно, интересно!

Ломоносов. Законы природы единственно в числах постигать должно. О том и профессор Вольф постоянно толкует, а я и до него эту истину из арифметики Магницкого уже знал. Приметил также во время опытов, что если к одному телу что-нибудь прибавится, то столько же отнимется у другого.

Дуйзинг. Из вас, господин Ломоносов, выйдет крупный ученый. Не бросайте наук.

Елизавета. А я советую ему бросить науки, не возвращаться в Россию и устроиться на службе в Марбурге.

Ломоносов. Не для того я учился, чтобы в Марбурге брюхо пивом наливать. Мое дело — заботиться о приращении наук в России.

Дуйзинг. Ваш муж прав, фрау Элизабет.

Фрау Дуйзинг. Правы те, у кого в кармане есть талеры!

Дуйзинг. Знаю, знаю, что ты их очень любишь, женушка... Ну, поблагодарим хозяев за угощение и пойдем домой. Заходите к нам почаще. (*Прощается со всеми*).

Фрау Дуйзинг (*целуя Елизавету*). Не уезжай в Россию, Лизхен. Там, говорят, в городах по улицам бродят медведи и рвут прохожих. (*Уходит с мужем, взяв его церемонно под руку*).

Елизавета. Говорила, что не надо было скрывать о нашей свадьбе от друзей и знакомых.

Ломоносов. Мало ли ты глупостей говоришь, иной раз слушать тошно.

Елизавета (*с сердцем*). Ну, и не слушай, русский медведь!

Ломоносов. Тащи-ка, Иоганн, книжки, да займемся с тобой механикой. Это будет полезнее бабьих разговоров.

Иоганн уходит, Елизавета прибирает посуду.

Елизавета. Я видела сегодня ночью странный сон. Будто я бегу по снежной долине. Все бело кругом, снег мягкий, как гусиный пух. И дорога среди сугробов тянется далеко-далеко... Вдали, вижу, будто ты идешь, а я бегу за тобой и никак не могу нагнать тебя... Что бы это значило, Михель?

Ломоносов. Спроси фрау Дуйзинг, она наверно умеет сны разгадывать.

Иоганн (*входя с книгами*). Профессор Вольф к нам пришел.

Ломоносов. Неужели и этот с поздравлениями!

Елизавета. Шила в мешке не утаишь.

Входит профессор Вольф.

Вольф. Здравствуйте, фрейлейн Элизабет, здравствуйте, Иоганн, добрый день, господин Ломоносов. Что поделываете?

Ломоносов. Тоскую по родине и, вспоминая о ней, сравниваю наши места со здешними. Видеть мне случалось между Касселем и Марбургом ровные печальные места, покрытые скудным, мелким лесом, где было много морских раковин. Припоминаются мне отмели Северного окиана, когда они, во время отлива, из воды выходят. Не сама ли натура указывает здесь, что равнины в древнем времени были дном морским?

Елизавета и Иоганн уходят.

Вольф. Ваше предположение весьма правдоподобно. Ну, а как ваши денежные дела?

Ломоносов. Плохи, господин профессор.

Вольф. Вот это грустно. Я получил от профессора Генкеля письмо. Узнав от вашего товарища Рейзера, что вы инкогнито проживаете в Марбурге, он просил Академию прислать для вашего возвращения во Фрейберг пятьдесят рейхсталеров, о чем и просит меня поставить вас в известность.

Ломоносов. Мне незачем ехать во Фрейберг.

Вольф. И в Петербурге так же думают.

Ломоносов. Почему вы так полагаете, господин профессор?

Вольф (*вынимает письмо и читает конец*). ...„Переводим вам вексель на сто рублей, который просим передать Михаилу Ломоносову с приказанием ему вернуться немедленно в Санкт-Петербург“... А вот это письмо от господина Шумахера адресовано на ваше имя.

Ломоносов (*берет письмо и читает*). Но для покрытия разных долгов мне понадобится еще не менее ста рейхсталеров.

Вольф. Я поручусь за вас на эту сумму, но убедительно прошу вас поспешить отъездом из Марбурга, насколько возможно.

Ломоносов. Я это сделаю, господин профессор.

Вольф. В России нужны люди науки, и, конечно, там оценят ваши знания. Перед отъездом заходите почаще ко мне поговорить о новых научных открытиях. Это будет не без пользы для вас.

Ломоносов. О новых научных открытиях!.. Может быть, господин профессор, будет любезен поговорить со мною об них сейчас?

Вольф (*улыбаясь*). В делах науки нужно быть более терпеливым. Сейчас, мой друг, у меня, к сожалению, нет времени долго беседовать с вами. Приходите завтра ко мне вечерком поговорить о науках. До свидания, господин Ломоносов. (*Уходит*).

Ломоносов (*один*). Одному ехать в Россию или захватить с собою Лизхен и Иоганна?.. Задача гораздее всех прочих.

Где я их пристрою там и на какие деньги?.. Если в Петербурге узнают, что я тишмя женился на лютеранке, наши попы меня в кандалы закуют... Нет, пусть Лизхен с Иоганном остаются пока в Марбурге, а там видно будет, какие перспективы передо мною откроются...

Елизавета (*входя*). Ты не сказал профессору Вольфу, что мы обвенчались?

Ломоносов. Он меня о том не спрашивал.

Елизавета. Напрасно, Михель. Все равно он узнает от фрау Дуйзинг.

Ломоносов. Это дело маленькое. Поважнее есть. Академия прислала мне приказ немедленно выехать в Санкт-Петербург.

Елизавета. Немедленно!.. Не могу же я собраться в один-два дня.

Ломоносов. И не собирайся. Я поеду один, а при первой возможности пришлю тебе денег, и ты вместе с Иоганном приедешь в Россию.

Елизавета. Я умру от тоски без тебя, Михель!

Ломоносов. Может быть, и я умру без тебя. В жизни всякое случается.

Елизавета. А если у меня родится ребенок?.. (*Смущенно*). Я уже чувствую, что со мной творится что-то неладное.

Ломоносов. Если родится сын, назови его Иваном, а если дочь — Еленой, в честь моей покойной матери, которой я всем обязан.

Елизавета (*плача*). Если бы знала, что придется так скоро уезжать в эту проклятую, дикую Россию, ни за что не вышла бы за тебя замуж!

Ломоносов. Об этом раньше надо было думать.

Елизавета (*бросаясь на шею мужа*). Не уезжай, Михель, оставайся в Марбурге!..

Ломоносов (*отстраняя жену*). Не приставай с глупостями!

Иоганн (*входя*). Тебе почтальон письмо принес.

Ломоносов (*беря письмо*). Ба, от дружка Виноградова из Фрейберга. (*Читает*).

Елизавета. Что он пишет?

Ломоносов. Пишет, что профессор Генкель очень опечалился моим отъездом и хлопочет о моем возвращении во Фрейберг... Поздно, герр профессор! Лучше голодать у себя, в России, чем твое похабство переносить и жрать во Фрейберге тухлые сосиски.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов — 33 лет.
Караульный прапорщик.
Караульный солдат — 50 лет.
Сумароков Александр Петрович — бригадир, поэт.
Тредьяковский Василий Кириллович — поэт, переводчик при Академии Наук.
Штелин, Рихман } профессоры.
Штурм — академический садовник.
Ламбус — академический сторож.

Январь 1744 года. Утро. Арестантское помещение при Академии. В окнах — железные решотки. Около стены — стол, заваленный книгами и рукописями; тут же котелок, ломоть черного хлеба, несколько тарелок и стаканов. У стола стоит Ломоносов, около него молодой караульный прапорщик. У двери, с ружьем в руках, вытянулся солдат.

Кар. прапорщик. О том, что вы бриться желаете и просите цирульника, я сообщил по начальству. Что касается несоблюдения вами постов, то оные приказано вам строжайше соблюлать, а также осведомиться от вас: не имеете ли каких-либо просьб до начальства?

Ломоносов. Прошу об изгнании всех воров и мошенников из Академии Наук.

Кар. прапорщик. Других просьб не имеете?

Ломоносов. Не имею.

Солдат. Насчет пищи скудно, ваше благородие.

Кар. прапорщик (*повернувшись в сторону солдата*). Молчать!.. Плетей захотел, олух! (*Уходит*).

Солдат равнодушно ставит ружье к стене и подвигает табуретку, готовясь подшивать валенки.

Солдат. Ладно!.. Плетми нас не удивишь...

Ломоносов. Поди, из дворянчиков?

Солдат. Вестимо из них... Вот, если бы ты, ваше благородие, не из мужиков был, не быть бы тебе колодником.

Ломоносов. Справедливо сказываешь.

Солдат. А что он?.. Мальчонка, сопляк, пороха еще не нюхал... Послужил бы с наше!.. Когда мы, по приказу генерал-фельдмаршала графа Миниха, Бирона арестовали и рот ему кляпом заткнули, чего только нам не сулили, а окромя водки ничего не дали.

Ломоносов. На царской службе давно ль?

Солдат. Из Калуцкой губернии при царе Петре Алексеевиче в солдаты был взят... При Екатерине Первой за побег палками нещадно был бит... На похоронах Петра Второго в карауле стоял... При Анне Иоанновне с Минихом на турку ходил и крепость Хотин брал, а при царе-младенце Иване Антоновиче, царствование коему четыреста четыре дня от бога положено было, со шведами воевал...

Ломоносов. Заслуг перед отечеством, я вижу, у тебя много, а житьишко на старости лет никудышное. Так всю жизнь бобылем и прожил?

Солдат. Ни кола, ни двора не имею. Умру — похоронить некому будет.

Ломоносов. А при воцарении нонешней государыни Елизаветы Петровны, в памятную ночь двадцать пятого ноября, был при деле?

Солдат. В ту ночь я в дворцовом карауле стоял. Что видал, в жисть не забуду!.. Когда Анну Леопольдовну с мужем Антоном с постели подняли и арестовали, Иванушку из колыбели вынули и сдали с рук на руки Лизавете Петровне. Она его, сердешного, в шубу закутала и тут же в свой дворец в санях свезла.

Ломоносов. Жестокую издевку учинила судьба над сим младенцем!

Солдат. Поди, его давно в живых нет.

Ломоносов. Пока в живых числится. Куда только его с родителями не гоняли!.. Теперь на моей родине, в Холмогорах, под семью замками живет. Сказывали мне, что чуть было не умер недавно от какой-то злокачественной хворобы.

Солдат. Этому долго не жить. Все едино изведут...

Ломоносов. Вельможи наши, у коих на маковке пудра, а в душе — тундра, перед злом не остановятся!

Солдат. Одначе и на них управа бывает... Довелось мне видеть, как, по указу Лизаветы Петровны, привезли на казнь графов Остермана, Миниха, Головкина и еще троих с ними.

Ломоносов. Их тогда помиловали.

Солдат. А ты не перебивай, дай досказать... Первым на эшафот Остермана подняли... Щупленький старикашка такой был. Ноги не держат, руки трясутся, аж жалко смотреть... Про-

чел секлетарь приговор, положили его лицом вниз, обнажили шею и голову на плаху приспособили... Один палач за волосы его схватил, а другой из мешка топор вынул и замахнулся, чтобы голову прочь... Тут секлетарь подал рукой знак и прокричал: „Бог и государыня даруют тебе жизнь!"... Всем им тогда помилование вышло...

Ломоносов. Народ, поди, как обрадовался?

Солдат. Куда тут!.. Озлобился невесть как. Чуть бунт не вышел...

Ломоносов. Из-за чего?

Солдат. Народ на казнь собрался посмотреть, а царица возьми да помилуй их... Знамо, народу обидно показалось, что такой диковинки повидать не пришлось.

Ломоносов. О, жестокосердие, времени достойное!

Солдат. Отощал народ, озлобился... И что, боже мой, на свете деется!.. Уму непостижимо.

Ломоносов. А что?

Солдат. Захлестнули всю страну переписью. Служивый, значит, служи всю жисть государству. Податной записывайся за всяким, кто за него платить возьмется. Вольный — ищи себе господина и закрепощайся... Куда мужику деваться?.. Вымаливай, как милости, чтобы какой нибудь худой дворянин взял его в вечное рабство, али беги в башкирские степи...

Ломоносов. Слышно, целыми деревнями бегут.

Солдат. Избенки свои бросают и — айда!.. Находу, что попадется, грабят и жгут... Потому во всем ноне нужда: и в деньгах, и в хлебе, и в соли, и в рабочих руках...

Ломоносов. Удивлению подобно, что народ в соли у нас нуждается. Чего другого, а уж соли в России не занимать стать.

Солдат. Порядку нет, оттого во всем нехватка... Откупщики и целовальники закормили начальство взятками и орудуют хлеще разбойников на большой дороге.

Ломоносов. Доколе горе мыкать будем!..

Солдат. Ты, ваше благородие, оповестил бы приятелей о скудности, а то сдохнем мы с тобой здесь от голодухи.

Ломоносов. Друзей-то у меня не ахти как много, а кои есть, тоже в нужде... Просил Академию войти в мое бедственное положение и выдать мне заработанное жалование... Прислали пять рублей и забыли, что есмь я на свете.

Солдат. А ты еще кого-нибудь к делу приспособь.

Ломоносов. Не иначе, как у Штурма денег занять придется... Больше не у кого... Добеги-ка до академического садовника Штурма и скажи ему, что адъюнкт Академии Наук Ломоносов просит его зайти по делу.

Солдат. Разве эта самая Штурма деньги в рост дает?

Ломоносов. Не без того.

Солдат. И кто только русских дураков не грабит!.. Если прапорщик придет, ты, ваше благородие, скажи ему, что караул, дескать, до ветру ушел. (*Уходит*).

Ломоносов. Попал в колодники!.. Не того ждал, едучи на родину... А чем она меня встретила? Не успел с корабля сойти, как оповещен был, что отец в Белом море утонул... А потом пошли все эти кляузы, интриги и неполадки в Академии... В июне засадили меня в каземат, а теперь уж генварь на исходе... За что терплю?.. У всех ответ на языке готов: за пьяное шумство и продерзостное обращение с господами академиками. А никто не подумает о том, сколь душа моя переболела за науки, кои у нас за дерьмо считают, и сколь много оскорблений и унижений принял я от недоброхотов, во главе Академии стоящих... Все же за эти месяцы я в науках и стихотворстве много порадел. Сто сорок три псалма на русские стихи переложил... Тредьяковскому и Сумарокову в этом деле вряд ли удастся меня осилить... (*Берет тетрадь и пишет, потом вдохновенно декламирует*).

Вам путь известен всех планет.
Скажите: что нас так мятет?
Что зыблет ясной ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый шар
Среди зимы рождал пожар?

Ламбус (*входя*). Бригадир Александр Петрович Сумароков навестить приехал вас. Можно ли?

Ломоносов. Ноне над моей персоной солдат властен... Кого захочет, того и впустит ко мне.

Ламбус. Бригадира выгнать не посмеет.

Ломоносов. Коли так, то проси Александра Петровича пожаловать в мой каземат.

Ламбус уходит. Входит Сумароков.

Сумароков (*обнимая Ломоносова*). Здравствуй, любезный мой Михайло Васильевич!

Ломоносов. Чем я, нижайший, обязан столь лестному для меня посещению?

Сумароков. Дружбой моей к тебе. Вчера только приехал. Сколь много за эти месяцы я в Москве о тебе передумал. Долго ли при таких злоключениях в хворобу впасть. Слышал, что ты зело недомогал.

Ломоносов. Всего отведал: и голод, и огневицу, и безденежье чрезмерное.

Сумароков. Не мало вздорных слухов насчет твоего ареста наклепано. Толком не разберусь до сих пор, из-за каких

провинностей тебя колодником сделали. Должно, порядки в вашей Академии не разбери-бери.

Ломоносов. Свора мошенников полонила Академию и не дает ходу русским ученым.

Сумароков. Шумахер о тебе лестные отзывы давал.

Ломоносов. За его аттестациями всегда змеиное жало проглядывает...

Сумароков. Не слыхать, кто в президенты Академии метит вместо барона Корфа?

Ломоносов. Того не ведаю.

Сумароков. Говорят, что Бирон потому бывшего президента Корфа за границу услал, что покойная Анна Иоанновна к нему любовной страстью воспылала.

Ломоносов. Кто с жиру не бесится? Одно знаю, что за эти годы, как Академия без президента осталась, Шумахер все дела академические в свои руки забрал. Своего зятя Тауберта, в науках скудного, в адъюнкты провел и библиотекарем сделал. Вместе теперь орудуют...

Сумароков. С пользой для дела-то?

Ломоносов. Пока путного ничего не сделали... При Академии гимназия числится. Утверждают, будто и университет есть. А на деле на двенадцать профессоров — двенадцать студентов имеется... Завел Шумахер типографию, гравировальную и рисовальную палаты, насадил в них своих сородичей и казнокрадствует с ними заодно. По его выходит, что Академия существует только для подношения од в торжественные случаи да для устройства иллюминаций. Это Академия-то наук!.. Она ноне вся в кунсткамеру ушла, в коей народу показывают двух собачек, рожденных от девки в 60 лет.

Сумароков. Однако ты сам говорил мне, что Шумахер обошелся с тобой ласково, когда ты из Германии вернулся.

Ломоносов. Нужен я ему в то время был. Хотел опору во мне найти в своей склоке с академиком Делилем и прочими профессорами.

Сумароков. Из-за чего у них вражда возгорелась?

Ломоносов. Знамо, из-за денег... То жалованье не доплатит профессорам, а то вместо денег книгами из типографии расплатится. Когда я из Марбурга приехал, Шумахер отвел мне две каморки в доме, купленном Академией у генерала Бонна, денег пятьдесят рублев на обзаведение выдал, а жалования не положил.

Сумароков. Значит и работы не дал?

Ломоносов. Заставил переводы делать для „Санкт-Петербургских Ведомостей“, каталог минеральной коллекции поручил составить и две оды написать: одну — ко дню рождения Иоанна Антоновича, а другую — на победу русских над шведами при Вильманстранде.

Сумароков. Слышал, что твои оды при дворе зело понравились.

Ломоносов. На то и бил!.. Мне, мужику, не раченьем своим к наукам, а только одами можно себе дорогу проложить.

Сумароков. Знаешь, отколева пирог кусать надо!

Ломоносов. Что поделаешь, коли вся жизнь у нас на столь печальном фундаменте построена.

Сумароков. А я-то как радовался, что твои дела, с воцарением Елизаветы Петровны, на поправку было пошли.

Ломоносов. Что говорить, полегче дышать было стало, а то до этого Шумахер и его подпевалы никак к профессорской должности допустить меня не хотели. Две мои диссертации по химии и физике, представленные на рассмотрение, так и валялись в забросе.

Сумароков. Нарочито дело тянули, чтобы русскому ученому ходу не дать!

Ломоносов. Это я с первых дней приезда сюда понял и потому, когда для русских подул нежный зефир, подал новой царице челобитную с указанием, что за пять лет учения за границей я не только математику, химию, физику, философию и натуральную историю изучил, но этим наукам других учить способен и полезные книги с новыми инвенциями по сим предметам писать могу. В ответ на мою челобитную последовал указ о назначении меня адъюнктом физического класса с жалованием триста шестьдесят рублев в год.

Сумароков. Немцы, поди, после того спесь-то поубавили?

Ломоносов. Притихли малость. Особливо когда начальник академических инструментальных палат Нартов, бывший токарь Петра Великого, сообща с своими единомышленниками, подал в Сенат, а потом самой государыне доносы на Шумахера, обвиняя его в казнокрадстве, гонении на русских и в других „непорядочных по Академии поступках". Шумахера арестовали, на его место назначили Нартова, а для выяснения всех злоупотреблений образовали следственную комиссию из трех лиц: графа Головина, генерала Игнатьева и князя Юсупова.

Сумароков. Ты с Нартовым, значит, заодно был?

Ломоносов. Под его доносами не подписывался, но не скрою, что помогал ему шумахеровские плутни наружу выявлять.

Сумароков. Чай, не за это тебя под арест посадили?

Ломоносов. Не за это, а только завязка-то отселева пошла... Как-то собрались у академического садовника Штурма, который по соседству со мной живет, гости: типографщик Биттнер, наш книгопродавец Прейсер и другие... Напились и давай похваляться, как они от книжного торгу карманы набивают, а деньги несут Штурму, который их в рост дает... Я разговор этих сквернавцев и услышь через стенку, а сам, что греха таить, выпивши был. Явился я к ним на ассамблею, схватил бол-

ван, на котором парики расправляют, и давай их дубасить. Один против семерых бой вел. Здорово намял им бока, ну, и меня не пожалели.

Солдат (*входя*). Штурма обещал вскорости придти.

Сумароков. Это тот самый?

Ломоносов. Да... Что поделаешь? Опять придется у него денег взаймы брать.

Солдат. Как не взять, коли впроголодь живем.

Сумароков. А ты, служивый, принеси-ка из моих санок кулечек с московскими гостинцами для арестанта.

Солдат. Слушаю, ваше благородие. (*Уходит*).

Ломоносов. После истории со Штурмом пошли у меня с академиками скандалы за скандалами. Одного уличу в мошенничестве, другого—в передаче гнусных пашквилей о России за границу, третьего — в научной недобросовестности... Подали на меня тогда академики жалобу в следственную комиссию и постановили впредь до ее решения исключить меня из конференции... Следственная комисия вызвала меня на допрос, а я на такую издевку не явился.

Сумароков. Промашку сделал. Все названные тобой члены комиссии в большом фаворе при дворе.

Ломоносов. Вернись нагрех в это время из Сибири историограф Миллер, ставленник Шумахера, и давай с Таубертом всякие прижимки мне делать. Озлобили меня до последней крайности. А уж если я взбешусь да к тому же выпью, мне удержу нет. В таком виде я раз и явился в зал конференций, шапки, как полагается, не снял, академиков обругал, а профессору Винцгейму поносный знак из трех пальцев показал. Потом прошел в Географический департамент и там, при всем честном народе, обозвал Шумахера и всех его присных ворами, мошенниками и сукиными детьми. Вторую жалобу подали на меня в следственную комисию. Второй раз я в комиссию не явился и заявил, что не считаю себя подчиненным оной.

Сумароков. С таким упорством, как у тебя, Михайло Васильевич, долго ли до беды.

Ломоносов. Верно, на сей раз вышло нескладно. Князь Юсупов и генерал Игнатьев сильно разобиделись и засадили меня под караул, а следственная комиссия постановила: бить меня плетьми и сослать в Сибирь. Приговор послан на конфирмацию государыне. Живу ноне надеждой на милость царицы... Плута Шумахера с месяц тому назад в старой должности восстановили, Нартову приказали опять к своим станкам стать, а я все колодником числюсь...

Сумароков. С Шумахером трудно бороться. Ему Лесток, царицын любимец, протежирует.

Ломоносов. Одно утешение нахожу — в занятиях науками. Продолжаю трудиться над разработкой вопроса о приме-

нении алгебры к физике и химии и написал две диссертации: „О первоначальных физических частичках“ и „О причине тепла и стужи“.

Сумароков. Плохое, брат, утешение в столь утесненном положении.

Ломоносов.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут.
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине...

Сумароков (*перебивая*). Наединé... Наедúне никто не говорит... В другом месте у тебя „быстрò“ сказано. Тоже неправильно.

Ломоносов. Господин бригадир не в полном разуме!.. Быстро или быстрò, однако это не òстро и не острó.

Солдат (*внося кулек*). Еле дотащил!.. Московские гостинцы не чета здешним чухонским. В них вес полный. Разгружать прикажете?

Сумароков. Разгружай поскорей, а то еще поругаемся... Вынь-ка оттуда бутылочку ренского да поднеси колоднику.

Солдат (*разбираясь в кульке*). Батюшки, чего только тут нет!.. И поросенок, и утка жареная... и штоф водки. Ну, теперь сыты будем, а то совсем соскучившись по хорошей пище. Тюрьма!.. Шутка сказать,—приказано мне дверь на запоре держать, а мне жалко их благородие. Все пишет да пишет... Как не пущать к нему добрых гостей...

Сумароков (*смеясь*). Плохо военный артикул усвоил. Разве при бригадире можно все напрямик докладывать.

Солдат. Я давно артикул запамятовал, мне помирать пора!.. В свое время ни турку, ни шведу спуску не давал, а ноне и в починку не гожусь... Да и какой их благородие колодник?.. Хотел мошенникам бока помять, да и того толком не мог сделать. Вот у вас в Москве Ванька-Каин как орудует, а гуляет себе на волюшке, и от градоправителей ему почет и уважение.

Ломоносов (*Сумарокову*). И впрямь—отколе этот Ванька-Каин в Москве появился?

Сумароков. Из крепостных он, беглый. Допреж разбойничал под Москвой и на Волге, а потом в сыскной приказ с повинной явился и обещал всех московских воров и мошенников выдать. По его указке несколько сот человек сразу перехва-

тали; кому ноздри повырывали, кого в Сибирь сослали... Этим он у властей фавор заслужил. А власти, хотя и видят, что он правой рукой грабителей выдает, а левой убийства и разбой чинит, мирволят ему: лучше один знатный грабитель, чем сотни маленьких.

Солдат. Он, говорят, беглых прикрывает, а те Москву жгут, чтобы заодно с ним чужим добром попользоваться. Давно бы ему на осине висеть следовало!

Сумароков. Ноне подъячие и откупщики в силе. Они, изверги, прикрывают Ваньку-Каина ради пользы своей.

Ломоносов. На распутье стоим между востоком и западом, тьмой и светом, рабством и свободой. Не твои, Сумароков, сытые родичи, а мои, сермяжники, в вольностях нуждаются. Нужны великие жертвы, нужны смелые мужи добра и чести, иначе уйдет Россия в Азию и будет проклята людьми!..

Входят профессора Штелин и Рихман.

Солдат. Никого не велено пущать. Время закусить, а они с разговорами лезут!

Штелин. Мы на одну минуту... (*Ломоносову*). Вы, Михайло Васильевич, очень скрытный человек. Женились в Марбурге и от всех это скрыли.

Ломоносов. Про свои личные дела я только самому себе привык доклады делать.

Штелин. Так-то оно так, да только жена два года вас по всему свету ищет и никак найти не может. Обратилась с письмом к русскому посланнику в Гааге, и сие письмо дошло до палат государя наследника Петра Федоровича, коему я, нижайший, науки преподаю.

Сумароков. Ай да Михайло Васильевич, на немке женился!

Рихман. На чистокровной... фрейлейн Цильх.

Штелин. О письме вашей супруги приказано было мне поставить вас в известность.

Ломоносов (*смущенно*). Я никогда не покидал жену и никогда не покину. Только мои обстоятельства мешали мне писать ей и еще менее вызвать ее к себе. Но пусть она приедет, когда хочет, я пошлю ей письмо и сто рублей денег. Займу и пошлю!

Штелин. Передам ваши слова, кому следует. (*Уходит*).

Солдат (*Рихману*). И вам пора уходить! На вас угощенье не припасено.

Ломоносов (*солдату*). Он, как и мы с тобой, редко сытым бывает. Можно сказать, одними научными опытами питается. Садись, Рихман, потолкуем.

Солдат, наливая в стаканы вино, незаметно прикладывается к бутылке.

Солдат. Прикажете подносить?

Сумароков. Давай, давай...

Ломоносов. Спасибо, Александр Петрович, за гостинцы... Твое здоровье, родимый!

Все пьют.

Сумароков. Что нового написал?

Ломоносов (*передавая Сумарокову тетрадь*). „Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния". На, прочти...

Сумароков. Вот спасибо! (*Углубляется в чтение*).

Рихман. Ну, как продвинулась твоя работа по физике?

Ломоносов. Я убежден, что северное сияние, случающееся обычно при погружении верхней атмосферы в нижнюю, тоже происходит от электрической силы.

Рихман. Смелая и интересная гипотеза!

Ломоносов. Кстати сказать, я подал просьбу об учреждении при Академии химической лаборатории. Смеху достойно, что у нас таковую до сих пор не удосужились оборудовать.

Рихман. Ответа не получил?

Ломоносов. Ответили кратко: „За неимением денег отказать". Сволочи!

Рихман. Неучи!.. На иллюминации и другие глупости деньги тратят, а что для развития наук необходимо, на то копейку жалеют. (*Допивая стакан*). Пойду свои опыты над электричеством продолжать. (*Уходит*).

Сумароков (*вскакивает и обнимает Ломоносова*). Восторг, сущий восторг!.. О русский Пиндар, сколь хороши твои вирши! (*Читает*).

Лицо свое скрывает день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас прогнала прочь,
Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна...

Великолепно! За твой талант Ломоносов! (*Чокается с Ломоносовым и пьет*).

Входит Тредьяковский.

Солдат (*сильно подвыпивший*). Здравия желаем, с похмелья умираем. Нет ли гривен шести, душу отвести?

Тредьяковский. У кого вздумал просить! У меня, кроме долгов, ничего нет.

Солдат. В таких случаях не извольте гневаться и поворачивайте оглобли назад... Не велено никого пущать и только!..

Тредьяковский (*похлопывая искательно солдата по плечу*). Пусти, служивый, свои люди — сочтемся.

Солдат. Свои? Меня, может, в деревне родили, а тебя где?

Ломоносов (*смеясь*). Его поп в Астрахани родил, а капуцинские монахи выучили по-латыни лаять.

Сумароков (*Тредьяковскому*). Откуда ты католических монахов нашел в Астрахани?

Тредьяковский. Оные миссионеры с армянами из Персии к нам бежали.

Ломоносов. Знать и впрямь зефир в мою сторону задул, коли Василий Кириллович навестить меня пришел. За все месяцы впервóй вижу его здесь.

Тредьяковский. Истинно задул. От князя Куракина, моего благодетеля, довелось слышать, что всемилостивейшая государыня наша к тебе зело милостива и намерена забыть все твои продерзости и страсти непреодоленные.

Ломоносов. Рвань ты поросячья, ханжа, пороги вельмож обивающий! Тебе ли говорить о страстях непреодоленных!

Тредьяковский. Ума не приложу, за что ты ругаешься?.. Подумай лучше, сколь моя судьбина с твоей сходственна. Ты с севера бежал учиться в Москву, я — с берегов Каспия. Оба в Заиконоспасской школе нужду ради наук терпели. Ты в Германию на счет казны поехал, а я на свои крохи во Францию добрался, причем из Голландии до Парижа, за неимением денег, пешком брел. И ныне не менее тебя для наук тружусь, как пчела трудолюбивая; до грубых слов не охотник и всем угодить хочу.

Сумароков. А прежде всего — себе.

Ломоносов (*Тредьяковскому*). Ты всякого в спину укусить норовишь.

Тредьяковский. Не токмо укусить, отгрызнуться не умею. За то и терплю на белом свете.

Ломоносов Когда Анна Иоанновна оплеухами лично тебя потчивала, ты оное за честь считал.

Тредьяковский. Положим, что и ты, Михайло Васильевич, в каземате сидючи, оное в бесчестье себе не ставишь. Благодари бога, что тебе не пришлось столько претерпеть от насилия властей предержащих, сколько мне. Перед тем как шута князя Голицына женили на придворной калмычке Бужениновой в Ледяном доме, для коего торжества приказано было мне оду написать, каких только жестокостей не претерпел я от распорядителя празднеством, кабинет-министра Волынского! Был бит им и его слугами нещадно палками, содержим под караулом и ругаем самыми поносными словами. А за что?

Сумароков. За то, что врагу Волынского, князю Куракину, помогал втихомолку пашквили о кабинет-министре писать.

Тредьяковский. Господь всевидящий покарал Волынского отсечением главы.

Ломоносов. А Тредьяковского Бирон наградил, выдав ему из конфискованного имущества Волынского, после казни, триста шестьдесят рублев. Барыши-то за тобой остались?

Тредьяковский. Барыши за тем останутся, кому удалось за границей не одну философию и пиитику изучить, а иные полезные науки, кои требуются для развития нашей промышленности, сиречь за тобой, Михайло Васильевич. Ноне от ученых требуют не словесных наук, а непосредственной пользы для отечества.

Ломоносов. Не за твою рабскую угодливость, которую нам всем печальное время привило, ругаю я тебя, а за то, что ты, коему вверена Академией забота о чистке родного языка, гаждаешь его. Надумал разных новых слов: „грековер", „астраканец". Против меня ополчился, что я стих на ямбах строю. Подавай тебе хореи!..

Тредьяковский (*сразу преобразившись*). Стих, на ямбах построенный, все равно, что кваканье лягвы.

Ломоносов. Дурак ты после того! Дальше французской версификации и своего Буало́ ни чорта не видишь.

Тредьяковский. Вижу много немецкой гюнтеровской кровушки в твоей оде „На взятие Хотина".

Ломоносов.

Языка нашего небесна красота
Не будет никогда попра́на от скота!

Тредьяковский.

Когда по-твоему и скот уж я,
То сам ты нетопырь и подлинно свинья.

Ломоносов намеревается ударить Тредьяковского; Сумароков удерживает его руку.

Сумароков. Будет вам ругаться! Налей-ка, служивый, им по стаканчику...

Солдат наливает всем вина и вызывающе-пьяно посматривает на Тредьяковского.

Сумароков. И у французов, и у немцев долго еще будем учиться... Но свой родной язык на их лад не перестроим!.. Его родник светлый по селам и в степях искать будем, а не в дворцах наших офранцузившихся вельмож.

Тредьяковский. Правильно, Алексей Петрович, я из нашей природной поэзии всю усладу жизни черпаю. Дивный дар крепостной девки раскрыл мне силу нового стихосложения. Вижу, вижу теперь, что оно должно быть основано на ударении или на тоне.

Ломоносов. Так бы и писал!

Тредьяковский. Так и пишу:

Внемли, о небо, я реку!
Земля да слышит уст глаголы.
Как дождь, я словом потеку,
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на долы.

Ломоносов. Зачем же ты, верблюд астраханский, не всегда так пишешь?!.. Ну, спасибо, ну, одолжил! Дай, обниму тебя. (*Обнимает Тредьяковского*).

Ламбус (*входя*). Господа Тауберт и Миллер просят господина Тредьяковского пожаловать на совещание.

Ломоносов. Не ходи, плюнь на этих мерзавцев, лучше поговорим о поэзии.

Тредьяковский (*показывая глазами на Ламбуса*). Какие мерзавцы, Михайло Васильевич, — это мои первые покровители!

Ломоносов. Ну, и скот же ты.

Тредьяковский. Без крайности люди до крайности редко доходят. Это, чай, ты по себе знаешь.

Тредьяковский и Ламбус уходят.

Сумароков. Засиделся я у тебя, Михайло Васильевич. Пора и честь знать. Что нового по твоему делу узнаю, незамедлительно сообщу тебе. Ну, до свидания!

Ломоносов. Спасибо, что навестил колодника.

Солдат. Очинно мы довольны вашим благородием за хлеб, за соль. Навещайте нас почаще... а то проситесь на побывку в нашу компанию... У нас здесь весело...

Сумароков (*смеясь*). Еще, чего доброго, и мне тюрьму накаркаешь. (*Уходит*).

Солдат. Разве это тюрьма?.. Поел, выпил, и слава тебе господи... Теперь и соснуть можно... (*Ложится на пол и покрывается шинелью*).

Ломоносов. Вот так начудила моя Лизавета Андреевна!.. Прямо с запросом к посланнику: где, дескать, мой муж обретается? Конфузно вышло. А видит бог, не забыл про нее. Откуда денег было взять? Жалование не платили, али никому ненужными книгами рассчитывались...

Штурм (*входя*). Видеть меня желали?

Ломоносов. Хоша мы и ссорились с тобой, но сие до наших коммерческих дел касательства не имеет.

Штурм. Я всегда готов услужить вам.

Ломоносов. Открою я тебе секрет: женат я на немке...

Штурм. Слышал, слышал от господина Штелина.

Ломоносов. Чтобы выписать жену, нужны деньги, а оных у меня сейчас нет. Не можешь ли одолжить сто рублев?

Штурм. Как в таком деле не помочь? Напишите вексель на сто двадцать пять рублей, сроком на два месяца. На руки получите сто рублей.

Ломоносов. Согласен! Тащи деньги, а я вексель сейчас напишу.

Штурм уходит.

Не обидно ли?.. Мы, русские ученые, впроголодь живем и принуждены у немецких садовников уворованные у русской казны деньги в долг занимать на кабальных условиях!..

Входят караульный прапорщик и Ламбус. Прапорщик толкает ногой солдата, который вскакивает, хватает ружье и вытягивается около двери. Ломоносов встает и вопросительно смотрит на прапорщика.

Кар. прапорщик (*держа в руках бумагу*). Приказано объявить вашему благородию под расписку высочайший приказ от восемнадцатого генваря 1744 года. (*Читает*): „Адъюнкта Ломоносова для его довольного обучения от наказания освободить, и во учиненных им продерзостях у профессоров просить ему прощение. А что он также непристойные поступки учинил в коллегии и конференции, яко в судебных местах, за то дать ему, Ломоносову, жалования в год из нынешнего оклада половинный. Ему же, Ломоносову, объявить, что, ежели он впредь в таковых продерзостях явится, то поступлено с ним будет по указам неотменно".

Немая сцена.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов Михаил Васильевич — 42 лет.

Елизавета Андреевна — его жена, 32 лет.

Елена — его дочь, 5 лет.

Иоганн Цильх — брат жены Ломоносова.

Матвеев — мастер по мозаичному делу, 40 лет.

Крашенинников — исследователь Камчатки, ученый, товарищ Ломоносова по Академии.

Виноградов — товарищ по школе.

Зубарев Иван — человек 38 лет, подозрительного вида.

Студенты.

Действие происходит в августе 1753 года. Химическая лаборатория при Академии Наук. В одной половине большой комнаты очаг с кожухом и трубой, в другой — шкафы и полки с книгами, ретортами, разными инструментами и материалами для опытов; стол для производства записей и опытов. Иоганн Цильх и Матвеев тянут на полу, при входе, мозаичную массу. Ломоносов и несколько студентов сидят у стола.

Ломоносов... Итак, господа студенты, твердо помните, что велико есть дело достигать во глубину всего разумом и вещи и деяния, помраченные вечной ночью, выводить на солнечную ясность. Старайтесь из наблюдений установить теорию, а через теорию исправлять наблюдения... Химия нужна не токмо насущным потребностям нашей страны, но и философскому познанию тайн природы. (*Обращаясь к одному из студентов*). Вот вы скажите, что выявили нам сегодня проделанные здесь опыты?

Студент. Что все изменения, случающиеся в природе, так происходят, что если к одному телу что-нибудь прибавить, то столько же отнимается от другого.

Ломоносов. Правильно. Именно это помогло мне объяснить явления окалины, сиречь обжига, соединением металла с воздухом и тем самым опрокинуть теорию о флогистоне. (*Обращаясь к другому студенту*). Что вы понимаете под словом флогистон?

Студент. Это слово происходит от греческого флогисто́с, что значит сожженный. Ученые полагали, что флогистон, сиречь огненная материя, якобы выделяется из физического тела при горении и обусловливает этот процесс. Но вы, господин профессор, считаете это предположение „пустой басней" и доказали на опытах, что обожженный металл уменьшается массою и увеличивается весом не потому, что привес происходит от материи огня...

Ломоносов. Тогда от чего же?

Студент. От соединения металла с воздухом.

Ломоносов. Чем же это доказывается?

Студент. Деланными вами опытами в заплавленных накрепко стеклянных сосудах. Оными опытами установлено, что мнение химика Бойля ложно, ибо без пропускания воздуха вес сожженного свинца остается в одной мере.

Ломоносов. Почему же славный ученый Роберт Бойль впал в такую жестокую ошибку?

Студент. Потому что Бойль вскрывал свои реторты перед взвешиванием. Металл соединялся с воздухом, от чего увеличивался и вес.

Ломоносов. Прекрасно, молодой человек. Из вас выйдет толк. Продолжайте усердно заниматься химией, которая, хотя и родилась из алхимии, есть не искусство, а наука, рассматривающая свойства и изменения тел. В следующую лекцию я познакомлю вас, господа студенты, с моим „Размышлением о причине тепла и стужи", из которого вы увидите, что, при изучении этого вопроса, я пользовался всеми пособиями точных исследований, иначе говоря, применял определение объема и веса, микроскоп и воздушный насос... Ну, кажись, на сегодня довольно...

Ломоносов встает, студенты кланяются и уходят.

Иоганн Цильх. Уж очень подолгу ты обучаешь студентов

Ломоносов (*подходя к Иоганну и хлопая его по плечу*). Когда ты приехал сюда с Лизхен, думал, поди, что наши студенты ни чорта не знают. А чем они хуже ваших марбургских рыцарей?.. Разве только по кнейпам не шатаются и на поединках носы себе не калечат?.. (*Осматривая мозаичную массу*). С каждым разом все лучше выходит...

Матвеев. В этом деле большой навык надо иметь.

Ломоносов. А в чем он не нужен, навык-то!.. Я, Иоганн, хотя и устроил тебя копиистом при Академии, но теперь придется тебе от этой должности отказаться и работать со мной по мозаичному делу в лаборатории и на фабрике, к постройке которой вскорости приступить думаю.

Иоганн Цильх. А землю под фабрику дадут?

Матвеев (*Иоганну*). Скажи „слава богу", что пообещали. С такими делами наши вельможи не торопятся.

Ломоносов. На сей раз не угадал, Матвеев. Дарма, что ли, я к царице, в бытность ее в Москве, на поклон ездил? Мои недоброхоты из Академии к тому всякие препоны мне чинили: в пашпорте и в прогонных деньгах наотрез отказали. А я, по своей поморской смекалке, пашпортом из Адмиралтейства заручился и прямехонько в Москву махнул... Новый фаворит Иван Иванович Шувалов, к наукам и стихотворству склонность имеющий, помог мне дело привести к доброму окончанию. В марте сего года указ последовал: дать мне для устройства фабрики разноцветных стекол и бисера деревни Усть-Рудичи, Перекули и Липовую в Капорском уезде со всеми принадлежащими им угодьями и 211 душ крестьян. Так-то!.. Из беглого крестьянина помещиком заделался...

Иоганн. Ну?..

Матвеев. Значит, скоро за выделку бисера примемся?

Ломоносов. По всей видимости, что так.

Матвеев. Что ж, дело хорошее. Бисер теперь в большом спросе у наших вельмож и помещиков. Только дорог очень.

Ломоносов. Как ему дорогим не быть, коли везут его к нам из Италии и других заграничных мест. Точно эту пустяковину мы у себя на родине производить не можем.

Матвеев. Как это вы, Михайло Васильевич, до мозаичного дела додумались?

Ломоносов. Как?.. Счастливый случай помог. Был я както в доме графа Воронцова и увидел там образцы мозаики, вывезенные сим просвещенным вельможей из Рима. Запала мне тогда в голову мысль добраться до секрета выделки мозаики. В то самое время я делал опыты над разрывом тел силою воздуха, составлял пробы на содержание золота и серебра в уральских минералах, испытывал индиго и составлял для живописцев берлинскую лазурь. Заодно и мозаичным делом занялся. Больше

двух тысяч опытов проделал, и ноне, как видишь, мы сами выделываем ту самую мозаичную массу, которою один лишь Рим хвастается.

Матвеев. И у нас, в России, встарину мозаику делали, на что в Киеве и других наших городах доказательство есть!

Ломоносов. Встарину мозаичное дело занесено было к нам из Византии. Пышно расцвело оно у нас в одиннадцатом и двенадцатом веках и погибло в хаосе татарских нашествий и междоусобий княжеских.

Входит Крашенинников.

Ломоносов (*обнимая Крашенинникова*). Батюшка ты мой, кого вижу!.. Сколько лет, сколько зим! Слышал, слышал, что ты из Камчатки вертаешься, но полагал, что раньше середины сентября до Петербурга не доберешься... Когда к нам пожаловал?

Иоганн Цильх и Матвеев уходят в соседнюю комнату.

Крашенинников. Недели две как приехал и сразу занемог. Еле отдышался после столь дальней дороги.

Ломоносов. Шутка сказать, без малого десять лет в отлучке был! Вон член вашей камчатской экспедиции Миллер много раньше тебя из Сибири обратно прискакал.

Крашенинников. На то у Миллера и власть и деньги в руках были. А с нашим братом разве считаются... Лошадей ради христа клянчить приходилось...

Ломоносов. Сказывали мне, что ты с Миллером в Сибири не поладил?

Крашенинников. И вспоминать не хочется. Одно скажу, что много я горя претерпел от сего лиходея. До того дело дошло, что заставил он меня батогами немилосердно бить...

Ломоносов. Я бы на твоем месте искалечил до полусмерти такого наглеца. Не велика птица Фридрих Мюллер, а ноне Федор Иванович Миллер!.. Двадцатилетним сопливым студентишкой пожаловал в Россию и проведен был Шумахером, вопреки всем правилам, в адъюнкты исторического и географического класса.

Крашенинников. А мне обещали место профессора по возвращении из Камчатки, но теперь отнекиваются...

Ломоносов. Шумахера на это хватит.

Крашенинников. Просто не везет мне! Ведь когда тебя с Виноградовым из Москвы привезли в Академию, я в тот год свое ученье закончил. А ты вон уже теперь профессор химии, а Виноградов — бергмейстер.

Ломоносов. А сколько трудов, сколько издевок выпало на мою долю, прежде чем в августе сорок пятого года меня профессором химии утвердили с окладом в шестьсот шестьдесят рублей в год.

Крашенинников. Говорили мне, что Тредьяковского одним приказом с тобой профессором элоквенции сделали?

Ломоносов. Да, гордиться с ним можем, что при русской Академии первыми русскими профессорами оказались и добились права на публичных заседаниях свои научные работы на русском языке излагать.

Крашенинников. Как дела-то ноне идут?

Ломоносов. Как было засилье сильных над слабыми, так оно и осталось!... Вон мне один приятель рассказывал, что пришлось ему в дороге остановиться у одной вдовы-помещицы, великой охотницы до щей с бараниной. Как скоро примется она свои щи хлебать, обязательно заметит недосол али пересол; прикажет кухарку в горницу притащить, разложить ее на пол и бить батожьем немилосердно, пока вдова не перестанет кушать. Это так уж введено у ней во всегдашнее обыкновение... Видно, для хорошего апетита.

Крашенинников. Такого глумления над народом я в пути вдоволь насмотрелся.

Ломоносов. А какие бы таланты проявились у нас, если бы над нашим простым народом насилия не было!... Вон крестьянин подгородной Яранской слободы Леонтий Шамшуренков изобрел „самобеглую коляску", коя движется под закрытием с помощью двух человек, а также часы, которые приспособляются к задней оси и могут показывать на кругу стрелою до тысячи верст, причем на каждой версте бьет колокольчик. Сенат подумал-подумал и спрятал все дело под сукно. Так-то...

Крашенинников. Вот и мне неудачи все пути перебивают. Сам болен, жена и дети тоже хворые. Нужда одолевает.

Ломоносов. На Камчатке, поди, лучше жилось?

Крашенинников. Куда лучше!... К тому же молод и здоровьем крепок был. Новые земли любопытны. Чего я только там не насмотрелся. Жемчужные и соболиные промыслы хорошо изучил. Теперь книгу о Камчатке пишу.

Ломоносов. Нужное для страны дело задумал. Ты ко мне заходи почаще вечерком порассказать о Камчатке. Я о нашей обширной стране стараюсь собрать коль можно больше полезных сведений.

Крашенинников (*вынимая из кармана тетрадку и передавая Ломоносову*). Я заранее твое желание предвидел и сделал для тебя некоторые выписки из моей работы.

Ломоносов. Вот за это спасибо! (*Перелистывая тетрадь*). Смотри-ка: и о минеральных богатствах Камчатки пишешь! Угодил, родной мой, угодил. Больно не горюй, и твое дело образуется. Есть два русских профессора при Академии, будешь третьим.

Крашенинников. Что-то не верится.

Ломоносов. Знаний наших не отнять у нас. Такие люди, как ты, нужны Академии, о чем я на конференции обстоятельный доклад сделаю.

Матвеев (*входя*). Если вы, Михайло Васильевич, мозаичное дело на должную точку поставить хотите, надо удобства к тому создать. Работать в лаборатории стало тесновато.

Ломоносов. Знаю, знаю... Сам об этом ежечасно думаю. Чай тебе известно, для чего я на Мойке на подаренной земле десять каменных покоев для рабочих и большую мастерскую строю? Скоро туда переберемся. Задолжался совсем, а дела этого не брошу. В сенат обратился с просьбой отпустить мне четырнадцать тысяч рублев на развитие дела.

Матвеев. Надеетесь получить?

Ломоносов. Обещали, да беда только в том, что мои недоброхоты и тут мне гаждают. Вон в журнале, издаваемом бригадиром Сумароковым, отзываются о мозаике весьма презрительно. Я даже Шувалову написал, что „сочинитель оной статьи Тредьяковский совокупил грубое незнание с подлой злостью, чтобы моему рачению сделать помешательство".

Крашенинников. Ты мозаику для чего применить думаешь?

Ломоносов. Первым делом наметил память о Петре Великом почтить и изобразить Полтавскую баталию. Картина будет в три с половиной сажени в ширину и три сажени в высоту.

Крашенинников. Ой-ой-ой!... Дело не легкое!

Ломоносов. Не художник и не рисовальщик я, а взялся за это сложнейшее ремесло и толку добьюсь... Как полагаешь, Матвеев?

Матвеев. Судя по началу — конец добрый будет. Уж больно хороши радужные тона и серожемчужные переливы на пробных портретах! (*Уходит*).

Крашенинников. Я вижу, дел у тебя не мало.

Ломоносов. Дел, брат, у меня не перечесть! (*Берет книгу записей и читает*). Вот в журнал записано: изобрел способ к изысканию долготы и широты на море при мрачной погоде. Делал опыты машины, которая бы, поднимаясь кверху сама, могла поднять с собой термометр. „Слово об электрических явлениях" написал...

Крашенинников. Слышал, что твоего приятеля профессора Рихмана громом убило.

Ломоносов. Ох, и не вспоминай, родимый, про это горе! Рихман, не в пример прочим академикам, о науках крепко радел, а о своем кармане думал мало. Сильно он нуждался и бедняком умер. Я через Шувалова его семье пенсию выхлопотал...

Крашенинников. Да как это случилось?

Ломоносов. Рихман проверял опыты Франклина с громоотводом и погиб от удара молнии. Я тоже устроил у себя

на дому громовую машину и в эту роковую грозу от смерти на волосок был.

Крашенинников. Ты, поди, не мало позаимствовал у Франклина из его работ об атмосферном электричестве?

Ломоносов. В предположениях моих о причине электрической силы в воздухе я Франклину ничего не должен.

Крашенинников. Почему же Академия замалчивает твои труды и научные открытия?.. Я думал, что с назначением графа Разумовского президентом Академии порядки лучше будут, чем раньше.

Ломоносов. Кирилла Разумовского восемнадцати лет камергером и президентом Академии сделали. Чего доброго можно ожидать от такого юнца? Не попади брат его Алексей в случай, пас бы Кирюшка спокойно овец на Украине.

Крашенинников. Чай, за границей он кое-чему научился?

Ломоносов. Учился он в Берлине, под смотрением нашего адъюнкта, пройдохи Теплова, у профессора Эйлера и слушал лекции в Геттингенском университете. Это не учение было, а пустая трата денег... Да, для сыновей Наталии Разумихи Алексея и Кирилла жизнь в сказку превратилась! Один при царице заместо мужа, а другой из пастушонков прямо в президенты Академии угодил. Теперь Теплов вертит им, как хочет, а он себе дворцы строит и на французского герцога во всем походить хочет. Где уж ему думать о приращении наук!

Крашенинников. Не легко, я вижу, ученым людям в Санкт-Петербурге живется.

Ломоносов. Особливо мне!... Я принужден здесь играть роль не только поэта, оратора, химика и физика, но теперь мне высочайше приказано историю писать и трагедии сочинять. Написал две трагедии — „Демофонт“ и „Тамира и Селим“. А из-за этого у меня одним завистником стало больше. Сумароков полагает, что он один только трагедии может писать, а другим это дело не по плечу. Шувалову на меня жаловался: „Я,— говорит,— не хуже Ломоносова, хотя бисера и не делаю“...

Крашенинников. Язык-то у него не без ядовитости.

Ломоносов. А ведь закадычные приятели были.

Крашенинников. Много ли научных трудов за эти годы написал?

Ломоносов. Перевел труд Гензиуса о комете 1744 года и „Экспериментальную физику“ профессора Вольфа. Исследование „О магнитной теории“ написал и ряд диссертаций: „О светлости металлов“, „О вольном движении воздуха в рудниках“, „О действиях химических растворителей“, „Об образовании металлов от землетрясений“ и „О происхождении гор от подъема земли силою огня“. По минералогии и геологии тоже не мало написал.

Крашенинников. Как тебя на все это хватает?

Ломоносов. И сам не знаю... Не успею кончить одну работу, а в голове уже новые мысли созревают и не дают мне покоя ни днем, ни ночью. Недавно окончил „Теорию упругой силы воздуха", в которой полагаю, что всякое тело состоит из бесконечно малых частиц — „корпускулов", обладающих способностью сцепления. Теперь о происхождении каменного угля пишу.

Крашенинников. В рассуждении оного что полагаешь?

Ломоносов. Не иначе как каменный уголь из торфа, при участии подземного огня, образовался, а нефть, по-моему, — продукт разложения каменного угля, лежащего на значительной глубине. Янтарь же я признаю за смолу, истекавшую некогда из растений.

Крашенинников. Стихотворство, поди, пришлось забросить за недостатком времени?

Ломоносов (*смеясь*). Забрось я стихотворство, давно бы мне в Сибири быть!.. Только одами и спасаюсь. Вон в 1748 году написал оду на день рождения Елизаветы Петровны — мне царица в благодарность за это две тысячи рублев пожаловала, а два года назад наградила меня за оды чином коллежского советника и назначила жалование тысячу двести рублев в год... Кроме од, еще написал „Краткое руководство к красноречию" и „Письмо Шувалову о пользе стекла".

Крашенинников. Читал, читал...

Не право о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов...

Крашенинников. Кто же у нас ноне главный воротила в царстве? Новый фаворит, что ли, Шувалов?

Ломоносов. Не иначе, как он. Этот, брат, всегда с книгой в руках. Я его стихотворству и риторике обучаю.

Крашенинников. Давно ли он в случай попал?

Ломоносов. Поехала царица в 1749 году в Воскресенский монастырь свои именины справлять, а вернулась с богомолья с новым камер-юнкером Шуваловым.

Шумливо входит подвыпивший Виноградов.

Виноградов. Где утолю печали моя?... Где?... Не инако, как в храме сем, у друга юности моея, Михайлы Ломоносова... Ба!.. Дай, протру глаза... Неужто Крашенинников? Здорово, камчадал!.. (*Обнимает Крашенинникова и Ломоносова*).

Ломоносов. Не шуми зря, Дмитрий. Чай, здесь не кабак.

Виноградов. Вся Россия — большой кабак. Все пьяницы!.. Из них первый есмь аз... И ты, Михайло, пьяница, и Крашенинников — пьяница!.. В стране казнокрадов и вельможных дураков ученый человек чем иным, как не вином, обиды свои залить может?..

Ломоносов. Истинно, не море топит человека, а лужа.

Виноградов. Ты, камчадал, только подумай: меня, бергмейстера, в ранге капитан-поручика состоящего, кабинет-министр барон Черкасов на фарфоровой фабрике к плуту-немцу Гунгеру приставил.

Крашенинников. Открыли, что ли, секрет выделки фарфора?

Виноградов. Купили было секрет у китайцев, а те надули. Теперь алхимик Гунгер вызвался секрет открыть... Этот моими руками жар загрести хочет. Недаром я столько потрудился на Мейссенских заводах... Я могу дать такие образцы „порселина", сиречь фарфора, которые не хуже германских будут!.. Только ходу мне не дают.

Ломоносов. Барон Черкасов шпалерную мануфактуру уже к гибели привел.

Виноградов (*перебивая*). И фарфоровый завод погубит! Я сегодня Гунгера по роже бил, ибо он подговорил солдата мои записки о фарфоре выкрасть. В ярости все заготовленные мною образцы фарфора перебил вдребезги... Обещают арестовать... Пришел проститься с тобой, Михайло.

Ломоносов. Непутевое делаешь, Дмитрий, посадят под арест за буйство, как меня, а дело без тебя пропадет.

Виноградов. Гнуть спины перед нашими вельможами не буду. Прыгай уж ты перед Шуваловым и графом Воронцовым на задних лапках... Я не из таковских!

Ломоносов. Я Ивана Ивановича Шувалова уважаю за то, что он о приращении наук печется и разделяет мои мысли об открытии университета в Москве... По сему вопросу изготовил я для него доклад и советую дать университету вольности на манер Лейденского. Особливо, чтобы университет был освобожден от полицейских должностей, и чтобы в него принимали не токмо дворян и духовных, но и лиц, записанных в подушный оклад.

Виноградов. Это ты об основании университета в Москве радеешь, а Шувалову наплевать на это дело! С него и того хватит, что научится у тебя вирши писать для услаждения царицы.

Ломоносов. Неправ ты, Дмитрий, осуждая Шувалова и Воронцова; только эти двое из наших вельмож о пользе государственной пекутся и о науках думают.

Виноградов. Сволочи они все!.. Не тебе бы защищать их, и не мне бы слушать... Вон сейчас повстречал по дороге историографа Миллера... И ругал же он тебя! Совсем с грязью смешал... Это тебя-то, нашего славного ученого.

Ломоносов. Мало ли у меня недоброхотов.

Виноградов. Как ни ругай тебя, а все же ты наш первый русский химик. Допреж тебя кто лекции по химии читал?

Курляндец Бюргер. Чем он прославился?... Тем, что, едучи из гостей, ушибся до смерти. После него кто был?

Ломоносов. Гмелин.

Виноградов. Какой он химик? Он натуралист... Десять лет по Сибири таскался и травы собирал, а кафедра по химии пустовала.

Ломоносов. А уехавши на родину, стал о России разные пашквили писать.

Виноградов. Эх-ма!.. Пойдем, камчадал, выпьем лучше с горя!...

Ломоносов. Идите, идите, а у меня тут кое-какие дела есть. (*Крашенинникову*). Навещай, дружище, почаще меня.

Виноградов и Крашенинников уходят и сталкиваются в дверях с Елизаветой Андреевной, которая ведет за руку дочь. Девочка в одной руке крепко держит конверт.

Виноградов (*кланяется, подражая немцам*). Наше почтенье, фрау Цильх.

Елизавета Андреевна. Фрау Ломоносов,— пора помнить!... Ах, вы уже до обед пьян... Мейн готт!

Виноградов. Не быть бы вам „фрау Ломоносов", если бы я с Михайлом вместе в Марбург возвратился. Какая вы ему жена? По-русски до сих пор не могли выучиться.

Елизавета Андреевна. Мейн готт! Какой невеш... Не люблю русски язык. Ошень грубый и трудный.

Ломоносов (*беря Виноградова за плечи и толкая в дверь*). Иди, иди, Дмитрий, наговорился вдосталь.

Крашенинников (*Ломоносову*). Не забудь, Михайло, замолвить обо мне словечко, где нужно.

Ломоносов. Всенепременно!... Леночка-то у меня какова! Уже пятый годок пошел ей.

Крашенинников и Виноградов уходят.

Елизавета Андреевна (*девочке*). Сделай папочке книксен, давай писмо.

Ломоносов (*берет девочку на руку и целует ее*) Мы с ней без книксенов, а по-русски... Зачем, Леночка, пришла?

Елизавета Андреевна (*девочке*). Ну, скажи, скажи... Писмо принесла, папочку обед кушать вести.

Ломоносов (*недовольно жене*). Я без провожатых привык сызмальства ходить.

Елизавета Андреевна. Нам скюшно, Михель, с Леночкой все дома сидеть. Понимайт вы это или нет?

Ломоносов. Согласитесь, фрау профессорин, что вы не наживете гипохондрии за работой по хозяйству, в заботах о своем угле и Леночке. Ну-ка, дочка, вскрой письмо, посмотрим, кто пишет.

Девочка рвет конверт. Ломоносов читает.

Ба! От профессора Эйлера из Берлина. Ну-ка, давай, прочтем... „Все ваши записки по части физики и химии не только хороши, но превосходны, ибо вы с такой основательностью излагаете любопытнейшие, совершенно неизвестные и необъяснимые для величайших гениев предметы, что я вполне убежден в истинности ваших объяснений. По сему случаю я должен отдать вам справедливость, что вы обладаете счастливейшим гением для открытия феноменов в физике и химии, и желательно, чтобы все прочие академики были в состоянии производить открытия, подобные тем, которые вы совершили". (*Окончив читать*). В Германии ученые люди так полагают, а наши академики — прочат меня из Академии совсем выгнать!.. Ну, фрау профессорин, идемте щи хлебать.

Иоганн Цильх (*входя*). Там какой-то человек хочет тебя видеть.

Ломоносов. Кто?

Иоганн Цильх. В первый раз вижу: пребольшущий, пустобородый, на купца похож.

Ломоносов. Скажи, чтобы зашел, а ты проводи хозяйку с дочкой до дому. Я скоро приду.

Елизавета Андреевна с Леночкой и Иоганн уходят; появляется Зубарев с мешком в руках, чинно крестится на восток двумя перстами.

Ломоносов (*в сторону*). В расколе, а бороду бреет, странно!..

Зубарев. Пришел свое почтенье господину профессору засвидетельствовать.

Ломоносов. Кто будете?

Зубарев. Мы-то? Тобольский посадский Иван Зубарев. Имея желание извлечь для пользы государственной богатства, лежащие в земле, собрал я в Сибири образцы разных руд и привез их испробовать в Академии.

Ломоносов. Сие достохвально и достойно всякого внимания! Пора, пора и нам за ум взяться. Вполне уверен, что, ознакомившись с рудами, подам о них апробацию. Давно этим делом занимаетесь?

Зубарев. Многие годы к оному делу имею тяготение.

Ломоносов. Весьма приятно слышать. Оставьте ваши образцы в лаборатории и пойдемте ко мне обедать, а затем займемся рассмотрением оных.

Зубарев (*кладя мешок на стол*). Зело осчастливлен вашим милостивым вниманием, господин профессор.

Ломоносов. Вы что же, надолго сюда пожаловали?

Зубарев. Коли казна не даст пособия на разработку руд, собираюсь по торговым делам в Холмогоры ехать. Вы, как слышал, оттоль родиной?

Ломоносов. Как же, как же, тамошний. Только давно там не был. Незачем. Отец утонул, сестренку единокровную замуж в чужую деревню выдали, мачеха состарилась, и все отцовское хозяйство пошло прахом.

Зубарев. В надежде пребываю, что не откажетесь дать мне некоторые сведения о вашем крае. Каковы там дороги, каким путем лучше ехать туда, к кому, при нужде, за подмогой обратиться там можно?

Ломоносов. Охотно, охотно!.. Северный край мне хорошо знаком. Вдоль и поперек исколесил его. Прирекомендую вас своим приятелям.

Зубарев. А что, царственный узник Иоанн Антонович в Холмогорах проживает аль в Соловках?

Ломоносов. Пишут мне, что в Холмогорах. Думали сперва в Соловки заточить, да коммуникации по полугоду с берегом там не бывает, так боятся этак-то поодаль его держать.

Зубарев. Плохо, поди, ему там живется?

Ломоносов. Говорят, что его порознь от отца содержат. Анна Леопольдовна народила там детей и, на двадцать осьмом году жизни, от родов помере. Тело ее было тайно в спирте сюда привезено и предано земле в Александро-Невской лавре. Не сладко, конечно, живется узнику за монастырскими стенами.

Зубарев. Значит, строгий надзор за ним установлен?

Ломоносов. Еще бы!

Зубарев. А ведь царь был!.. Когда еще в колыбели был, его именем манифесты подписывали.

Ломоносов. Свет-то ноне самый изменчивый, смертью пахнет!..

Зубарев (*хитро приглядываясь к Ломоносову*). Вот бы выкрасть его. То-то пошел бы сполох!

Ломоносов. Зачем? Какой из него толк может быть? Слышно, он одичал совсем.

Зубарев. И грамоте не учили?

Ломоносов. Рассказывают, что отец Иванушки, Антон-Ульрих, умолил жену надзирающего за ним капитана, и та выучила его несколько грамоте и молитвам... Ну, пойдемте-ка лучше ко мне, да порасскажите мне на досуге о Сибири, как там люди живут, и какие сокровища в недрах сибирских обретаются. Плохо мы свою родину знаем, а потому и народ наш живет в скудости.

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов — 43 лет.
Граф Разумовский Кирилл Григорьевич, председатель Академии Наук и гетман Украины, 26 лет.
Шумахер — советник академической канцелярии, старик.
Тауберт — библиотекарь Академии, зять Шумахера.
Тредьяковский — поэт, академик.
Миллер, Винцгейм, Штрубе, Фишер, Браун, Крашенинников } академики
Ламбус — академический сторож

Санкт-Петербург. 1754 год. Зал конференций в Академии Наук. Большой стол, покрытый красным сукном. На стене огромные портреты Петра I и Елизаветы Петровны. День склоняется к вечеру.

У стола сидят Миллер и Тауберт.

Миллер. Надо изъять от Ломоносова Географический департамент и управление оным передать мне. Исколесив всю страну, я лучше поставлю дело изучения России, чем Ломоносов, который берется за все дела и ни в одном не преуспевает.

Тауберт. Шумахер и я того же мнения.

Миллер. Чего же вы медлите и не натолкнете на эту мысль президента Академии графа Разумовского, который зело не благоволит к Ломоносову?

Тауберт. Политес не позволяет! Иван Иванович Шувалов держит руку Ломоносова, который, с пожалованием ему чина коллежского советника и жалования тысячу двести рублев в год, стал более дерзок и нахален, чем раньше.

Миллер (*не замечая входящего на цыпочках Тредьяковского*). Мы сами повинны в том, что не умеем осадить Ломоносова.

Тредьяковский. Сущую правду изволили сказать, Федор Иванович! Холмогорского мужика давно надо к рукам прибрать. При ваших связях это можно.

Миллер. Полагаете, Василий Кириллович?

Тредьяковский. Верую, господи, помоги моему неверию.

Миллер. Кому только не досадил Ломоносов!

Тредьяковский. Истинно так! Не он ли, сей самоназвавшийся историк, усмотрел в вашей диссертации „О происхождении и имени Российского народа“ разного рода сумнительства

и настоял сдать оную в архив, как построенную „на зыблющих основаниях".

Миллер. Он даже мне в вину поставил, что я сделал выписку из Польской хроники Иоанна Дугласа о том, что „великий князь московский выходил пеш навстречу послам татарских ханов, когда они на лошадях сидели, подавая им с уничижением стакан кобыльего молока, и лизал с гривы капли, которые на нее падали".

Тредьяковский. Нагая истина ненависть рождает, а гибкая приобретает благодетелей и друзей.

Миллер. Историю писать — не оды сочинять!.. Тут каждый исторический документ имеет важность, хотя бы и написанный с пристрастием.

Входят Винцгейм, Штрубе, Фишер и Браун.

Миллер (*Винцгейму*). Господин Шумахер скоро придет?

Винцгейм. Он беседует в библиотеке с Тепловым.

Тауберт. Посмотрим, как поведет себя сегодня Ломоносов при обсуждении нового устава Академии?

Тредьяковский. Имею сведение окольным путем, что Ломоносов весьма недоволен, что прожект устава было препоручено написать не ему, а господам Шумахеру и Теплову.

Тауберт. Так пожелал граф Разумовский.

Тредьяковский. Коего Ломоносов к разряду своих недоброхотов относит.

Винцгейм. Этот мужик в каждом человеке своего недоброхота видит.

Браун. Отличительная черта людей подлого званья.

Фишер. О, несомненно!

Тредьяковский. Александр Петрович Сумароков хорошо про Ломоносова написал:

Мужик не позабудет,
Что кушал толокно,
Хотя посажен будет
За красное сукно.

Миллер. Ха-ха-ха!.. Очень остроумно, очень остроумно!

Шумахер (*входя и обводя всех сонными глазами*). Кажется, все в сборе, кроме Ломоносова, Крашенинникова и Штелина. Господин Теплов передал мне сейчас, что президент Академии граф Разумовский пожелал присутствовать на нашем сегодняшнем совещании, чтобы сказать господам академикам несколько слов перед обсуждением прожекта устава Академии. (*Отводя в сторону Миллера*). Постарайтесь, мой друг, обличить Ломоносова при графе в том, что он подкапывается под власть президента Академии.

Миллер. Думаю, что вам, как советнику канцелярии, легче это сделать.

Шумахер. Граф должен видеть мое полное беспристрастие... Он почти согласен на передачу вам Географического департамента. Еще маленький нажим, и дело будет выиграно.

Миллер. Я могу рассчитывать на это?

Шумахер. Да, если...

Миллер. Понятно, понятно!

Входят Ломоносов, Штелин и Крашенинников.

Ломоносов (*холодно здороваясь с академиками*). Наконец-то сегодня господин советник канцелярии сделал нам плезир, пообещав поставить на обсуждение прожект нового устава, выработанный им келейно с господином Тепловым, при участии господ Тауберта и Миллера.

Шумахер. Ваше благородие слишком давно и слишком беспокоитесь об оном прожекте. Одначе, торопливость не всегда бывает полезна.

Ломоносов. Сие вполне понятно, ибо мысль о необходимости пересмотра устава Академии принадлежит мне. Зело опасаюсь, что паки найдутся препоны для осуществления сего необходимого дела.

Тауберт. Препоны чинятся теми, кто подкапывается под власть президента Академии и советника академической канцелярии.

Ломоносов. Порицать их действия, не значит подкапываться под их власть. Не сумлеваюсь, одначе, что президент Академии и гетман Украины граф Разумовский предпочитает заботу о своем дворе в Глухове, с французской комедией и французскими поварами, преуспеянию Академии Наук.

Миллер. Из всех, присутствующих здесь, только один господин Ломоносов придерживается такого мнения. Не так ли, господа?

Винцгейм. Конечно!

Штрубе. О, да!

Браун. О, несомненно!

Ломоносов. Я не боюсь быть в одиночестве, когда защищаю великое дело, заложенное Петром Первым на благо отечества.

Ламбус (*входя*). Его сиятельство граф Разумовский!

Шумахер, Тауберт и Миллер бросаются навстречу президенту, который входит в сопровождении Теплова.

Граф Разумовский (*снисходительно кивая головой на низкие поклоны академиков*). Еще не приступили к обсуждению прожекта нового устава?

Шумахер. Ожидали прибытия вашего высокографского сиятельства.

Граф Разумовский. Я еду на званый обед к графу Воронцову... Так по дороге решил заехать в Академию, чтобы передать вам, господа, что всемилостивейшая государыня поручила мне сказать вам, что ее величество надеется, что вы проявите особливое радение при обсуждении прожекта нового устава.

Ломоносов. Приложим к тому все наши усилия.

Граф Разумовский. Ладно! Приступим к делу, господа академики (*все садятся*). Я, впрочем, должен сейчас уехать. (*Теплову*). С чего, бишь, надо начать?

Теплов (*шепчет что-то на ухо президенту*)... Остальные вопросы могут быть рассмотрены в отсутствии вашего сиятельства.

Граф Разумовский (*зевая*). Да, да... Тредьяковский, что ли, будет вести протокол совещания?

Тредьяковский (*придвигая к себе бумагу*). Отменно счастлив запечатлеть на бумаге мудрые слова вашего сиятельства.

Граф Разумовский. Поусердствуй, пиит! Так, бишь, о чем? (*Теплов шепчет ему на ухо*). Да, да... Всемилостивейшая наша государыня императрица повелела, как вам известно, пересмотреть старый регламент Академии Наук и составить прожект нового устава. Господин Шумахер с господином Тепловым сей прожект составили...

Ломоносов. Келейно!

Граф Разумовский. Ладно. Келейно, так келейно. (*Нагибается к Теплову, который шепчет ему на ухо*). Да, да... Надеюсь, что образованная по моему приказу комиссия из присутствующих здесь лиц обсудит с радением прожект нового устава, ну, и, конечно, оправдает мое доверие!.. (*Ломоносову*). Ты, кажись, больше всех добивался нового устава?

Ломоносов. Я потому добивался нового устава, что наша Академия извне представляет одни развалины, а внутри — нет ничего, что бы Академией могло казаться, по примеру иностранных.

Теплов. Сие давно всеми признано.

Ломоносов. Я должен заявить в самом начале, что если мне придется говорить о президентской власти, то я буду всегда разуметь президентов вообще, а не лично ваше сиятельство.

Граф Разумовский. Ладно! (*Теплов что-то шепчет ему на ухо*). Вот оно что!..

Миллер. Слова, сказанные Ломоносовым о президенте, перед приходом вашего сиятельства, заставляют меня сомневаться в его искренности.

Граф Разумовский (*Ломоносову*). Ты, конечно, говорил о моих предшественниках?

Ломоносов. Нет, лично о вас, восхваляя великолепие вашего дворца в Глухове и убожество Академии Наук.

Миллер (*в сторону*). Вывернулся!

Граф Разумовский. Сие мне весьма лестно... Я горжусь тем, что успел в столь короткое время создать второй Версаль!.. Какой у меня театр!.. Какие актерки!..

Тредьяковский. Венеры, ваше сиятельство! Настоящие Венеры!..

Граф Разумовский. Ты разве их видел?

Тредьяковский. Имел великое счастие лицезреть сих богинь, взятый к вам на бал князем Куракиным, моим благодетелем, для поднесения стихотворения, которое я, нижайший, сочинил в вашу честь.

Граф Разумовский. Помню, помню... Так, бишь, о чем будем говорить? Да, да... о президентской власти, что ли? (*Зевая*). Ну, и скучища здесь!

Шумахер. Власть президента Академии превыше всех наших обсуждений.

Граф Разумовский (*зевая*). Конечно, превыше.

Теплов. То, с чего начал господин Ломоносов, есть подкапывание под власть президента Академии.

Граф Разумовский (*встрепенувшись*). Что?! Кто смеет подкапываться под мою власть?.. Ломоносов!.. Да я сгною его в Сибири или запорю батогами!..

Ломоносов. Ваше сиятельство распалились не в меру, ибо не выслушали меня до конца.

Граф Разумовский. Ну, кончай!

Ломоносов. Мое стремление снять с президента бремя, которое выше сил одного человека, каков бы он ни был, а особливо, что президент не царь, да и цари имеют своих сенаторов и министров, от которых они советы принимают.

Граф Разумовский. От добрых советов я не отказываюсь, но посягательства на свою власть не допущу! Твердо запомни это, Ломоносов!.. Слышишь, не допущу!.. Приказываю тебе, Теплов, о всех обсуждениях, имеющих здесь быть, доводить безотлагательно до моего сведения. (*Вставая*). А мне недосуг с вами тут болтать.. Пора на обед ехать. Работайте с богом на благо отечества! (*Уходит*).

Все, кроме Ломоносова, провожают его и опять садятся за стол.

Шумахер. Прежде чем обсуждать новый устав, я должен сказать, что всякие сумнительства о келейном составлении оного могли родиться лишь на языке хулителя всего доброго.

Ломоносов. Не мнит ли господин Шумахер под добром те права, которые он незаконно отвоевал себе, чтобы единолично ведать делами Академии, коя сделалась как бы его вотчиной?

Шумахер. О правах советника Академии в новом уставе подробно изложено. Они вытекают из приказов свыше и не подлежат обсуждению.

Ломоносов. Это еще бабушка надвое сказала!

Шумахер. Потрудитесь, ваше благородие, выражаться осторожнее,

Теплов. Итак, вопрос о власти президента снимается с обсуждения.

Ломоносов. Паче всего следует разобраться именно в этом вопросе.

Теплов. В нем разберутся власть имущие.

Штелин. Кто именно?

Теплов. Государыня императрица и Сенат.

Крашенинников. Полагаю, что нам следует представить свои соображения по сему вопросу.

Теплов. Президенту Академии сие не угодно. Мы должны быть приятными его сиятельству, столь пекущемуся об Академии.

Ломоносов. Радение господина Теплова всегда пещись о спокойствии президента, а не о приращении наук российских, есть не что иное, как раболепство, качество особливо свойственное плутам и подъячим.

Тауберт. Какая дерзость!

Винцгейм. Какая наглость!

Браун. Возмутительно!

Шумахер. Извольте взять свои слова обратно, господин Ломоносов!

Ломоносов. Оные и к вам относятся. Положите их в свой карман.

Шумахер. Я прошу вас покинуть заседание!

Ломоносов. Эту приятность я не доставлю вам, ибо намерен изобличать сегодня господина советника канцелярии в недостойных поступках.

Теплов. Дерзость профессора Ломоносова переходит всякие границы! Я покидаю заседание. (*Встает и отходит к окну*).

Шумахер. Я принужден поступить так же!

Шумахер отходит к Теплову и о чем-то шепчется с ним. Миллер шепчется с Тредьяковским и Брауном.

Ломоносов (*Крашенинникову*). У нас на конференциях всегда с этого начинается и редко не так кончается.

Миллер (*подходя к Теплову и Шумахеру, тихо*). Ломоносов достаточно накалился. В такие минуты его скорее в силки загнать можно. Продолжим совещание.

Теплов (*подумав*). Вы правы.

Миллер. Я постараюсь уладить инцидент.

Шумахер. Попробуйте.

Миллер. Господа академики! Нам не привыкать к дерзостям господина Ломоносова. Я просил господ Шумахера и Теплова свои личные обиды не делать помехой обсуждению устава. Эти благородные люди согласились не покидать собрания.

Тауберт. Какое великодушие!

Ломоносов. Если сие искренно, то похвально!

Все занимают свои места.

Миллер. Считаю нужным внести на обсуждение следующее предложение: иностранные ученые, выписанные Академией в Россию, должны иметь все преимущества перед русскими учеными.

Ломоносов (*дерзко*). На каком основании?

Тауберт. На том, что их знания не сравнять со знаниями молодых русских ученых.

Ломоносов. Так, так...

Шумахер. И потому, что они покинули родину во имя блага русской науки, позабыв свои личные интересы.

Ломоносов. А не потому ли, что иностранцы привыкли служить тем, кто больше дает им денег?

Тредьяковский. О каких преимуществах для иностранных ученых изволит говорить господин Миллер?

Миллер. Конечно, о большем жаловании для них и большей заботливости о них в смысле квартирных и иных удобств.

Винцгейм. О, конечно, конечно!

Крашенинников. Между русскими и иностранными учеными не должно делать никакой разницы.

Тредьяковский. Особливо в смысле жалования.

Тауберт. Тогда к нам никто не поедет!

Браун. Несомненно!

Фишер. Конечно!

Ломоносов. Не диво, что господа Шумахер, Тауберт и Миллер так мыслят...

Тауберт. Да, я держусь этого мнения.

Ломоносов. Господин Тауберт — господина Шумахера дел и чуть ли не Академии наследник — не прочь всех россиян из российской Академии выгнать. Дивлюсь, что и студентов из-за моря не велено выписывать.

Шумахер. Прошу не делать грубых намеков!

Тауберт. Позор, позор для Академии!

Ломоносов. Истинно позор делать такое предложение, кое нам преподнес сейчас господин Миллер!

Теплов (*Тредьяковскому*). Прошу вас все точно записывать в протоколе.

Тредьяковский. Точность изложения — моя слава.

Шумахер. Перейдем к следующему вопросу.

Ломоносов. Это — не обсуждение нового устава, а нарочитое издевательство!

Теплов. Берлинский профессор Эйлер уверяет, что господин Ломоносов так всех перешел в науках, что ему надо бы родиться через двести лет.

Ломоносов. Возлагаю, сударь мой, упование, что через двести лет в России не будет среди ученых подъячих и плутов.

Крашенинников. Сделанное господином Миллером предложение предлагаю единогласно отклонить.

Шумахер (*Крашенинникову*). Прошу пустыми разговорами не затягивать совещание.

Ломоносов. В таком случае нам лучше разойтись по домам. Я слишком отягощен работами и брехать здесь попусту не намерен.

Миллер. Чем же вы так отягощены?

Ломоносов. Новую теорию о цветах сочиняю и пишу о ходе Северным океаном в Индию.

Миллер. Уж не думаете ли достигнуть полюса?

Ломоносов. Именно!

Миллер. Но это невозможно по причине твердо стоящих льдов.

Ломоносов. Твердо стоящие льды есть упрямка академического собрания. На деле же имеется открытое полярное море. Я давно бы доказал это, когда б не оставил за недосугом сие дело, как и многое другое.

Теплов. То-есть в науках своих более трудиться не можете?

Ломоносов. Не могу за тем, что высочайше повелено мне написать „Российскую историю“ моим штилем.

Миллер. Я бы на вашем месте уступил писать „Историю“ тем, кто к сему делу более подготовлен, чем вы.

Ломоносов. Не почитаете ли себя, сударь мой, знатоком русской истории потому, что додумались, что наши прадеды от славных дел назывались славянами?

Шумахер. Перейдем к другим вопросам.

Ломоносов. Не разрешив ни одного!

Миллер. Я уже не раз предлагал нашему собранию принять решение, чтобы в академической гимназии ученики благородного происхождения были отделены от учеников „подлого звания“ и обучались отдельно от них.

Теплов. Об этом надо сугубо подумать.

Шумахер. Ясно, что рожденные в избах могут иметь вредное влияние на благородных юношей.

Ломоносов. Предложение господина Миллера возмутительно и подло!.. В избах родятся те же люди, что и во дворцах, только телом они покрепче и умом посветлее.

Миллер. Мы этого пока не видели и вряд ли когда увидим.

Ломоносов. Где родился господин Миллер — мне неизвестно, но думаю, что, если бы он родился в избе, в нем было бы меньше подлости.

Тауберт. Доколе мы будем терпеть продерзости господина Ломоносова?

Миллер. Пока он будет сидеть с нами на конференциях.

Ломоносов (*вставая*). Считаю для себя унизительным сидеть за одним столом с перевертниками, брехателями и пенкоснимателями!.. (*Ударяет кулаком по столу*). Разве это собрание ученых, чорт побери! Это скоп подлости и мерзости!

Уходит в сильном раздражении. Все некоторое время молчат, недоуменно посматривая друг на друга.

Теплов. Потрудитесь, господин Тредьяковский, записать в протоколе, что господин Ломоносов в своей науке более не может.

Тредьяковский. А для чего, сударь мой, это писать?

Миллер. Потому, что это были подлинные слова Ломоносова.

Шумахер. Я предлагаю собранию просить президента Академии, ввиду сделанного Ломоносовым заявления, изъять от него кафедру химии и лабораторию, назначив на его место доктора Ульриха Сальхова. А Географический департамент передать под команду господина Миллера.

Тредьяковский (*ко всем*). Так и писать?

Винцгейм. Конечно!

Штрубе. О, да!

Фишер. О, да!

Тауберт. Граф Разумовский одобрит это решение.

Крашенинников. Я против подобного предложения.

Штелин. Я присоединяюсь к мнению господина Крашенинникова.

Шумахер. Двое против всех. Решение можно считать почти единогласным.

Тредьяковский. Значит, единогласно?

Шумахер. Так и запиши, Василий Кириллович.

Крашенинников. Не забывайте, что Ломоносовы нужны России!

Тауберт. Разве нам десять Ломоносовых надобно! И один нам в тягость.

Шумахер. Сугубо сожалею, что в свое время не принял мер к недопущению холмогорского мужика в Академию!

Тредьяковский. Ошибка поправимая, коли его сиятельство граф Разумовский всерьез возьмется за это дело.

Миллер (*в сторону*). Только бы опять не подгадил Шувалов!

Шумахер. Теперь зачитаем по пунктам прожект нового устава. Без Ломоносова дело пойдет гладко, и оный прожект, конечно, будет одобрен вами, господа, единогласно.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ломоносов — 50 лет.

Елизавета Андреевна — его жена, 41 года.

Елена — их дочь, 12 лет.

Головина Мария Васильевна — сестра Ломоносова, 25 лет.

Головин, Евсей Федорович — ее муж, житель села Матигор, Холмогорского уезда, государственный крестьянин.

Шувалов Иван Иванович — фаворит Елизаветы Петровны, камергер, 34 лет.

Сумароков, Александр Петрович — 43 лет.

Штелин — профессор аллегории.

Гости из Архангельска.

Действие происходит в Петербурге в конце мая 1761 года. Утро. Просторное крыльцо, заслоненное березами, вроде балкона, небольшого каменного дома; вдали поросший травой берег Мойки. За большим дубовым столом пьют чай: Елизавета Андреевна в белом фартуке, чепце, с засученными рукавами; Елена, Головин, и его жена.

Елена. Папочка всегда сам прививает и подстригает деревья.

Головин. А работает в беседке?

Елена. И в беседке, и у себя в кабинете.

Елизавета Андреевна (*протягивая Головину стакан чая*). Битте, битте... Пожайста... Герр профессор день и ночь все пишет... И так неделю, много недель. Бородом обрастает, не умывается, кушать забывает... Энтузиаст, фантаст!.. О, du, mein Gott! ist das ein Mensch!

Елена. Мы двадцать шестого мая с папочкой всю ночь до утра планету Венеру наблюдали.

Головина. В трубу?

Елена. У папочки телескоп есть.

Елизавета Андреевна. Всякий дурашный инструмент у герр профессор есть, а у меня всего одно шолковое платье.

У фрау Тауберт — пять, она в своей карете гулять ходит. А мы с Леношкой все пешком... Больше все дома сидим.

Елена. Папочка говорит, что лучше сидеть дома за умной книжкой, в дализне от плохих людей, чем иметь обхождение с брехателями и сплетниками.

Елизавета Андреевна. Молчи, дурной девшонка!.. Слюшай, что говорят старший, не пихай свой нос в разговор.

Головин. Совсем у вас, в Санкт-Петербурге, жизнь инако складывается, чем в Холмогорах. И быдто у нас на Двине сытнее живут...

Головина. Ни трески, ни шанежек не пробовала здесь.

Елизавета Андреевна. Я не любит треску! Он воняет... Сдобный булка, кофе,— вот вкусно!

Головин. Пятый день, как сюда приехали, а делов никаких еще не сделали. Куда ни придешь, всем некогда. Чиновников больно много в Петербурге, и все норовят в твой карман залезть.

Елена. Расскажите, дяденька, еще про Иоанна Антоновича.

Головин. Я тебе, Леночка, о нем, кажись, все рассказал. Чай, это не сказка, а горестная быль.

Елена. Конца, дяденька, не досказали.

Головин. Конец короткий был: приехал в Холмогоры сержант лейб-кампании Санин... усадил Иоанна Антоновича в наглухо закрытую колымагу и увез, как сказывали, в Шлюсельбург.

В это время на крыльцо поднимается Ломоносов в китайском халате, без парика, с садовыми ножницами в руках,

Ломоносов (*садится, вытирая пот на лбу рукавом халата*). А знаешь, Евсей, я по делу Иванушки чуть в розыск не угодил...

Головин. Ну?

Головина (*крестится*). Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его!

Ломоносов. Пришел раз ко мне в лабораторию тобольский посадский Иван Зубарев с образцами руд сибирских для исследования и все о Холмогорах, да об Иванушке расспрашивал. За какую-то провинность он в сыскной приказ попал. Оказалось, что руды-то у него были фальшивые, не из Сибири... Из сыскного Зубареву удалось убежать. Через год изловили его на границе в раскольничьих слободах, и увещевали с пристрастием в тайной канцелярии.

Головина. Ах, страсти какие!

Ломоносов. Он там во всем покаялся и рассказал, что привелось ему быть в Пруссии по торговым делам, и что король прусский Фридрих, сделав его полковником своего регимента, дал ему тысячу червонцев и поручил поднять расколь-

ников против царицы. Обещал Фридрих им за это выхлопотать у константинопольского патриарха особого епископа.

Головин. Скажи на милость!

Ломоносов. Что говорил Зубарев в тайной канцелярии — не ведаю, но быть бы и мне там, если бы мой покровитель Шувалов не замолвил за меня слово... Горемычного Иванушку немедля из Холмогор в Шлюссельбургскую крепость отвезли.

Головин. Вот оно что! А мы все гадали, зачем его с отцом разлучили? Ну, а в Академии у вас как дела?

Ломоносов. И не говори!.. Благодаря интригам моих недоброхотов, у меня кафедру химии отняли, из лаборатории выгнали, а Географический департамент профессору Миллеру передали.

Головин. Ну, и дела!

Ломоносов. Одначе, оказалось, что без Ломоносова Академии никак обойтись не возможно. Как ни супротивничал граф Разумовский, а пришлось ему, уезжая в Малороссию, издать приказ, чтобы я и Тауберт, ввиду дряхлости Шумахера, ведали все дела купно с ним... Тауберт, конечно, сейчас же стал свой карман набивать, а я его казнокрадство стал наружу выводить... Тут опять пошли у нас скандалы за скандалами...

Елизавета Андреевна. Не корошо со всеми браниться!

Ломоносов. Ладно. Брань-то иногда на пользу служит. Я так себя поставил, чтобы до гроба с неприятелями наук российских бороться. Стоял на этом смолоду, встарости не покину.

Головина. Ах, братец, сколько у вас хлопот неописуемых!

Ломоносов. Да, сестрица любезная, хлопот у меня выше головы. Ноне добиваюсь преобразования Академии. Требую одинаковых прав для дворян и разночинцев и улучшения положения учащихся и учащих. Сколько раз пришлось по этому делу во дворец ездить, да все без толку. Намедни царица мне сказала: „Чего ты спешишь? У меня вон иностранные трактаты лежат не подписанными по году, а французскому королю два года никак не соберусь на письмо ответить... До того ль мне?..“ С тем и отпустила. Так я опечалился, что, возвращаясь домой, даже вирши написал. Ну-ка, Леночка, прочти тетеньке „Кузнечика“. Чай — не забыла?

Елена. Мне, папочка, стыдно.

Ломоносов. Дурного стыдись, а не стихи читать.

Елизавета Андреевна (*Елене*). Bitte! Bitte!

Елена.

Кузнечик дорогой, сколь много ты блажен,
Коль много пред людьми ты щастьем одарен.
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед ними царь.

Ты ангел во плоти, иль лутче — ты бесплотен,
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь — все твое; везде в своем дому;
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Ломоносов. Молодец ты у меня, Леночка! Пойди, я тебя поцелую. (*Целует дочь*). Если бы ты, сестрица, видела, как она со мною планету Венеру наблюдала...

Елена. Что ты, папочка, о Венере в эти дни написал?.. Стихи?

Ломоносов (*улыбаясь*). Венера — не кузнечик... Рассчитал, что прохождение Венеры через диск солнца повторится лишь в 2004 году.

Головина. Разве, братец, о звездах богом разрешено толковать?

Ломоносов. На меня члены Синода не раз царице жаловались, что я толкую о небесных светилах, и грозили за то жесточайшими наказаниями. Особливо, когда я громоотводами занялся.

Головин. По писанию, кажись, это грешно?

Ломоносов. А того попы не понимают, что если громоотвод приспособлять грешно, тогда и дома не надо строить для укрытия от стужи.

Головин. В толк не возьму, что пользы нам от изучения звезд?

Ломоносов. Человеку ум на то дан, чтобы все знать. Вон английский астроном Галлей еще в 1691 году показал, что можно из прохождения планеты через диск солнца определить расстояние между солнцем и землей.

Головин. Да на что нам версты до солнца измерять, коли мы туда ехать не собираемся?

Ломоносов. Вот когда твой сынишка, а мой крестник Мишутка подрастет и в наш университет поступит, он тебе растолкует, зачем человеку не токмо землю, но и небо изучать должно.

Головина. Уж и не верится мне, чтоб наш Мишутка по вашей дороге, братец, пошел. Вся надёжа на вас!

Ломоносов. Жив буду, крестника в люди выведу.

Головин. Спасибо тебе, Михайло Васильевич, на добром слове! (*Смеясь*). Пожалуй, тоже звезды будет изучать.

Ломоносов. Это не всегда легко дается. Вон наши академики настаивали, чтобы Венеру позволено было наблюдать одному только академику Эпинусу. Я дело до Сената довел, и по указу последнего наблюдение за Венерой в академической обсерватории было поручено русским астрономам Красильникову и Курганову. А я дома наблюдал и пришел к выводу, что Венера окружена большой газообразной атмосферой, может, больше той, которая окружает землю.

Головина. Как бы вам, братец, глаза за таким делом не попортить!

Ломоносов. Ну-ка, Леночка, скажи: кто доказал, что земля вокруг солнца движется?

Елена. Коперник.

Ломоносов. А как один повар доказывал эту истину?

Елена.

Я правду докажу, на солнце не бывав:
Кто видел простака из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?

Ломоносов. Дочка-то, сестрица, какая у меня памятливая! Почитай, все мои стихи наизусть помнит.

Головина. Привезли бы Леночку погостить к нам в Холмогоры. Уж сколько лет, братец, вы на родине не были.

Ломоносов. Зело хотелось бы мне побывать там, посмотреть на отчий дом и посидеть на погосте около могилы матери. Давно бы побывал в Денисовке, если бы не дела, коими, как вервием, связан по рукам и по ногам,

Елизавета Андреевна. Мы летом к себе на мызу бываем... Как там скюшно!

Ломоносов. Зато все свое—живность, яйца, молоко, хлеб... Там покупать ничего не надо, а в городе все стало ноне дорого.

Головин. Значит, совсем помещиком заделался?

Ломоносов. Из беглых-то мужиков? А?

Головина. Покойный наш батюшка всегда говорил: „Из Михайлы толк выйдет, если допреж этого не скувырнется".

Ломоносов. Умный был мужик, деловитый... Таких в нашей округе мало было.

Головин. С домом-то отцовским как прикажешь поступить?

Ломоносов. Пусть им владеет безраздельно моя любезная сестрица, а я, если здоровье позволит, соберусь к вам как-нибудь с Леночкой. Надо ей родные места показать...

Елизавета Андреевна. А я с кем останусь?

Ломоносов. При хозяйстве останешься... Да и не по сердцу придется тебе наш хмурый север. Тебе бы на марбургский замок теперь полюбоваться, повздыхать на луну за чашкой кофе.

Елизавета Андреевна. О, мой золотой родина!..

Елена. Все вместе поедем в Холмогоры... Тетенька говорит, что там шанежки больно вкусные.

Ломоносов. И вправду, сестрица, напекла бы ты нам шанежек. Давно я их не ел.

Головина (*вставая*). Пойдем, Леночка, на кухню. Такие шанежки научу тебя делать, что столичным булкам не уступят!

Головина и Леночка уходят.

Ломоносов (*Головину*). Ну, а земляки, кои с тобой приехали, обещали сегодня наведаться?

Головин. Обещали.

Ломоносов. Собери-ка их сегодня да тащи всех к нам обедать. Сестрица моей хозяйке обед состряпать поможет.

Елизавета Андреевна. Их много?

Головин. Человек восемь наберется.

Елизавета Андреевна. Mein Gott! Сколько доброй провизия уйдет. Лучше чаем с хлебом угостим.

Ломоносов. Экая жадность в тебе! Земляки за тридевять земель приехали, привезли нам всяких гостинцев, и рыбы, и грибов, и моченой морошки, а ей обедом их жалко попотчевать. (*Головину*). Иди, иди, сзывай земляков.

Головин уходит, Ломоносов спускается в сад.

Елизавета Андреевна. Опять пианство будет!.. Не понимай, какой удовольствие с мужиками разговаривать. (*Уходит*).

Елена (*вбегает и кричит через перила*). Папочка, Шувалов приехал в раззолоченной карете, на шестерке вороных... Гайдуков своих у приворотни оставил...

Ломоносов (*кричит из сада*). Принеси-ка, Леночка, мой парик и кафтан новый.

Елена. Сейчас, папочка. (*Убегает*).

Ломоносов (*поднимаясь на крыльцо*). Малость не вовремя приехал. Знать, до меня дело какое-нибудь есть.

Леночка приносит вещи, Ломоносов наспех надевает парик и кафтан.

Елена. Идет, идет... (*Убегает в сад*).

Ломоносов входит в дом и возвращается на балкон вместе с Шуваловым, одетым в камергерский мундир, с книгой в руках.

Ломоносов. Извините, ваше превосходительство, что, будучи не предуведомлен о вашем приезде, не учинил встречу, подобающую вашему рангу!.. С прививкой яблонь возился... Деревья-то в нашей стране лучше прививаются, чем науки.

Шувалов (*садясь*). Я к тебе на минутку заехал. Во дворец еду... Ну, как доволен своим новым жилищем?

Ломоносов. Весьма. Тут все по моему плану сделано. О бонновском доме не думаю, пусть в нем новый профессор химии Сальхов живет. Вот что к нему перешла лаборатория, на которую я столько труда извел, того мне жалко.

Шувалов. В знак моей сугубой благодарности за твою мысль об открытии университета в Москве и проявленное в сем деле радение, приказал я, как куратор университета, отпечатать в университетской типографии книгу твоих стихов, а к твоему портрету, приложенному к оной, самолично стихи написал. (*Открывает книгу и читает*).

Московский здесь Парнас изобразил витию,
Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию;
Что в Риме Цицерон, и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл натуры храм богатым словом россов —
Пример их остроты в науках Ломоносов.

(*Приподнимается и передает книгу Ломоносову*).

Ломоносов. Я, нижайший, глубоко тронут таким вниманием!.. Ваше превосходительство переоцениваете труды мои. Основание Московского университета 12 генваря 1755 года, в день именин вашей матери Татьяны Петровны, одному лишь вам обязано.

Шувалов. Надеюсь, что ты и впредь будешь помогать мне своими советами об устройстве гимназии при университете.

Ломоносов. Все силы свои приложу к сему полезному делу, ибо университет без гимназии, что пашня без семян.

Шувалов. Спасибо также тебе, Михайло Васильевич, за труд твой „О размножении и сохранении российского народа", который ты изволил посвятить мне. Оный с великим любопытством был мною прочитан, и должен сказать, что появился он ко времени. Всего в нашей стране обширной насчитывается не боле четырнадцати миллионов душ, а приращения оных не замечается из-за великой смертности, разбоев и других пагубных причин.

Ломоносов. Король Пруссии тоже зело радеет о людоводстве и так писал Вольтеру: „Я смотрю на людей как на стадо оленей, разводимых в парке крупным землевладельцем". Сие мнение рассудку и пользе государственной противно. Людей не закрепощать, а раскрепощать надо!

Шувалов. Мой брат Петр Иванович, подавший по сему вопросу обширный доклад в Сенат, полагает, что причины убыли населения происходят от голода при неурожае и дешевизне хлеба при урожае, а также от бегства людей ввиду всякого рода насилий, грабежей и взяточничества.

Ломоносов. Проектируемые Петром Ивановичем на границе надежные форпосты не прекратят бегство крестьян. Только ограничение засилия помещиков над ними и упорядочение солдатских наборов могут помочь делу.

Шувалов. Вот насчет браков, ты, пожалуй, перехватил, требуя для мирян разрешения четвертого и даже пятого брака, а для духовенства — второго. Если попы наши об этом узнают, они тебя в еретики зачислят!

Ломоносов. Чай, не впервой!.. А разве они по-божески поступают, бракосочетая мальчиков со взрослыми девицами, али насильственно, по указке помещиков, не любящих друг друга людей? Где любви нет, там и плодородие не надежно.

Шувалов. Что касается вреда от невоздержания во время заговенья и о медицинской помощи населению, то я с тобой вполне согласен.

Ломоносов. Паче других масляница и святая неделя пожирают у нас великое множество народа. Готовясь к воздержанию великим постом, так люди заговляются, что до поста не доживают.

Шувалов. Я царице твое сочинение читал. Изволили очень смеяться, что наш народ так к пьянству приобык.

Ломоносов. Сие не смеха, а слез достойно! Всеми мерами надо стараться народу облегченье сделать. Война с пруссаками затягивается, от рекрутских наборов большое недовольство в народе таится. Долго ли до беды!

Шувалов. Государыня все осведомляется: когда ты „Историю Российскую" кончишь?

Ломоносов. Полагаю, что вскорости.

Шувалов. Я бы советовал тебе вовсе оставить науки и трудиться только в истории и поэзии.

Ломоносов. Что до моих по физике и химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов успокоения. Физические и химические опыты для меня не токмо вместо забавы, но как бы лекарством служат и сверх того пользу и честь отечеству принести могут.

Шувалов. Мой друг Вольтер уже написал историю Петра Великого. Да больно кратко. Сие он в письме ко мне объясняет тем, что мы ему мало исторических материалов дали.

Ломоносов. У меня сколько было записано о трудах царя Петра,— все для его предприятия отправил, а также описание самозванцев, стрелецких бунтов и житий царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Мог бы он от нас и больше получить материалов, однако перевод их на французский язык потребовал бы великого труда и времени.

Шувалов. Как расцениваешь написанную Вольтером „Историю Петра I"?

Ломоносов. Полагаю, что книга сия стоит царских шуб, которые ему в награду за нее были посланы. Правильно он выразился, что „Карл XII достоин быть в армии Петра первым солдатом".

Шувалов. Я только теперь узнал, почему Вольтер хлопотал через французского посла, чтобы его сделали членом нашей Академии, и добивался, чтобы ему было поручено писать историю Петра Великого.

Ломоносов. Не иначе, как для того, чтобы царица упросила Людовика XV разрешить Вольтеру вернуться в любимый им Париж.

Шувалов. Угадал, угадал...

Ломоносов. Фридрих-то, поди, как на него серчает, что он Петра восхвалил?

Шувалов. И не говори... Вольтер мне написал, что Фридрих ему за это в письме выговор сделал. „Скажите мне, пожалуйста,— написал он ему,— с чего это вы вздумали писать историю волков и медведей сибирских? Я не буду читать историю этих варваров. Мне даже хотелось бы вовсе не знать, что они живут на нашем полушарии".

Ломоносов. Особливо теперь, когда эти варвары колотят его солдат на полях сражения. Вести с войны, кажись, утешительны?

Шувалов. Вести, слава богу, хорошие. Вот только измена генерала Тотлебена омрачила наши победы. Скоро суд над ним будет. А уж каким верноподданным перед царицей старался казаться!

Ломоносов. Не Россию, а деньги русские любят они.

Шувалов. Ты с немцами-то в Академии перестань ругаться, Михайло Васильевич. Своими распрями с ними ты так досадил графу Разумовскому, что он не прочь тебя от Академии совсем отставить.

Ломоносов. Меня, ваше превосходительство, нельзя от нее отставить, разве Академию отставить от меня?

Шувалов. Да из-за чего вы грызетесь в Академии?

Ломоносов. Тауберт, Миллер и Теплов помыкают мною: за безделицами принужден я в канцелярию бегать и подъячим кланяться. Хочу просить о переводе меня в коллегию иностранных дел, где мог бы изучать архивы.

Шувалов. Пустое! Я, право, не знаю, чего ты хочешь? Ноне тебе все обучение юношества отдано. И гимназия, и университет находятся под твоей командой. Ты этого более всего хотел.

Ломоносов. Мое единственное желание — привести в вожделенное состояние университет и гимназию, откуда могли бы произойти многочисленные Ломоносовы.

Шувалов. Уж очень у тебя характер тяжелый!

Ломоносов. Будет тяжелый, коли от козней никогда покоя не вижу! Вон, высокографское сиятельство, недавний пастух, Кирилла Григорьевич Разумовский, меня не иначе, как заносчивым мужиком называет. А граф Строганов меня намедни при всех недворянством попрекал.

Шувалов. Эти разговоры не умаляют тебя в глазах людей, любящих поэзию и науки.

Ломоносов. Знаю, Иван Иванович, ваше благоволение ко мне, и, посылая вам ко дню рождения две первые песни поэмы „Петр Великий", от искреннего сердца писал:

Лишь были б завсегда защитники такие,
Каков ты промыслом в сей день произведен,
Для счастия наук в отечестве рожден.

Шувалов. Ну, и не обращай внимания на пустые разговоры!

Ломоносов. Я только и ищу способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть мог персон высокородных, которые меня низкою моей природой попрекают.

Шувалов (*вставая*). Приезжай-ка завтра ко мне обедать. Кстати я и Сумарокова позову. Надо же вас помирить наконец!..

Ломоносов. Ваше превосходительство может лучше дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Я с таким человеком обхождения иметь не могу и не хочу. Не токмо у стола знатных, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве его не отнимет.

Шувалов. Ну, хорошо, хорошо... Успокойся! Не позову Сумарокова. Приезжай завтра ко мне.

Шувалов и Ломоносов уходят. Через некоторое время на балкон входят Головина и Елена.

Головина. Я таких позолоченных бояр сроду не видела!

Елена. В Холмогорах нет таких, тетенька?

Головина. Им у нас делать нечего... Молоко-то на леднике стоит?

Елена. Да, тетенька.

Головина. Заодно и рыбу оттуда захватим.

Елена и Головина сходят с крыльца в сад.

Ломоносов (*ведя за руку Штелина*). Спасибо, друг, что навестить меня надумал. Кажись, ты только один мне пакости в Академии не делаешь.

Штелин. Я на добро злом отвечать не привычен.

Ломоносов. Зависти в тебе нет, за то уважаю тебя.

Штелин. Частенько у тебя Шувалов бывает?

Ломоносов. Порой заглядывает.

Штелин. Обещает, что ли, посодействовать твоему прожекту об основании самостоятельного университета в Петербурге?

Ломоносов. Пока молчит. Значит задержка есть. Вон и мое предложение, чтобы труды академиков издавались на русском языке, а не только на латинском и немецком, тоже задерживается. Разумовский мне везде гаждает.

Штелин. Чем ты ему не угодил?

Ломоносов. Полагает, что я под его власть подкапываюсь, и зол на то, что я довожу до сведения Сената о всех академических непорядках.

Штелин. Прочел твою „Металлургию". Интересны твои мысли о залегании руд в земле.

Ломоносов. Убежден, что и плоские губернии России изобилуют железными минералами. Только для обнаружения

оных надо, чтоб не один Ломоносов об этом думал, а чтобы все люди вместе стремились познать тайны природы.

Штелин. Всечасно сокрушаюсь, что на тебя возложили всю учебную часть Академии, в чем вижу большой ущерб для твоих научных работ.

Ломоносов. Я и сам то вижу. А все-таки университет и гимназию надо на ноги поставить. Плут Шумахер учебную часть, столь важную для России, совсем запустил и обременил Академию, корыстолюбия ради, всякими учреждениями по части искусств и ремесл.

Штелин. Профессор Эйлер из Берлина мне пишет, что твои работы: „Рассуждения о твердости и жидкости тел", „О слоях земных" и „О происхождении света" ценнейшими вкладами в науку будут.

Ломоносов. Теперь я о закономерности строения кристаллов пишу и полагаю, что образование залежей каменной соли объясняется испарением отделившихся от моря замкнутых бассейнов.

Штелин. А свои мысли о возможности невозможного, сиречь о пути в Индию через Северный окиан, не оставил?

Ломоносов. Мое мнение о будущем великом значении Северного моря основано на том, что Ледовитый окиан знаком мне сызмалетства. Поэтому в своей поэме „Петр Великий" я не попусту писал:

Колумбы русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь откроют на восток,
И наша досягнет в Америку держава!

Штелин. В Академии никто в это не верит.

Ломоносов. Потому что у наших академиков веры в гений человека нет. Природа — главный враг человека. Упорно исследуя хитрости природы, человек не токмо справится со льдами, но, чего доброго, и птицей в поднебесьи летать будет.

Штелин. Пока что мы и по земле толком ходить не можем. Борьба за деньги нас душит.

Ломоносов. Особливо ученых, ибо правители наши полагают, что люди науки могут, как Диоген, жить с собакой в бочке.

Входит Сумароков.

Ломоносов (*изменившись в лице*). Если по делу, милости прошу.

Сумароков. Знамо, не в гости! Доколе безобразничать будешь? Пора и совесть знать! Мне, по твоей милости, сочинений больше пускать в народ невозможно. Что цензоры подпишут, то еще Ломоносову на просмотр тащить нужно.

Ломоносов. Печатания в нашей академической типографии злостных и поносительных сатир не допущу!

Сумароков. Зависть тебя, помор, заела. Как ни блажи, все равно в стихотворстве не одолеешь меня. Кроме своего холмогорского наречия, что ты знаешь?

Ломоносов *(с иронией)*. Где мне с тобой в науках состязаться!

Сумароков. Попробуй в поэзии со мной сравняться! Тебя за „Гимн бороде" в Сибирь сослать мало. Как, бишь, там:

Борода предорогая,
Жаль, что ты не крещена,
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена...

Ломоносов. Сия сатира направлена против грубой ревности, скрытой под покровом святости, столь много причинившей вреда наукам.

Сумароков. То-то святейший Синод царице и жаловался, что „пашквилянт, под видом, якобы, на раскольников, крайне скверные и совести христианской противные ругательства генерально на всех персон, имеющих бороды, написал"... Одначе, Тредьяковский не плохо тебе ответил:

Ты преподло был рожден,
Хоть чинами и почтен.
Всех когда лишат чинов,
Будешь пьяный рыболов.

Ломоносов. Если ты в мой дом ругаться приехал, вот тебе бог, а вот и порог.

Сумароков. Запомни раз навсегда, что все твои продерзости в отношении меня тебе даром не пройдут, я найду на тебя управу.

Ломоносов. Ты сперва стихи научись писать да отвыкни француза Расина в русскую рубаху рядить, а потом уж управу на меня ищи.

Сумароков. Хоть я много должен Расину, но Расин — француз и в русском языке мне дать наставления не мог.

Ломоносов. Русским языком и чистотою склада мне и Тредьяковскому обязан.

Сумароков. Брешешь, помор! Не должен никому, кроме себя. Знать тебя после того не хочу, и, видит бог, никогда моя нога в твой дом не вступит! (*Уходит*).

Ломоносов. Давно бы так!.. Где нам, мужикам, с таким боярином знаться!.. (*Штелину*). А ведь большими приятелями с ним были. Нонешнее время людей так перековеркало, что у всех нас больше зависти, чем разума. Питаю надежду, что с развитием наук мы более чувствительными к правде будем.

На балкон входят Головин и восемь поморов, которые толпятся за ним.

Головин. Вот и земляков привел к тебе в гости.

Ломоносов. Рассаживайтесь, земляки, милости прошу! (*Все скромно садятся*). Это, друг Штелин, все как бы мои самые близкие родные. Смотрю на них и вспоминаю свое милое детство, свирепое Белое море, раздолье окиана и вечную умную борьбу с грозными стихиями... А здесь с чем боремся? С перевертниками, брехателями и ханжами... Сущая подземная война слепых кротов! Уеду, брошу этот Вавилон, в сермягу оденусь и навсегда скроюсь в деревенскую, тихую глушь. Вышел из народа, в народ возвращусь. (*Снимает с себя парик и кафтан, бросает их небрежно на скамейку*). Ну, земляки, давайте бражничать! Зальем вином и радость встречи, и горечь жизни. (*Хлопает в ладоши и кричит в дверь*). Эй, хозяйка, собирай на стол, тащи вина и пива, угощай наших гостей наславу!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ломоносов — 53 лет.

Елизавета Андреевна — его жена, 45 лет.

Елена — его дочь, 16 лет.

Иоганн Цильх — брат Елизаветы Андреевны.

Штелин — профессор аллегории.

Фон-Физин Денис Иванович — полный, круглолицый, румяный человек, 22 лет.

Константинов Алексей Алексеевич, — петербургский чиновник, 37 лет, Лекарь.

Головин Миша — племянник и крестник Ломоносова, 12 лет.

Утро 4 апреля 1765 года. Кабинет Ломоносова; большая комната, стол завален рукописями, книгами, географическими картами и чертежами. На полках и в шкафу расставлены разные инструменты, глобус, реторты, колбы, электрические батареи, подзорные трубы и пр. На стене карта Северного океана, на которой жирной красной линией нанесен морской путь в Китай и Индию, в обход Сибири. Ломоносов полулежит в кресле около письменного стола, протянув ноги на низкую табуретку. Одет тепло, в валеных сапогах. У него усталое, в морщинах, лицо. Без парика, совсем лысый. В крупной, жилистой руке держит книгу. Порой хватается за грудь, как бы стараясь облегчить свое дыхание.

Ломоносов (*после приступа кашля*). Не дает мой „соловей“ покоя ни днем, ни ночью!.. Ноги опухли... Знобит... В груди, по временам, такая боль, что и жизни не рад... Видно, скоро

помру... Да и пора! Виноградов, друг юности моей, помре... Крашенинников тоже... Рихман давно уж на том свете... Профессор Клейнфельд, мой ученик, удавился... И я вскорости за ними последую... Только бы дела мои не погибли со мною!.. (*Хватается за грудь рукою и корчится от боли*).

Елизавета Андреевна (*с подносом в руках*). Выпей кофе, Михель.

Ломоносов. Нет, нет, не могу... (*Указывая на грудь*). Болит... дышать трудно...

Елизавета Андреевна. Пошел бы в кровать полежать.

Ломоносов. Не поможет, умирать пора.

Елизавета Андреевна. Mein Gott Mein Gott!.. Зашем так говорить? Зашем так пугать?.. А я с кем останусь? Ох, Михель, ох, голубшик!.. (*Плачет*).

Ломоносов. С дочкой останешься, с братом... Ну, и Константинов все к Леночке присватывается... По сердцу он мне... С ним не пропадете...

Елизавета Андреевна. Я ей немца жениха желаю.

Ломоносов. Немца?.. Да она от немца через неделю убежит. Натура у ней поморская, моя... Разве ты, Лизхен, мало со мной помучилась? Вспомни-ка.

Елизавета Андреевна. Неправда, неправда! Ты добрый, ты короший... Много буянишь, кричишь, а сердце — золотой.

Ломоносов кашляет и задыхается.

Елизавета Андреевна. Вся твоя болезнь от вина. Говорила: „Не пей, не пей, береги здоровье“...

Ломоносов (*отдышавшись*). Вот и легче стало. Совсем хорошо!.. Не от одного вина, Лизхен, а от кручин, вечных оскорблений и злобы моих недоброхотов... Чего-чего только после смерти Елизаветы Петровны не пришлось мне пережить!.. Наплевали на все мои труды и научные заслуги...

Елизавета Андреевна. Как наплевали? Сама новый царица тебя прошлым летом в дом посетила и два часа говорила с тобой...

Ломоносов. Сие не более, как позолоченная пилюля, Лизхен... Вон и мои доброжелатели, Шувалов и граф Воронцов, за границу выбыли... Значит, невтерпеж стало им здесь...

Елизавета Андреевна. И мы за границу уедем. Тебя там почитают. Избрали пошотным членом Стокгольмской и Болонской академий...

Ломоносов. Нет, уж лучше у себя на родине умру... (*Кашляет*). Принеси-ка, Лизхен, лекарство из спальной.

Елизавета Андреевна уходит.

Да, при Елизавете Петровне ценили меня, при Петре III — терпели, а при Екатерине — забыли... Всем оды подносил, и все

по-разному принимали... Одного Петра Первого воспевать следовало бы, а остальных не за что было. А воспевал!.. Шут Кузьмич правду говорил, что время делает человека... (*Кашляет*). Я не тужу о смерти, пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют...

Входит Елена.

Елена. А ты все кашляешь, папочка?

Ломоносов. Все кашляю, дочка. Подойди, моя волоокая, я тебя поцелую. (*Целует дочь и смотрит ей в глаза*). О чем плакала, моя зоренька?

Елена. И мамочка тоже плакала. Нам сейчас Алексей Алексеевич Константинов рассказывал про казнь Мировича на Сытном рынке...

Ломоносов. Не думал, что Василий Яковлевич на эшафоте свою жизнь кончит... Частенько он ко мне захаживал. Ты его помнишь, Леночка?

Елена. Хорошо помню.

Ломоносов. В Шлюссельбургскую крепость пробрался, а спасти Иоанна Антоновича не удалось ему.

Елена. А мог бы?

Ломоносов. Нет, доченька, не мог. Приказ предусмотрительный был: в случае чего, живым бывшего императора из рук не выпускать... Мирович, ворвавшись в каземат, нашел труп зарезанного царственного узника...

Елена. Какие люди злые!..

Входит Елизавета Андреевна и подает Ломоносову рюмку с лекарством.

Ломоносов (*выпив лекарство*). Сегодня мне хуже, чем вчера.

Елизавета Андреевна. Да ты бы лег в постель.

Ломоносов. Успею еще належаться. Штелин обещал зайти сегодня, и Фон-Визин хотел навестить меня. (*Кашляет*).

Елизавета Андреевна. Пойдем, Леночка, папе нельзя много говорить.

Ломоносов. Нет, нет, когда Леночка около меня, мне легче.

Елизавета Андреевна. Я пошлю за лекарем.

Ломоносов. Пошли.

Елизавета Андреевна уходит.

Елена. Папочка, тебе трудно говорить, я лучше уйду.

Ломоносов. В могиле намолчусь. Что сегодня читала?

Елена. Твое похвальное слово Петру Великому. Как хорошо!

Ломоносов. Да, дочка, Петр был великий человек.

Елена. А Елизавета Петровна?

Ломоносов. Ох, что греха таить! Больше насчет нарядов и балов помышляла.

Елена. Говорят, что после нее десять тысяч платьев осталось.

Ломоносов. Двадцать лет процарствовала Елизавета Петровна, наших дворян офранцузила, а ее преемник Петр Федорович хотел нас всех опруссачить, да не удалось.

Елена. За что его, папочка, в Ропше Орлов убил?

Ломоносов. Разве слышала?

Елена. Все так говорят.

Ломоносов. О таких делах, дурочка, молчать надо. Умер от колик в кишках — и баста!.. Теперешняя царица Екатерина Алексеевна умом куда покрепче своего покойного супруга. Потому и осилила его. (*Кашляет и хватается за грудь рукой*).

Елена. Я пойду, мамочку позову. (*Уходит*).

Ломоносов. Батюшки, что это за боли мучительные в груди!

Входит Штелин, осторожно отворяя дверь.

Штелин. Как сегодня себя чувствуешь, Михайло Васильевич?

Ломоносов. Плохо, любезный друг, совсем плохо. (*Кашляет*). Смерть, мотри, у порога. О том горюю, что (*указывая рукой на карту с путем на Индию*) не увижу результатов экспедиции адмирала Чичагова, снаряженной по моей мысли и при моем участии для следования на трех кораблях из Архангельска в Индию...

Штелин. Не горюй напрасно, поправишься... Знаешь, правительство обещало всем участникам экспедиции награды, а вдовам, в случае гибели их мужей, пенсии.

Ломоносов. Денег на экспедицию казна отпустила маловато. Всего двадцать тысяч рублей.

Штелин. Понадобится — еще отпустят.

Ломоносов. Прочел мои „Мысли о происхождении ледяных гор в северных морях“?

Штелин. Многие несогласны с твоим выводом, что в открытом море на морозе может образоваться только сало, а ледяные поля берут свое начало в устьях больших рек, впадающих в Ледовитый океан.

Ломоносов. Пожалуй, и с тем несогласны, что ледяные горы обязаны своим происхождением ледникам, спускающимся до самого студеного моря?

Штелин. Да.

Ломоносов. Придет время, люди поверят моим словам... (*Кашляет*).

Штелин. Ты пошел бы полежать.

Ломоносов. Успею... (*Берет пакет со стола и передает Штелину*). Передай, любезный друг, этот пакет адмиралу

Чичагову... Я тут набросал нужные для него сведения о северном море... (*Хватается за грудь и стонет*).

Штелин. Тебе надо говорить поменьше.

Ломоносов. Не важно!.. Вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею только о том, что не мог совершить того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии. И теперь, при конце жизни моей, должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною...

Штелин. Никогда не исчезнет то, что ты сделал для пользы России!..

Ломоносов (*хватаясь за грудь*). Вот тут давит...

Штелин. Главное, не волнуйся... (*В сторону*). Надо поторопить лекаря. (*Уходит*).

Ломоносов. А как не волноваться?.. Если умру, как Лизхен с Леночкой без меня будут жить?.. Алексей Алексеевич Константинов — человек надежный, честный... Только много старше Леночки, придется ли ей по сердцу...

Елена (*входя в комнату вместе с Мишей Головиным*). Мишенька пришел тебя проведать.

Ломоносов. Здравствуй, крестник. Как твое учение идет?

Миша. Хорошо, крестный... Легче всего арифметика дается.

Ломоносов. Быть тебе профессором математики... Вечор от моей любезной сестрицы, твоей матери, письмо получил. Благодарит, что тебя в гимназию пристроил, и спрашивает про твои успехи в ученьи. Отписал ей, что одел тебя с ног до головы...

Миша. Спасибо, крестный.

Ломоносов. По воскресеньям и праздникам приходи к нам обедать и ужинать. (*Леночке*). Пойди-ка, накорми крестника, а то в школе, знаю, не больно плотно их кормят... Коли поправлюсь, особливое внимание на сей вопрос обращу.

Елена с Мишей идут к двери.

Постой-ка на минутку Леночка... (*Мише*). Иди, иди к тетке да помни, что ученье — свет, а неученье — тьма...

Миша уходит.

Елена. Что, папочка?

Ломоносов. Скажи мне, дочка, по совести: Константинов тебе по душе?

Елена (*смущенно*). Не знаю, папочка.

Ломоносов. Он человек умный, деловой... Если умру, эти мои слова попомни...

Слышится стук в дверь.

Посмотри-ка, Леночка, кто там?

Елена (*отворяя дверь*). Это Денис Иванович.

Входит Фон-Визин.

Ломоносов. Здравствуй, московский студент и лейб-гвардии Семеновского полка сержант! Ну, как устроился на службу при Елагине? Ноне он большая персона.

Фон-Визин. Спасибо вам, Михайло Васильевич, что ему отрекомендовали меня. С вашей легкой руки по службе в гору иду.

Ломоносов. Автор „Бригадира" да подгадил бы!

Фон-Визин. На прошлой неделе читал „Бригадира" в петергофском эрмитаже в присутствии ее величества. Императрица осталась довольна и спросила меня: „Кто подвинул тебя на этот путь?" „Бессмертный наш ученый и поэт Ломоносов",— ответил я.

Елизавета Андреевна (*входя и садясь*). Лекарь сейчас придет.

Ломоносов (*Фон-Визину*). И на том спасибо, молодой человек... Пиши, голубь мой, бичуй злые и глупые нравы. Сколько еще бездельников и тунеядцев бременит землю... Талант у тебя несомненный... (*Беря со стола тетрадь*). Прочел твои стихи с великим удовольствием. (*Листает тетрадь*). „Лиса-казнодей"— восхитительна. Похвалы ее умершему льву бесподобны... (*Читает*). „Он скотолюбие в душе своей питал"... Лев-то!.. (*Кашляет и протягивает книгу Елене*). Прочти-ка, Леночка, вот это место.

Елена.

Трон кроткого царя, достойно алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей.
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи,
И, словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.

Ломоносов. Стрелы Свифта и соль Буало! Метишь, сударь, в Горации. (*Берет у Елены книгу и листает*). А вот прочти-ка, Леночка, это место из „Послания к уму своему".

Елена.

Ты хочешь дураков в России поубавить,
И хочешь убавлять в такие дни,
Когда со всех сторон стекаются они?
Когда бы с дураков здесь пошлина ходила,
Одна бы Франция казну обогатила...

Ломоносов. Именно так... Едут наши недоросли в чужие края науки искать... А глядишь, юный российский поросенок, объездив театры да кофейни, возвращается на родину сущею

русской свиньей... Пиши, пиши!.. Будь благовестником вечной правды, беги от несытых в роскоши, от ханжей и лицемеров... (*Кашляет*).

Елизавета Андреевна. Пойди отдохнуть.

Ломоносов. Сейчас... Дай поговорить с новой силой родного ума...

Фон-Визин. Беда, что не любят у нас свободного слова, Михайло Васильевич.

Ломоносов. И на сочинителя смотрят еще как на общего обидчика и шута... Срамословы и невежды...

Начинается сильное удушье. Елизавета Андреевна, Елена и Фон-Визин суетятся около него.

Елизавета Андреевна. Mein Gott! Mein Gott! Никакие лекарства не помогают!

Входит Иоганн Цильх.

Иоганн Цильх. Лекарь пришел.

Елизавета Андреевна. (*Елене*). Позови его сюда.

Ломоносов. (*Иоганну*). Здравствуй, коллежский регистратор. (*Фон-Визину*). Царица по моему ходатайству чином его наградила. Мастерового-то?.. А?..

Фон-Визин. Знать, заслужил того.

Входят Штелин, лекарь и Елена. Лекарь подходит к Ломоносову, выслушивает пульс и дыхание.

Лекарь. Вам, господин профессор, надо сейчас же лечь в постель.

Ломоносов. Али дело к концу подходит? Того и жду... (*Указывает на грудь*). Точно каленым железом жжет... Самому до постели не дойти... Помогай, лекарь...

Лекарь, Елизавета Андреевна, Иоганн и Елена помогают Ломоносову встать и ведут его к двери.

Бичуй, Денис Иванович, зло на земле и хулителей науки...

В комнате остаются Штелин и Фон-Визин.

Штелин. Совсем плох!.. Лекарь говорит, что каждую минуту помереть может. Сердце никуда не годится.

Фон-Визин. И не так стар.

Штелин. Всего пятьдесят три года.

Фон-Визин. Что за болезнь у Михайлы Васильевича?

Штелин. Грудная жаба и сильнейший ревматизм ног. Он уже три года перемогается.

Фон-Визин. Непомерной работой подорвал он свое здоровье.

Штелин. Не только этим, сударь мой!.. Вспомните его голодную юность в Москве, мытарства, доходившие до нищеты, за границей, и отчаянную нужду в первые годы здесь. А вечные уколы самолюбия, борьба за науку с врагами и завистниками?.. Конечно, и излишество в употреблении вина сказалось печально на здоровьи Михайлы Васильевича.

Фон-Визин. В какой только области Ломоносов не работал.

Штелин. И не говорите!..

Фон-Визин. Заключение мира с Пруссией сильно возмущало его. Он не раз говорил мне: „Елизавета довела Фридриха до края гибели, а Петр III спас этого лукавца".

Штелин. Да, поступки покойного императора не мало испортили крови Ломоносову. Помню, как он негодовал на Петра III, когда тот, издавши указ о передаче фарфоровой фабрики Ломоносову, приказал через месяц отобрать оную от него.

Фон-Визин. Теперешняя царица тоже в первое время держала в забвении заслуги Ломоносова.

Штелин. Правильно изволили заметить. Екатерина Алексеевна, при своем воцарении, щедро наградила многих ученых, а о Ломоносове забыла.

Фон-Визин. Тут, конечно, дело не обошлось без интриг графа Разумовского.

Штелин. Когда два года тому назад последовал указ о пожаловании коллежского советника Ломоносова в статские советники с вечною от службы отставкою с половинным по смерть его жалованием, Михайло Васильевич страшно опечалился и уехал в свою деревню Усть-Рудицы.

Фон-Визин. Нашлись все же люди, которые указали тогда царице на ее ошибку.

Штелин. К счастью, да. Ломоносова оставили при Академии с чином статского советника. И Географический департамент опять подчинили ему. Ну, а затем у него опять пошли неприятности с Таубертом, а особливо с Миллером и Шлецером.

Фон-Визин. В чем причина этих вечных академических склок?

Штелин. Это длинная история. Надо сказать, что Шумахер хотел властвовать один над Академией с помощью своего зятя Тауберта и своего ставленника Миллера. Ну, а Михайло Васильевич с этим не мог мириться, тем более, что считал их казнокрадами.

Фон-Визин. Шлецер, кажись, не так давно в Академии?

Штелин. Всего три года. Миллер выписал его из-за границы для обучения своих детей и провел в Академию. Михайло Васильевич возмущался, что он, не зная хорошенько русского языка, вздумал написать грамматику...

Фон-Визин. Ну, как не возмущаться, когда он слово боярин производит от барана, слово дева — от нижнесаксонского Tiff — сука и так далее.

Штелин. Потом Михайло Васильевич не одобрял плана работы Шлецера по древней русской истории, хотя надо сознаться, что Шлецер, как и Миллер, много сделали для изучения русской истории.

Фон-Визин. Неужели они не могли столковаться с Ломоносовым?

Штелин. С ним было трудно столковаться; он крайне самолюбив и подозрителен... Все эти скандалы в Академии не могли не отозваться на его здоровье.

Входит Елизавета Андреевна, которую поддерживают Константинов и Елена.

Елизавета Андреевна (*плача*). Простился со мной... с Леночкой... (*Указывая на Константинова*) и с ним... Нет, нет, он уже не поправится!.. Умрет... умрет... (*Штелину*). Он вас к себе хочет...

Штелин быстро уходит. Фон-Визин говорит с Елизаветой Андреевной; Константинов беседует с Еленой.

Константинов. Успокойтесь, Лена, слезами горю не поможете... Михайла Васильевич поручил мне, в случае его смерти, беречь вас и вашу мать, и сказал, что он мне верит. Верите ли вы мне?

Елена. Могу ли я вам не верить, коли папочка верит вам.

Константинов, наклонившись, о чем-то беседует с Еленой.

Елизавета Андреевна. Ах, господин Фон-Визин, если бы вы знали, как бедный Михель страдает!

Фон-Визин. Бог даст, поправится.

Елизавета Андреевна. Nein, nein!.. У него уж руки совсем холодный... Лежит, как умер... Говорит чуть-чуть слышно... Добрый он... (*Плачет*).

Фон-Визин. Ему бы отдохнуть надо, в деревне пожить на чистом воздухе.

Елизавета Андреевна. Он отдых не любит... Всегда за работой... И на мызе тоже... Все пишет, пишет... или опыты строит.

Фон-Визин. Уж очень в Академии ему досаждали.

Елизавета Андреевна. Всегда войну делал с академиками и ругал их, что они деньги больше любят, чем наук...

Фон-Визин. Он прав был.

Елизавета Андреевна. Вот и вы не хочет понимайт, что можно науки и деньги любить... У нас в Марбурге все

короший профессора так думают, а потому живут корошо.. А мы часто копейку не имел... Лекарств в долг брали!.. (*Плачет*).

Издали доносится подозрительный шум. Елизавета Андреевна вскакивает и убегает. Остальные тревожно прислушиваются. Входит озабоченный Штелин, а за ним плачущие Иоганн Цильх и Миша.

Елена (*бросаясь к двери*). Папочка умер?..
Фон-Визин. Возможно ли?
Штелин. Умер первый русский ученый, великий ЛОМОНОСОВ!

Занавес

Кабинет Севера
Обл. библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Ред. Н. П. Котов. *Техред. А. А. Веселовская.*
Сдано в набор 5/II 1935 г. Подписано к печати 15/III 1935 г. Форм. 62×92/16. Тираж 2000. Б. л. 3⅝. П. л. 7¼. Уч.-авт.—л. 8,2. Зн. в б. л. 89088. Инд. Х-8в. Изд. № 529. Заказ № 378. Севкрайлит № 29.
Тип. „Северный Печатник", Вологда, ул. К. Маркса, 70.
Цена 2 рубля.

2 руб.